
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сплав леса по реке Черемош в Украинской ССР.
Фото В. Карлова.

На первой странице обложки: Футбольная весна в столице. Игра на первенство Советского Союза между командами «Спартак» (Москва) и «Зенит» (Ленинград) на Центральном стадионе имени В. И. Ленина. Опасный момент у ворот «Зенита».
Фото А. Бочинина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 21 (1614) 18 МАЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫСТАВКА ОТКРЫТА!

11 мая открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. И с первых же часов туда хлынул поток посетителей. Сколько нового и интересного покажет в этом году выставка, как много расскажет о сельском хозяйстве, быстро и уверенно идущем в гору!

Разве не многозначительны эти цифры: в 1954 году участниками ВСХВ были 173 тысячи передовиков, а в текущем году — 400 тысяч. Возросло не только количество участников,— возросли и показатели каждого из них. Не случайно за последние три года свыше 200 тысяч тружеников деревни награждены орденами и медалями, пополнился отряд Героев Социалистического Труда.

Их опыт, их достижения отражены в десятках павильонов выставки.

На открытии выставки побывали товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов.

На митинге, посвященном открытию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1958 года, выступил тепло встреченный присутствующими Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР тов. Н. С. Хрущев.

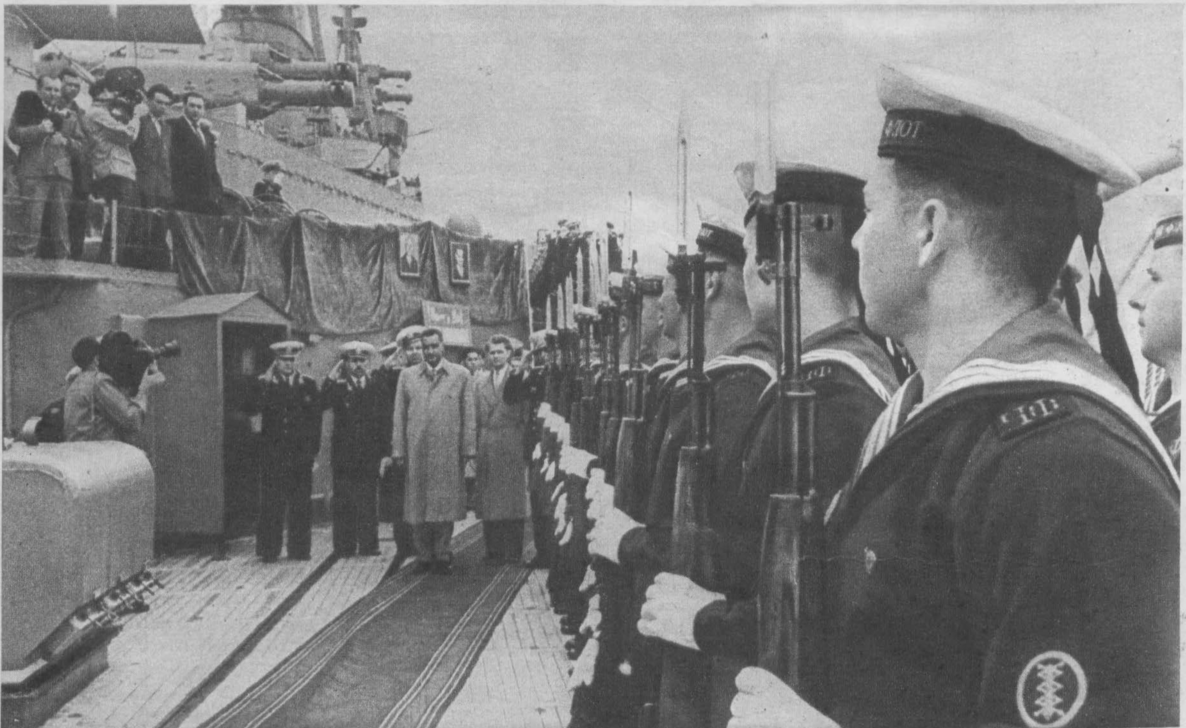

На открытии ВСХВ.

Фото Дм. Бальтерманца

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

Гости из ОАР осматривают Баку.

На борту крейсера «Михаил Кутузов».

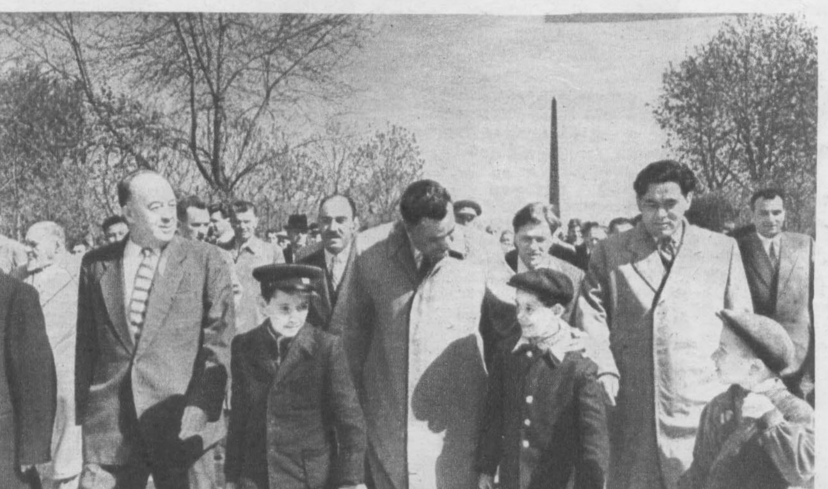
Тысячами километров измеряется путь, который проделал по Советской стране наш высокий гость — президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер. Он и его спутники побывали в гостеприимном Узбекистане, в городе нефтяников Баку и на солнечных берегах Черного моря. Гостей горячо приветствовали киевляне, ленинградцы, сталинградцы. И повсюду на этом пути посланцы арабского народа ощущали сердечную дружбу советских людей.

— Народ Объединенной Арабской Республики ценит чувства дружбы советского народа и, в свою очередь, отвечает вам чувствами дружбы и любви, — сказал президент Гамаль Абдель Насер в Киеве.

Встречи между президентом Объединенной Арабской Республики Гамалем Абдель Насером и советскими руководителями показали дружественную атмосферу и доброе взаимопонимание в оценке современных международных проблем и особенно в оценке вопросов борьбы за мир, за дальнейшее развитие и укрепление дружбы между нашими странами.

Президент Гамаль Абдель Насер и его спутники знакомятся с работой Днепрогэса имени В. И. Ленина.

В Киеве, в Парке вечной славы воинам Советской Армии, президент Насер возложил венок на могилу Неизвестного солдата. На снимке: Д. С. Коротченко, Гамаль Абдель Насер, Н. А. Мухитдинов после возложения венка.

На ленинградском заводе «Электросила» Гамаль Абдель Насер сделал запись в книге почетных посетителей завода.

Фото А. ГОСТЕВА, специального корреспондента «Огонька»

↓ Ленинград. Президент Насер и его спутники выходят из соборной мечети.

Сталинград. На пароходе «Константин Тренев» гости отправляются на строительство Сталинградской ГЭС.
↓

Демонстрация на центральной площади Копенгагена.

КОПЕНГАГЕН В ДНИ СОВЕЩАНИЯ НАТО

Два совпадения ознаменовали совещание министров иностранных дел Атлантического пакта, происходившее в Копенгагене. В день открытия конференции отмечалась годовщина освобождения Дании от нацистской оккупации. Когда министры иностранных дел НАТО вышли вечером из замка Кристиансборг, где они начали обсуждать свои агрессивные планы, перед ними предстал город, освещенный праздничной иллюминацией. Окна домов были освещены свечами, которые свидетельствовали о неугасимом пламени свободы, зажженном в сердце датского народа. Министры могли убедиться, что сколько бы они ни старались, народы не забывают идеалы, которые руководили ими в освободительной борьбе против фашизма и войны.

На следующий день, в то самое время, когда Джон Фостер Даллес выступал со своими клеветническими нападками на Советский Союз, в нескольких стах метрах от замка Кристиансборг, на центральной городской площади, состоялась многотысячная народная демонстрация против атомного вооружения Западной Германии: мужчины и женщины, старики и дети с плакатами, полотнищами и макетами стекались со всех концов города, чтобы заявить, что датский народ решительно отвергает решения, принятые в замке Кристиансборг.

В эти дни мы беседовали со многими жителями Копенгагена. Мы спрашивали: довольны ли они тем, что в их городе происходит совещание министров иностранных дел стран НАТО? Вежливость и гостеприимство датчан общеизвестны. И, тем не менее, ни один из жителей Копенгагена, с которыми я беседовал, не мог скрыть беспокойства и недовольства совещанием в замке Кристиансборг.

Замок, где происходило совещание, охранялся полицией самым строжайшим образом. За несколько дней до открытия совещания был обследован каждый участок. Все, даже самые малейшие, щели в ограде были тщательно заделаны из страха перед тем, как бы в них что-нибудь не положили. Журналисты, допущенные на совещание, должны были неоднократно предъявить пропуска, перед тем как попасть в специально предназначенные для них залы. По окончании совещания министры разъехались поодиночке. И ни в аэропорту, ни на вокзале никто не провожал их, кроме официальных властей и чиновников...

Как известно, совещание закончилось частичным поражением Даллеса. Этот человек, привыкший командовать над своими коллегами из Атлантического пакта, вынужден был неоднократно выслушивать мнения, не согласные с его позицией. Критические голоса, исходившие из самого атлантического лагеря, разумеется, не были настолько решительными, чтобы серьезно повлиять на положение вещей. И все же эти голоса свидетельствуют о том, что кое-что изменилось: правительствам стран Атлантического пакта все больше приходится считаться с волей народов.

А. ЯКОБСЕН

Копенгаген. Май.

Новые сады и парки

В воскресенье, 11 мая, жители столицы отмечали «День леса и птицы».

Многие тысячи москвичей — взрослые и дети — вышли в этот теплый солнечный день на улицы, чтобы принять участие в посадках деревьев, разбивке скверов, озеленении дворов. Шли и ехали к местам работы с песнями. Общее желание — превратить Москву в город-сад.

И вот встали первые молодые деревца там, где раскинется на Ленинских горах парк имени 40-летия ВЛКСМ, посажены липы на Ленинском проспекте, заложены яблоневый сад и розарий в Центральном парке имени Горького, разбиты скверы и клумбы в Сокольниках, на Кутузовском проспекте, в Ленинском и Октябрьском районах...

Тысячи, многие тысячи деревцев встали 11 мая на улицах и площадях столицы; повешены сотни скворечников.

Теперь нужно бережно растить молодые посадки. Растить и все время увеличивать зеленое богатство города. Об этом правильно сказал Леонид Леонов, приветствовавший участников «Дня леса и птицы»: «Нет, не кампании, пусть даже самые массовые, могут помочь озеленению Москвы. Тут нужен ПЛАН—реальный, твердый, продуманный во всех деталях».

На снимке: на закладке парка имени 40-летия ВЛКСМ.

Фото А. Устинова.

СЕЧА В ТЕЛЕРМАНЕ

Василий ТИТОВ

Фото автора.

Я начинаю эти записки ночью на одиноком лесном кордоне. Над поймой за Хопром повис охотничьим рожком молодой месяц.

Пойма, что лежит за Хопром и поросла дубом, ольхой, ясенем, тополем, осиной,— заповедник. А чуть выше ее, отделенный от заповедника сквозной межевой просекой, стоит остаток древней, когда-то непроходимой дубравы — дубовый телерман. Трехсотлетние дубы высятся там такими литыми, черными колоннами, что, кажется, подпирают само небо. Редкостный лес! Тут Ворона встретилась с Хопром, а со всех сторон подошли близко к телерману поля.

Мне сегодня как-то неуютно: узнал, что телерман рубят и что овраги, исполосовавшие вдоль и поперек саратовские, балашовские, воронежские и другие соседние земли, по-прежнему голы. Этого-то я не ожидал. Хотелось увидеть овраги в порослях веселых дубовых молодых лесов. От самого Балашова по саратовским и воронежским полям тянутся уже давно знакомые картины: черные овраги, балки, промоины, овражки и трещины. Они так изрезали склоны, что казалось, совсем недавно здесь было землетрясение и трещины не успели еще сомкнуться.

В моей записной книжке была справка: «В Саратовской области овражных и так называемых балочных систем с прилегающими к ним эрозированными почвами уже теперь насчитывается около двух миллионов гектаров. Не будь этих оврагов, не лежало бы рядом с ними десятков тысяч гектаров полей с сильно и частично смытыми почвами, что к общей площади саратовской пахотной земли составляет тридцать процентов. А в соседней, Воронежской области...»

Хватит покуда и саратовских цифр. Они больно ранят душу. Меня снабдили ими перед поездкой на Хопер в Управлении полезащитного лесоразведения и колхозных лесов Министерства сельского хозяйства СССР. Мы беседовали там с сотрудником управления Петром Львовичем Никитиным. Я переспрашивал его:

— Да полноте! Ведь там много лет работала Саратовская агролесомелиоративная экспедиция. Столько было планов! Какие надежды возлагались на телерман! Природная база для лесоразведения.

Рухнула, разметав и переломав голое верховое сучье, колонна эдак тонн на пятнадцать.

— Телерман сам по себе, овраги сами по себе,— отвечал Петр Львович.— На оврагах до сих пор ничего не делается.

Всю дорогу до Балашова я раздумывал над тем, что говорил мне Никитин. И вот, подвигаясь через поля к Борисоглебску, где стоит телерман, я увидел, что он прав. На задний план отодвинулось желание побродить по заповедной пойме на Хопре, полазить по ее старицам и калужинам, посмотреть, как живет здесь охраняемый законом редкий зверек выхухоль. Балашовские и саратовские овраги заняли все мое внимание, а слово «эрозия» приобрело тревожащее значение.

Видели вы мокрую весну в полях? Она приходит туда в марте — апреле, когда появляются первые проталины и важные, еще черноносые грачи. Март бокогреем зовется. В марте солнце корове бок припекает. Вот в марте-то и начинается мокрая весна. К вечеру зиме удается обмануть тепло, набросить на ручьи ледок, там залатать, здесь подмостить. А чуть свет зиме опять одни хлопоты: там потекло, там побежало, и в поле ни на санях, ни на телеге.

Вот в такую пору вы услышите, как под снегом журчит торопливый ручеек. Он спешит куда-то и говорит, говорит... Потом этих подснежных говорунков становится все больше и больше и где-то уже начинает «поигрывать» ближний овраг. Вот тогда-то на покатых полях, в ущерб им, и работает талая, быстрая вода. Безжалостно бороздит она пашню миллионами мельчайших бороздок, вымывает из почвы питающие растения вещества, да и самое почву рушит и тащит к оврагам. Покатые поля — они все стремятся к оврагам. А овраг гудом гудет, множится промоинами, ширится, и, глядишь, его края уже отодвинулись куда-то дальше, в поле, на новое место. Вот это и есть эрозия. Прибавьте еще дожди, ветер. Так растут овраги.

Кто же может остановить их рост? Лес!

Я перелистываю свою записную книжку и нахожу в ней такие записи:

«Байчуровский район. В зоне Макашевской МТС несколько лет назад было посажено около 700 гектаров лесополос на колхозных полях. По последней инвентарной описи их осталось только 21 гектар. По Черновской МТС в том же районе было заложено тогда же 1 200 гектаров лесных полос. Сейчас их осталось, в запущенном виде, 214».

Эту справку я взял у старшего лесничего бывшей Балашовской области Федосия Дмитриевича Покровского, который писал докладную в Москву.

Байчуровский район лежит где-то вот здесь рядом. Поля тут с оврагами и вытравленными кусточками исчезнувших лесных полос тоже запомнились, но ответа, что происходит здесь с лесом и полем, найти не удалось. К тому же вот слышу, что рубят телерман, что жить ему осталось всего каких-нибудь сорок лет, что на его месте возникнет новый, молодой лес, а старый перестоял и подлежит замене. Об этом, сидя у печурки и помешивая в ней дрова, рассказывает работник Подосиянского кордона, наблюдатель заповедника Василий Фомич Олейников. Он часто бывает в телермане.

Я опять зарываюсь в свои записки и слушаю, как на пойме кричит сова и как под полом тогда перестают скрести мыши.

...Наконец, я выбрался в телерман, добрался до Борисоглебска, перешел Ворону и ввалился в комнату старшего лесничего Дмитрия Осиповича Антифеева, в управлении Телермановского лесхоза.

— Да, рубим,— отвечал мне спокойным голосом Дмитрий Осипович, и ни один мускул не дрогнул на его лице.— Да, рубим. Идет восстановительная рубка. Вы правильно осведомлены — на сорок лет рассчитана. По плану! Через сорок лет полагается здесь стоять новому лесу. Не хотите ли проехать на сечу?

...Все же надо, очевидно, рассказать, что такое телерман.

В 1935 году на степное Заволжье пала неожиданная засуха. Хлеба стояли по глаз, налились уже вползерна и густо покачивались под ветром. Готовились выйти в поле, ладили комбайны, и вдруг ударили тугие, жгучие ветры. Они катились сюда из далеких Каракумов. К полудню вся округа окуталась сизой пылью, будто где-то близко горели леса или торфяники. Солнце повисло над землею красным медным тазом, заревел скот. В три дня посохла пшеница, и ветер качал только ее сухие, желтые стебли.

Пятью днями позже я был под Борисоглебском, и там поклонился зеленым полям. Каждый колос на нивах шумел сочно и полновесно. Хоть и здесь чувствовалось дыхание жарких, восточных ветров, поля стояли нетронутыми. Тогда мне указали на лес:

— Вон он, наш дубовый спаситель, телерман!

А лес стоял вдалеке, дыбясь кудлатой зеленой громадой, и было видно, как гнулись под ударами жаркого ветра мятущиеся его шапки. Надежный стоял ветролом!

А еще много лет спустя, когда уже война отгремела и когда под Саратовом в полях и на оврагах довелось мне встретить работников экспедиции «Агролесопроекта», услышал я о телермане и другое. Старый, седеющий топограф, что в юности успел побродить с нивелиром и в Бед-Пак-Дала и в Каракумах, Глеб Васильевич Оболяшев рассказывал мне про дубравы. Помню его палатку на краю оврага, саратовский неповторимый бурный закат, когда в небе словно чапаевская конница секлась и рубилась на взмыленных огненных конях, помню его позолоченный отсветом зари сникший седой ус и тихий голос:

— Теперь вот видите, все тут голо. А был и здесь когда-то телерман. Ныне он только и остался вон там, под Борисоглебском. А древле бежал этот дубовый лес из-за самого Хопра и Дона до самой Волги. Название у него странное: теле — по-тюркски —

сумасшедший, рман, или урман,— лес. «Сумасшедший лес».

Для скотоводов из открытых степей востока он и впрямь был сумасшедшим, этот стоявший по пути на запад океан зеленого молчания, могучих, черных, сплетенных крон и стволов, надежно покрывавший землю и все древние овраги. В нем и заблудиться можно было, не видя привычного для глаза степняка горизонта. Название это отсюда. Прошли века, и мы хлопочем о том, как залечить обнажившиеся из-под леса старые и умножившиеся новые раны земли, и видим в этом для себя огромное поле деятельности.

Что ж,— продолжал Оболяшев, пощипывая свой ус,— так оно и должно быть. Эрозию почве принесло нам время и старое, неразумное ведение полевого хозяйства помещиком да и крестьянами. Теперь за дело пора, иначе неважно выйдет.

Все это вспомнилось, покуда собирались с Антифеевым сесть в потрепанный «козлик» и ехать на лесосеку.

...Она открылась неожиданно, эта просека меж двух стен векового дубового леса с крепким молодым подседом,— безобразная, со свежими пнями и бесконечными поленницами, возле которых не успели почернеть опилки. Я поспешил за старшим лесничим туда, где стояли еще деревья. Попался на дороге такой пень, что на нем можно было бы наладить танцевальную площадку. Я даже зябко поежился, когда услыхал, как вальщик подошел к дремучему великану, что стоял незыблемой громадой в конце лесосеки, и прокричал в азарте:

— Сейчас мы и этому деду́ пня покажем!

Немало покрутился вальщик со своей электропилою возле могучего ствола, пока «дед» впервые в своей жизни как-то неестественно дрогнул от вершины до самого корня и сделал такое тяжкое движение на подруб, что когда «пошел» и начал всей своей железной тяжестью валиться на сырую мать-землю, дубрава охнула и галки пугливо закричали на далеких деревьях. Рухнула, разметав и переломав верховое сучье, колонна эдак тонн на пятнадцать.

А я стою в середине драгоценной дубравы, бессмысленно смотрю, как этот дуб уже разделывают на короткие, куцые обрубки, как кольщики ставят их напопа, колют колунами, ударяя по обухам здоровенной дубиной-колотушкой, и складывают покол — простые нелепые плахи — в высокие, пахнущие ландышем и грибами поленницы. И мне совсем непонятно, почему этому дубу «показали пня», почему так неразумно кромсают его древесину. И тут же слышу, как лесничий говорит:

— Пройдем здесь между пёнушек вдоль и поперек плугом и посадим новые дубочки. Потом наступит очередь и других кварталов. Но не скоро здесь вырастут новые великаны. Да к тому же слишком много мы их рубим.

И тогда я подхожу к нему, беру за пуговицу пальто и с чувством недобрым спрашиваю:

— Так зачем же так неразумно рубите? Не лучше ли заниматься восстановлением леса? Не лучше ли...

— Понятно, ясно,— спокойно перебивает меня лесничий.— Вы сейчас скажете о полях, об оврагах, об эрозии. Поедемте в поля.

Мы были в полях. Что сказать о них? В полях было все то же. Особенно долго возил меня Антифеев по нивам колхоза «Путь Ленина». За несколько часов поездки — ни одной целой лесной полосы. Низенькие хлыстики, обломки-торчки, переломанные, втоптанные в грязь, с клешнятыми следами коров и овец. Только у вершины одного оврага остановились мы. Смело схватив овраг с двух сторон молодой порослью, вдоль откосов и рытвин бежали далеко в туманную мглу хорошо сохранившиеся молоденькие деревца. В них угадывались ясень, лесная груша, дубок, амурский бархат.

— Это уже владения колхоза «Путь Ленина»,— сказал Антифеев.— Овраг «Малый Карачанчик». А сажали эти деревца минувшей весной мы, точнее, лесники нашего Лобановского лесничества. Это, пожалуй, единственное наше деяние в борьбе с эрозией. А новой весной нам тут хоть сторожей выставляй, а не то скот поест да вытопчет.

И опять умолк.

...Многое стало ясно, когда приехали в контору к карачанским лесникам. Он снял пальто, повесил на гвоздик, сел за стол и сказал:

— Теперь будем говорить. Теперь легче высказать то, о чем думаем мы, лесные души.

И к столу сгрудились все, кто был в конторе,— загорелые, суровые, опаленные морозом объездчики, лесники, раскряжевщики, кольщики, работники питомника, лесоводы. По тому, как люди сдвинулись у стола, почувствовалось, что говорить будет Антифеев сурово. И он заговорил:

— Вы спрашиваете, зачем мы рубим телерман? Затем, что нам дали план дрова поставлять, бревно для разных нужд добывать. Сейчас в наших лесах водоохранного значения применяется много разных рубок: и санитарные, и восстановительные, и рубка реконструкции, есть и другие. Для оздоровления леса они нужны. Беда в том, что ими злоупотребляют. Это потому, что у леса нет твердого хозяина. Чтобы добыть древесину, рубки придумываются на месте. Я говорю о местных и областных ведомствах, и особенно об управлениях сельского хозяйства. Не пустишь лес вот так просто на дрова, когда в нем стоят строевые деревья. Вот тогда и навязывается нам рубка восстановительная или рубка реконструкции. Лесом ведают не лесники, а хозяйственники и работники сельского хозяйства. Лес легче взять здесь, чем ехать за ним на север. А происходит это потому, что нас, лесников, лишили возможности думать о лесе по-государственному, отняли пра-

Хоперский заповедник. Зубры на подкормке в дубраве.

Молодая самка пятнистого оленя.

во вмешиваться в лесные дела. Не знаем порою, чем нам заниматься: посадкой или рубкой, разведением леса или истреблением его?

Сидим мы здесь, работники леса, инженеры да техники лесного дела, знаем, что телерман может стоять и еще много лет таким, какой есть, и что есть у нас и другие дела. Но вот приходит распоряжение: увеличить выход такой-то древесины! И мы глядим в телерман, думаем, какой квартал начинать рубить в будущем году, потому что «выход» этот надо увеличить. Как лесники, мы говорим себе: «У нас же есть пустоши, есть овраги, есть желание не сечь, а сажать лес». Как лесорубы, мы вступаем в сделку с совестью, видим перед собою директиву и принимаемся рубить новый квартал. Так, товарищи?

— Так,— сурово ответили люди у стола.

— Я вижу, вы часто заглядываете в свою записную книжечку, вижу, в ней много цифр записано,— говорит Антифеев, обращаясь ко мне.— У меня есть тоже такая книжечка. И как инженер леса, я тоже кое-чем интересуюсь. Вот, например, меня волнует эрозия почвы. У меня записано, что в Европейской части страны пять миллионов гектаров голых молодых оврагов и древних обнаженных эрозийных систем — этих транспортеров смываемой почвы. А возле пяти миллионов оврагов лежат миллионы гектаров слабо и сильно смытых почв. Здесь же у меня и другое записано, что на слабо смытых почвах недобирается 30—40 процентов возможного урожая, а на средне и сильно смытых почвах — все 60 процентов. Общеизвестные цифры. Как инженер леса, я размышляю: зачем так много рубить в телермане и возобновлять его подряд сорок лет? Ведь ждать потом новой богатой древесины придется полтора, два столетия. Не лучше ли заняться посадкой нового леса на оврагах, пустошах и в полях, потому что они ждать не могут и зовут к себе?

Он передохнул. Передохнули и люди у стола. И вновь Антифеев говорил:

— Видимо, не поняли, что значит лес в наших краях. Лес как единое целое расчленили на лесочки и дубравы, одни отошли к лесничествам, другие бытуют за колхозами, а между нами, специалистами леса и управлениями сельского хозяйства, образовались какие-то вотчинные отношения. О чем я говорю? Да вот о том же, что я вам раньше показывал, — овраг «Малый Карачанчик». Немало труда стоило уговорить полеводов и животноводов колхоза «Путь Ленина» облесить этот овраг. Животноводы колхоза так отвечали: «Мы хоть с этих оврагов и по три копны сена берем, да берем. А лес посадите, и того не будет. Где пасти наших овец?» И получается: лес у нас сам по себе живет, поле — само по себе. Поле, овраги, пустыри, бросовые пустоши, пески — это владения колхозов, полученные навечно, и мы туда не лезь, если не пригласят.

У нас, лесников, возникает такой вопрос. Мы хотим бороться с эрозией почвы и восстановить леса. А колхозы? Сажать им или не сажать полосы, что делать с оврагами, держать за собою без пользы те пустыри и пески, где когда-то рос лес? Практика показывает, что мы, лесники, в этом вопросе отданы в полный полон вотчинным настроениям. Иногда думают, что мы живем в лесу и ничего не знаем, что творится в нашей лесной практике. Нет, знаем кое-что. Знаем, за счет леса поправляют недостачи в своем хозяйстве сотни и сотни колхозов. Секут дармовой лес, живут за счет леса, поставляют дерево и туда и сюда, не вкладывая в восстановление леса почти ни копейки. Что же, значит, новые пустыри, новые редины?

Антифеев опять передохнул, передохнули и люди, что слушали его.

— Кто решит эти вопросы, — продолжал он, — когда лес расчленен, как развязанный веник? Как быть, когда ни у лесоводов, ни у полеводов нет единого взгляда на лес и поле, когда нет у них единого плана наступления ни на эрозию полей, ни на безлесные пустыри и вырубки? Разведение лесозащитных полос передано колхозам. А разве в колхозах есть лесоводы?

Лесничий встал, махнул решительно рукой и стал одеваться.

...Сегодня, наконец, я выбрался на пойму, чтобы увидать выхухоля — редкое животное, что живет тут.

Двадцать лет назад, когда стало известно, что этот «водяной крот» повсеместно у нас исчезает и сохранился только здесь, за общий стол сели ученые и специалисты, чтобы потолковать, как с этим быть. И тогда государство застолбило за исчезавшим зверьком эту пойму с небольшой нагорной дубравой. Вместе с учеными сюда пришел лесничий и твердой рукой хозяина навел в пойме порядок. В нагорной дубраве бродят завезенные с Кавказа и Беловежской пущи зубры. Лось забрел с севера в осинники да ольшаники, и в дубняках, переселенный с Дальнего Востока, размножился и бродит стадами пятнистый олень. Ожил лес, и никто сюда, кроме лихого человека-браконьера, не суется с топором и ружьем: заповедник!

И там, возле старицы, где я увидел выхухоля, у меня возник вопрос: вот сумели же люди сесть за общий стол и найти выход, чтобы сохранить исчезающего редкого зверька! Нашелся общий язык! А меньшее ли богатство почва и лес? Почему бы не сесть и по этому делу за общий стол и животноводам, и лесничим, и лесоводам, и агрономам и как следует, по-хозяйски, договориться?

На этом можно поставить и слово «конец». Но все же хорошее дело вершит хороший конец. Будем его ждать!

НА ДОРОГАХ МЕКСИКИ

Вас. ЧИЧКОВ

Фото автора.

В эхидо

Неширокое шоссе вилось среди гор, раскрывая все новые панорамы. Остроконечные горные пики перемежались с вулканами, убеленными вечными льдами. Иногда попадались долины, покрытые желтой, поникшей от знойного солнца травой.

После нескольких часов езды машина миновала городок Сан-Хуан-дель-Рио в штате Керетаро и свернула на ухабистый проселок. Вдоволь наглотавшись пыли, мы наконец добрались до деревушки, в центре которой стоит старинный каменный дом с садиком внутри и бойницами вместо окон снаружи. Здесь живет помещик — хозяин асьенды, к которому привезли меня мексиканские друзья-журналисты.

После взаимных приветствий хозяин предложил нам верхом на лошадях объехать асьенду, где выращивается специальная порода быков — «торрос бравос». Это будущие участники популярного в Мексике «боя быков». Огромные четырехлетние животные, подготовленные к бою, содержатся в специальных прочных загонах. Говорят, что воспитать такого быка трудно; и позор хозяину, если его бык на песчаной арене на глазах у многих тысяч зрителей после нескольких уколов пикадора и бандерильеро не пойдет в смертельную схватку с тореро, а попытается перепрыгнуть через барьер.

Впереди нас скакал пастух — их называют чарро,— в широкополой шляпе, с лассо в руке и большим кинжалом в ножнах. За его поясом торчала рукоятка пистолета. «Бравые» быки, которые на песчаной арене часто опрокидывают лошадь вместе с всадником, както робко сторонились, искоса поглядывая на безжалостное лассо; мексиканский чарро, умело накинув его на задние ноги или рога быка, усмиряет могучего красавца в несколько минут.

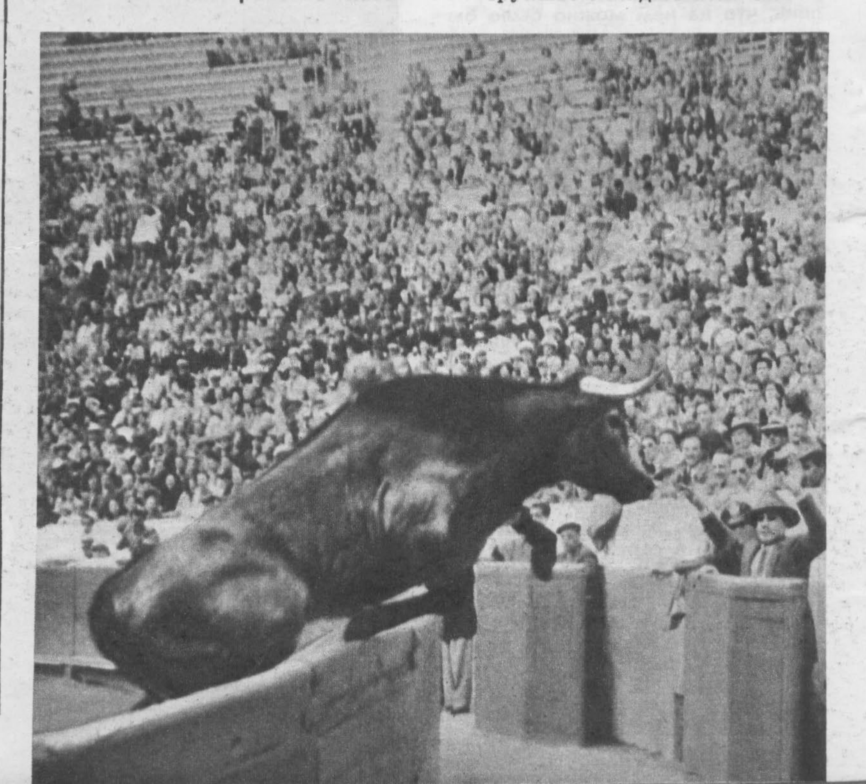
— Там виноградники,— объяснял по пути хозяин.— Здесь посевы кукурузы, а это пастбища. Раньше в асьенде было двенадцать тысяч гектаров земли, сейчас осталось только две тысячи.

— Продали?

— Нет. Двадцать лет назад по аграрной реформе земля перешла к жителям вон той деревушки.

Часа два мы разъезжали по

Беда хозяину асьенды: его бык трусливо покидает поле боя.

асьенде. Я наконец решился попросить хозяина познакомить нас с крестьянами. Он согласился, и мы поскакали туда, где виднелись на полях люди и несколько упряжек быков.

Хозяин в сопровождении все того же вооруженного чарро поздоровался с крестьянами, не слезая с седла. Представил меня. Разговор сначала не клеился. Дело поправилось, когда подошел пожилой крестьянин в белой навыпуск рубахе и широкополой шляпе.

— Я комиссар эхидо,— отрекомендовался он, подавая руку.

— А что это такое? — в недоумении спросил я.

— Это совместная обработка земли,— чуть сдвинув на затылок шляпу, начал комиссар.— Каждый член эхидо имеет свой надел, но обрабатываем мы землю все вместе. Сегодня со своими быками мы работаем у одного члена эхидо, завтра — у другого. Урожай тоже складываем и продаем оптом, потом делим между собой вырученные деньги.

Комиссар и его шесть заместителей, как мы выяснили из беседы, бесплатно, без отрыва от работы в поле, выполняют свои общественные обязанности. Правление эхидо меняется через каждые шесть месяцев. Все крестьяне по твердой очереди обязаны занимать руководящие посты в эхидо.

Эхидо — явление не новое. Такая форма общего труда на земле родилась еще сотни лет назад в индейских племенах. Земли, полученные крестьянами по аграрной реформе, провозглашенной мексиканской буржуазной революцией 1910 года, позволили крестьянам, как они говорят сами, только «возродить» эхидо. Но у эхидо нет денег на семена, на инвентарь, на транспорт. Крестьяне вынуждены по-прежнему пахать землю деревянной сохой на быках. Они продают урожай по дешевке ловким барышникам или не менее ловким агентам североамериканских компаний...

Будущие участники «боя быков» пасутся в специальных загонах.

На коленях

Город Гуанохуато во времена испанского владычества называли жемчужиной Мексики. Его богатейшие рудники питали золотом и серебром испанскую казну. Теперь город мертв. Двадцать лет назад шахты были затоплены, и многотысячная армия горняков разбрелась по стране в поисках заработка. Многие шахтерские дома разрушились, булыжные мостовые кое-где затянуло зеленой порослью. Лишь богатые католические храмы, построенные когда-то испанцами, до сих пор незыблемо стоят в Гуанохуато, напоминая о былой славе города и безмерной власти испанских католических священников.

Уже несколько часов колесили мы по безымянным улицам, когда нашей машине преградила путь странная пара. Крепкого сложения мужчина в широкополой крестьянской шляпе шагал, держа за руку уже пожилую женщину, повязанную темным платком. А она медленно передвигалась по острым камням мостовой... на коленях. В руке мужчина нес женские туфли и апельсин.

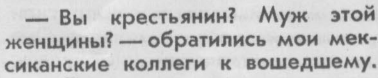
— Что это? — невольно вырвалось у меня.

— Благодарность богу,— ответил один из мексиканских журналистов, путешествовавших вместе со мной.

Я сфотографировал эту пару, которая у прохожих не вызывала удивления. Мы все направились к церкви и там стали ждать прибытия «коленопреклоненной».

В церкви, богато отделанной золотом, потемневшим от времени, было почти пусто. У входа какой-то старик торговал «священными предметами», кое-где горели свечи. Стены церкви сплошь увешаны небольшими картинками, нарисованными на тонкой жести. «Вчера был обвал,— написано под одной из картинок, изображающей катастрофу.— Двое моих товарищей погибли, я был тяжело ранен. Благодарю тебя, синьор Вильясека (святой, патрон местной церкви.— **В. Ч.**), за спасение! 1932 год, 15 марта, Луис Гонсалес Перельта». Рядом висел пожелтевший отросток колючего кактуса. «Высокопочтенный синьор Вильясека,— было написано тут же,— я носила этот кактус на голой груди, чтобы искупить свою вину». Картинок сотни, может быть, тысячи. И за каждым из поблекших рисунков — человеческая судьба!

Мужчина и женщина уже поднимались по широким ступеням церкви. Мужчина снял шляпу и вместе с женскими ботинками осторожно положил ее на пол. Женщина теперь одна передвигалась на коленях к алтарю, оставляя на полу небольшие пятна крови.

«Благодарность богу».

— Вы крестьянин? Муж этой женщины? — обратились мои мексиканские коллеги к вошедшему.

— Да,— коротко и нехотя ответил черноволосый, с чуть поседевшими висками мужчина.

— Что случилось с вашей женой?

— Она была тяжело больна,— потупив глаза, сказал мужчина.— Год не поднималась с постели. Почти все имущество мы продали, чтобы расплатиться с врачами. Но болезнь не проходила. Жена стала просить синьора Вильясека о помощи. Теперь ей легче. Вот она и пришла благодарить бога.

— Сколько она прошла на коленях?

— Километра два,— так же угрюмо и нехотя ответил крестьянин.

Женщина кончила молиться, тяжело поднялась на ноги и, вынув из-за пазухи жестяную картинку с надписью, побрела к стене вешать ее.

— А может быть, ее все-таки врачи вылечили? — после некоторого раздумья спросил я.

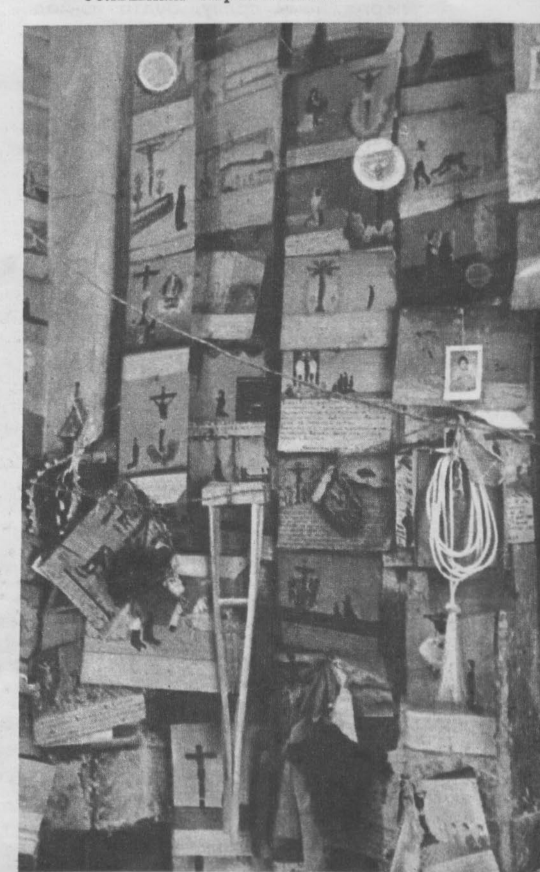
— Может быть,— не оборачиваясь в мою сторону, промолвил крестьянин.— Но жена верит в бога.

Племя отоми

Знойное солнце раскалило воздух, и, казалось, в машине нечем дышать. Потрескавшаяся от жары земля, хилые деревца, пожелтевшие кактусы наводили тоску. Не верилось, что в этих краях могут жить люди. Но это земли индейского племени отоми.

Дорога становилась у́же, потом кончилась. Вместе с мексиканскими

Стены церкви сплошь увешаны небольшими картинками...

Индианка из племени отоми у своего жилища.

ми журналистами я направился по узкой тропинке к возвышавшейся вдалеке часовенке — там была индейская деревня Накстиэй.

Часовня обнесена каменным забором, за ним — могилы без крестов. Ни домов, ни людей — лишь едва заметные тропки, разбегающиеся между кактусами, говорили о присутствии человека.

Индейское жилище выросло перед нами сразу, будто из-под земли. Молодая женщина с нерасчесанными длинными волосами робко выглянула на наш осторожный зов. Тут же выскочил мальчишка лет шести. У женщины на руках был ребенок. Наши попытки заговорить на испанском языке не увенчались успехом. Женщина говорит только на языке отоми. Мы знаками попросили разрешения войти в хижину. Она как-то по-старчески улыбнулась, показав почти сгнившие зубы.

Стены дома сложены из камней, крыша покрыта листьями. Собственно, скорее это шалаш, в котором можно укрыться от солнца и дождя. На земляном полу горит небольшой костер. Старая соломенная циновка служила для всей семьи кроватью.

Вскоре явился хозяин, низкого роста молодой человек с глазами, подпухшими от пульке. Пульке — спиртной напиток, добываемый из магэя — разновидности кактуса. Корень магэя содержит несколько литров алкогольной жидкости, которую и пьют в этих краях.

Тяжелой ценой достается хлеб мексиканскому крестьянину.

Трудно поверить, но более двухсот тысяч индейцев племени отоми, разбросанного по этому району, фактически живут без воды. Здесь можно встретить людей, которые от рождения не умывались, их черная сморщенная кожа напоминает старый выпотрошенный кошелек. Дети с самого рождения приучаются пить пульке.

Племя отоми называют «племенем угнетенных». Сотни лет назад оно занимало хорошие земли на севере Мексики. Но индейцы более мощного племени, ацтеки, согнали отоми с насиженных мест. Потом явились испанские завоеватели; они тоже не пощадили это племя. После многих десятилетий скитаний отоми поселились здесь — на «ничьей» и ни для чего не годной земле.

Отоми приготовляют пищу из кактуса, пьют магэй и из листьев того же растения выделывают волокно для вязания шляп, изготовления всякого рода корзинок и игрушек. На вырученные деньги отоми покупают кукурузу и старые мешки из-под сахара, чтобы шить из них одежду. Индейцы-отоми зовут друг друга «кактус», «солнце», «гора». Молятся отоми луне, солнцу и горам и даже по широким дорогам ходят, как в староиндейские времена, гуськом, усадив детей за спину в специальном плетеном мешке.

Правительство Мексики пыталось переселить племя в другие районы страны. Но отоми не соглашаются: религия запрещает им покидать своих предков, захороненных возле часовни. И сейчас, как сотни лет назад, гудит в этих краях набат, и индейцы стекаются по узким тропинкам на сходку. Время будто остановило свой бег на этой раскаленной земле.

В каждом, даже маленьком местечке есть бродячие музыканты — марьячис. Позовите их, и они исполнят вам любую мексиканскую песню.

Гринго

На сельских дорогах Мексики я впервые услышал это слово. Мне презрительно бросил его вдогонку стоявший поодаль мексиканец. Я не придал этому значения.

Второй раз я столкнулся с тем же словом в большом промышленном городе Монтеррее. Я хотел почистить ботинки на углу улицы. Молодой парень — чистильщик сапог, взглянув на меня, схватил свой ящик, ваксу, щетку и бросился наутек. В недоумении я посмотрел на знакомого мексиканца, а тот на мальчишку, который уже начал чистить ему ботинки.

— У нас забастовка! — промычал парнишка.— Мы решили не чистить гринго ботинки.

— Да это же не гринго,— указывая на меня, запротестовал мексиканец.— Это русский!

— Русский?!.

Оторвавшись от ботинка, парень некоторое время таращил на меня большие черные глаза. Потом весело, по-петушиному прокричал:

— Спутник! Спутник!

Бросив щетки, он помчался догонять своего сбежавшего друга.

Слово «гринго» родилось еще в 1847 году, когда американские солдаты, одетые в зеленую форму, оккупировали территорию Мексики, разрушая на своем пути деревни, уничтожая крестьянские посевы. США отобрали тогда у мексиканского народа богатые земли Техаса и Верхней Калифорнии. С тех далеких времен из поколения в поколение передавалось это слово как синоним поработителя, захватчика, и всегда в это слово вкладывалась неприязнь к северному соседу.

Эта неприязнь не стала меньше в наши дни. Мексиканцы хотят развивать собственное сельское хозяйство и промышленность. Северный сосед чинит этому препятствия. Мексика национализировала свою нефтяную промышленность и изгнала американские нефтяные компании. Теперь США не продают Мексике нефтяное оборудование, а если и продают, то по взвинченным ценам. Агенты американской компании «Андерсон энд Клейтон» не гнушаются никакими средствами, чтобы скупить у крестьян хлопок по дешевке.

Потому и не любят «гринго» в Мексике.

Мехико.

Николай Михайлович ШВЕРНИК.

К 70-летию со дня рождения.

Фото Г. Вайля.

На берегу Днепра. Утро.

Фото И. Тункеля.

РОЗА ВЕТРОВ

Рассказ

Владимир ПОПОВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

1

В воскресенье Торопов проснулся необычно рано. Накануне он сделал ошибку — пообещал своим малышам повезти их на рыбалку. Трехлетние близнецы поднялись чуть свет, долго шептались, потом стали потихоньку канючить, а когда мать прикрикнула, в один голос разревелись. Плач сыновей и разбудил Торопова. Зная, что теперь заснуть не удастся, он, к великой радости малышей, встал, надел выцветшую сатиновую спецовку и начал собираться в поход, успокоив себя: «Досплю на островке».

В кого уродились малыши, родители понять не могли. Отец уравновешенный, мать не по возрасту медлительна, меланхолична. Оба крупные, светловолосые, сероглазые. А ребята щуплые, чумазые и озорные — чертенята, и только. И глаза у них были черные, блестящие, как пуговки у плюшевых медвежат. «Ну, прямо ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца»,— посмеивался тесть. И не было от этих чертенят покоя ни родителям, ни пушистому сибирскому коту, больше всего любившему покой и независимость,— целыми днями скрывался он теперь на чердаке,— ни курам, предпочитавшим нестись у соседей, где никто их не тревожил. Единственно кого они боялись, так это сердитой и бодливой козы Катьки. Нахватавшись однажды от Катьки синяков, они теперь решались совать ей в нос крапиву только через загородку.

Покойно с малышами было лишь на рыбалке. Здесь они преображались. Отец вручал им удочки — камышины с лесками и тупыми для предосторожности крючками из проволоки; близнецы, как завороженные, едва дыша, сидели на берегу и не сводили глаз с ярко-красных фабричной работы поплавков. Когда бесплодное занятие надоедало и они начинали роптать на противную рыбку, не желавшую ловиться, мать под предлогом осмотра приманки цепляла на крючки маринованную хамсу, и, несказанно обрадованные добычей, малыши снова надолго стихали. За это время отец успевал и поспать и начитаться, мать — вдоволь наплаваться и загореть.

На небольшой самодельный столик, уютно примостившийся во дворе между двумя пышными кустами сирени, Торопов вынес корзинку с провизией, подвесной мотор для лодки и вдруг вспомнил, что забыл самое главное — банку с хамсой. Вернулся в дом — телефонный звонок. Шевельнулась мысль: не подходить. Цех сегодня не работал, ничего особенного, следовательно, произойти не могло. И наверняка звонит Игнатыч, контрольный мастер ОТК, въедливый старик, поднимающий шум из-за всякого пустяка. Еще в недавнем прошлом первоклассный лекальщик, Игнатыч был до невероятия придирчив, и рабочие побаивались его больше, чем начальника цеха Торопова, чем кого-либо из руководителей завода.

Но колебание было коротким, Торопов подошел к телефону. Предположение оправдалось: действительно звонил Игнатыч.

— Беда стряслась небывалая! — зычно кричал в трубку старик.— В цехе брак.

— Что за брак? — поморщившись, спросил Торопов.

Привыкнув к тому, что браковщик постоянно преувеличивал факты, он решил, что речь идет о двух — трех недошлифованных клапанах.

— Все клапаны — брак!.. Все!.. Вся продукция рябая...

— Рябая? Не понимаю.

— Я сам ничего не понимаю. Приходите — увидите.

Кое-как успокоив малышей обещанием вскоре вернуться, Торопов зашагал к заводу по широкой, заросшей буйной лебедой улице, вдоль деревянных, раскрашенных в самые пестрые цвета заборчиков.

Во время войны их завод точных инструментов получил задание выпускать клапаны для авиационных и танковых моторов. Торопов так хорошо организовал работу, что цех быстро освоил новое производство. Теперь завод поставлял клапаны для автомобильных и тракторных моторов. Заказ давно превратился в обычный и никаких хлопот не доставлял.

Всю тяжесть случившегося Торопов понял только на складе готовой продукции цеха, когда осмотрел в лупу полированную до зеркального блеска поверхность клапанов. Металл был сплошь в мелких рябинах, словно кто-то обрызгал его из пульверизатора кислотой. Торопов проверил клапан за клапаном — ни одного не пораженного коррозией. Изделия, обработанные с точностью до тысячных долей миллиметра, перешлифовывать было нельзя. Окончательный брак!

Положив на стол лупу, Торопов заметил, что рядом с ним стоит главный инженер завода Костин, сухой и чопорный, преисполненный сознания собственной значимости, и искоса посматривает на Игнатыча, по привычке ожидая от него вразумительных пояснений.

Но Игнатыч против всякого обыкновения молчал. Посасывая вместительную, хоть и коротенькую трубочку, угрюмо водил мохнатыми, сплошь седыми, словно заиндевевшими бровями.

Костин перевел вопрошающий взгляд на начальника цеха. Торопов лишь недоуменно пожал плечами.

Костин снова уставился на контрольного мастера.

— Не моего ума это дело,— выдавил из себя Игнатыч, понимая, что первое слово за ним.— Такого еще не видывал. Знаю одно: брак непоправимый.— Он ожесточенно сплюнул и, покраснев, отошел в сторону.

Игнатыч всегда гордился тем, что был не только браковщиком, но и учителем молодежи.

Обнаружив брак, он не ограничивался списанием его по акту. Обязательно втолковывал рабочему, почему тот ошибся, как ошибся. Стоило тому допустить оплошность вторично — пропесочивал виновника, да не только один на один, а и в стенгазете и на собрании. Эти свои неписаные обязанности Игнатыч считал первейшими, что ни на есть важными. И за такой постоянный инструктаж ценили старика и рабочие и начальники. Ему прощали резкость, шумливость, стремление подчеркнуть, что он всех больше знает, всех больше печется о деле.

А тут Игнатыч расписался в своем невеже-

стве. Да еще перед кем? Перед Костиным, которого терпеть не мог за холодность и неприступность. То ли дело директор: тот не пройдет мимо, не пожав руку, не преминет осведомиться о здоровье, а в охотничий сезон обязательно расспросит о трофеях, о добычливых местах, хотя сам уже который год не нюхал запаха пороха.

Повертев в руках клапаны, Костин распорядился отправить несколько штук в лабораторию на исследование и, пригрозив Торопову выговором, удалился.

Игнатыча с опозданием прорвало.

— Ух, главный... Только на выговора и мастак...

Допоздна Торопов, Игнатыч и мастер шлифовального пролета, вызванный из дому, выясняли причины странного происшествия, но так ничего и не установили.

Договорившись с секретарем партийной организации о ночных дежурствах на складе, Торопов ушел с завода.

Вечер был теплый, пряный. Овальная луна, над которой темной бровью повисла единственная в небе тучка, казалась исполинским глазом, с любопытством озиравшим землю. Ее спокойный призрачный свет залил улицы. Легкий ветер донес из парка звуки вальса, кто-то совсем близко напевал: «С берез неслышен, невесом...»

«Что если и завтра случится то же? — размышлял Торопов.— А ведь может... Какие меры принять против беды, если не знаешь, откуда она приходит?»

Одиннадцать дней прошли без всяких осложнений, и о происшедшем стали уже забывать. Только Торопова не оставляло чувство тревоги, словно ночью в гуще леса оставил он позади себя притаившегося человека. Предчувствие не обмануло его. Клапаны на складе снова покрылись пятнами коррозии. Цех стало лихорадить. Брак теперь появлялся все чаще, а в середине сентября три дня подряд шел сплошной брак.

Торопов получил от главного инженера выговор, потом строгий, потом с предупреждением. Он осунулся, почернел, стал раздражительным. В обычно спокойных серых глазах его все чаще вспыхивали огоньки тревоги. Домой он теперь не являлся по нескольку суток, тщательно проверял все звенья технологического процесса, но ничто от этого не изменилось. Клапаны, изготовленные из самых лучших сортов жароупорной стали, по-прежнему сотнями поступали на склад металлического лома, откуда шли в переплавку.

Отчаявшийся директор вызвал на завод бригаду работников института металлов во главе с кандидатом технических наук, специалистом по коррозии. Металловеды проводили исследование за исследованием, но тоже ни к какому выводу не приходили.

2

Страсть к охоте обуяла Игнатыча еще в детстве, когда ему, десятилетнему мальчишке, удалось подстрелить во дворе грача из ветхой отцовской шомполки, с которой дед ходил на турок. Ружье было одноствольное, невероятно большого калибра и сильно отдавало. После выстрела ныло плечо и на правой скуле красовался огромный синяк. Да еще отец, вернувшись с работы, задал трепку за самовольство. Только все это не отбило любви к охоте.

Минуло три года, и отец стал брать сына на озеро. Не знал с той поры Игнатыч подобной красоты, хоть и порыскал по белу свету, ища притулка. Посредине оно постоянно меняло цвет: отливало то голубым, то синим, растворяя в себе сочные краски неба, а у берегов, затененных водолюбивыми ивами, всегда было темным, словно настоялась здесь вода на зелени камыша и опавших листьев.

По утрам блуждал над озером молочно-белый парок, и казалось, будто это оборвались легкие краешки облаков, сошли с высоты и прикрыли воду от прикосновения прохлады. Здесь никогда не было зноя. А воздух — не упьешься его свежей, бодрящей влагой!

Охота велась по-стариковски, экономно. Влет отец не стрелял, а устраивал в камыше лежку, выставлял чучела и ждал, пока слетятся утки, пока соберутся в кучу. На обязанности сына лежало доставать из воды дичь после всегда удачного выстрела. Когда мальчишке исполнилось шестнадцать, отец подарил ему шомполку и стал отпускать на охоту одного. Но давал с собой всего один заряд: приучал не горячиться. Не приучил. Сыну

так надоело выжидать часами дичь и трястись над единственным зарядом, что, обзаведясь собственной двустволкой, он стал охотиться не иначе как с подхода: бродил по осоке, отыскивая добычу, и зарядов никогда не жалел.

Прошло почти полстолетия. Шомполка давно заржавела на чердаке, разболталась донельзя двустволка, а юная страсть не остыла.

Девять месяцев в году Игнатыч — заботливый хозяин и домосед, а подойдет день открытия охоты — и не узнать человека. С работы прямо на реку, благо недалеко. Домой является только на ночевку, хозяйство забросит, ну все одно, что квартирант. А в субботу и вовсе исчезает до понедельника.

Осень в том году стояла погожая, ласковая, и охотничий сезон затянулся дольше обычного. Уже октябрь был на исходе, а Игнатыч что ни вечер пропадал на реке. Многие охотники промышляли с лодки, с чучелами, с подсадными утками, а он по-прежнему бродил по пояс в осоке, нетерпеливо отыскивая дичь.

Дорого ему доставалась добыча. Глаза утратили зоркость, руки — твердость, а ноги... Всю зиму он пил какое-то горькое снадобье из кореньев, растирал колени вонючими мазями, обкладывал их мешочками с горячим песком, охал, кряхтел и клялся своей Настасье Ильиничне, что больше на охоту — ни-ни. Пытался даже продать ружье, но не находилось любителей на старый самопал, который в руках держать было страшно, не то что из него стрелять. Как ни крепил Игнатыч ружье, оно хлябало, и пороховые газы, вырывавшиеся в зазор между стволами и замком, покрывали лицо черным налетом.

Сегодняшний выход у Игнатыча был неудачный. Ветер дул с города на реку, и утки, издалека заслышав шум шагов охотника, снимались за пределом выстрела.

Игнатыч не выдерживал искушения, стрелял им вдогонку, на авось. Иногда он видел, как редкие попавшие в птицу дробины выбивали из крыльев перья, но ни одна утка не плюхнулась в воду, а, испуганная, летела, как оглашенная, дальше. «Умирать подалась»,— утешал себя Игнатыч. Но утешение было слабым. Возвращаться домой с пустым ягдташем не хотелось. Когда он приносил хотя бы чирка, Настасья Ильинична встречала его благосклонно, но стоило вернуться налегке, как начинались длинные и нудные разговоры о преимуществе рыболовства: и промысел спокойный, сидячий, и расходов никаких, а пороха и дроби не укупить. Обходится дичь дороже, чем на базаре. И Настасья Ильинична неизменно перечисляла трофеи соседей-рыболовов:

— Вон Кондрат Иванович намедни два ведра лещей принес, Тихон безрукий — трех сазанов, да каких! Аршинных!

Больнее всего было слушать об успехах Саньки: безусый мальчишка, необычайно удачливый рыболов, тот таскал сомов.

Каждый раз, когда Игнатыч вскидывал ружье, его пронизывала одна и та же мысль: промажу — опять причитания. И он как на грех промахивался.

Постепенно ветер затих, поверхность реки стала зеркальной, стемнело. Игнатыч сделал последний выстрел по чирку, мелькнувшему на сизом фоне осеннего неба, выругался, умыл черное от порохового налета лицо, присел на берегу под деревом и устало задымил трубкой.

Стал накрапывать дождик, почти невидимый, как легкий туман. Потом капли покрупнели, забились в листве. Река покрылась дробной рябью.

— Точь-в-точь как на клапанах,— вслух подумал Игнатыч, и сердце его сжалось: значит, опять завтра в цехе брак.

Игнатыч не верил ни в бога, ни в дьявола. Не чертыхался при виде перебегающих дорогу черных кошек, не крутил пуговицу, встречаясь с попом. Был у него только один предрассудок: не выносил, когда желали удачи в охоте вместо традиционного «ни пуха, ни пера». А последнее время поверил в одну примету: после добычливого дня в цехе все благополучно, после неудачного — обязательно брак. И так каждый раз.

Здравый смысл подсказывал ему, что никакой связи между результатами охоты и коррозией клапанов быть не может. А на поверку получалось иначе. Нелепо, но факт.

3

Торопов принадлежал к той многочисленной категории инженеров, у которых учеба не прекращается с защитой дипломного проекта. Значительную часть своего досуга он посвящал чтению технической литературы, и это помогало ему вводить в цехе много новшеств. И в людях он сумел зажечь беспокойную жажду искания. Вот почему ценные предложения новаторов шли из его цеха потоком.

Если бы не Костин, который, благословляя всякие мелкие нововведения, решительно восставал против радикальных изменений технологии, Торопов перевернул бы цех, как говорится, вверх дном. Мысль о скоростных методах резания металла давно уже не давала покойно жить начальнику цеха, но Костин категорически запретил испытывать эти методы на клапанах.

А теперь, понимая, что другого пути для выполнения плана нет, Торопов самовольно увеличил скорость резания и, несмотря на брак из-за коррозии, не срывал выполнения заказов по клапанам. Правда, это требовало предельного напряжения сил.

С детьми Торопов почти не виделся. Уходил из дому — они еще не проснулись, возвращался — уже спали. В отношениях с женой стала проскальзывать какая-то отчужденность. Разговаривать с ней было некогда и не о чем. О проклятых пятнах она уже наслышалась столько, что сама могла сделать сообщение на производственном совещании, а ни о чем другом, кроме клапанов, Торопов не мог ни говорить, ни думать. И женщина уже потеряла надежду, что все войдет в норму.

Потеряла надежду и Клавдия Сергеевна, руководитель бригады металловедов. В своих исследованиях она зашла в тупик, не скрывала этого и все чаще поговаривала: «Здесь какая-то мистика в технологии». Казалось совершенно непостижимым, как при неизменных

условиях обработки, при одном и том же металле так резко колеблются результаты производства. Непостижимо было и другое: клапаны, принятые ОТК сегодня, вдруг портились назавтра.

Игнатыч осматривал одну и ту же продукцию по нескольку раз и, бракуя то, что принял вчера, недоуменно разводил руками: «Прокисают они, что ли?»

К работе бригады, руководимой женщиной, он относился недоверчиво.

— Тоже мне профессор... в юбке! — всерьез возмущался он.— Да настоящего профессора за версту опознать можно. Борода — во, по пояс, солидности сколько! — И заглядывал в лабораторию не иначе, как поязвить в адрес металловедов.

Однажды, забраковав большую партию клапанов, Игнатыч понесся в лабораторию сорвать злость на исследователях.

Кроме Клавдии Сергеевны, он застал там Костина и Торопова. Начальник цеха сидел, погруженный в материалы наблюдений, Костин внимательно слушал Клавдию Сергеевну.

Игнатыч хотел было повернуться и уйти, но, услышав, что речь идет о пятнах коррозии, остался, присел рядом.

— ...На том заводе тоже долго мучились с коррозией,— рассказывала Клавдия Сергеевна,— но мы приехали и за три дня разгадали тайну ее появления.

— Вы вот разгадайте мою тайну, Клавдия Сергеевна,— вдруг оживился Игнатыч.— Как только у меня охота удачная,— в цехе все хорошо, а неудачная,— обязательно брак.— Сказал и опасливо взглянул на главного инженера.

Костин ответил злобным, язвительным взглядом: «Ополоумел на старости»,— но подумал и спросил:

— А в прошлом году были неудачные охоты?

— Были.

— А брака не было?

— В прошлом не было, а в этом есть. Ей-богу, не спятил. Могу даже с вечера звонить свой прогноз на завтрашний день.

— Прогноз бр-рака нам не нужен,— скрипуче отрезал Костин и, не желая продолжать эту беседу, вышел.

В неугомонном Торопове Костин видел своего врага, главного виновника всех беспокойств.

Когда Торопов самовольно изменил режим резания, Костин окончательно возненавидел его. Мероприятие Торопова сильно уязвило главного инженера, не раз доказывавшего, будто скоростные методы неприменимы при производстве клапанов.

Этот маленький заводик Костин, уже немолодой человек, выбрал с единственной целью — найти тихую пристань, спокойно дотянуть до пенсии без всяких экспериментов и рискованных затей.

Завод легко справлялся с планом, Костина хвалили, он получал премии и был бы вполне доволен жизнью, если бы не Торопов.

Представлялся прекрасный случай отделаться от своего недруга, и Костин решил действовать.

Разговор главного инженера с директором проходил спокойно, но с внутренним накалом с обеих сторон. Костин чувствовал недовольство директора только по одному признаку — тот ни разу не назвал его, своего первого заместителя, по имени и отчеству.

— Так вы категорически настаиваете на том, чтобы снять Торопова, товарищ Костин? — во второй раз спросил директор таким тоном, словно соглашался с мнением главного инженера.

— Категорически, Иван Гаврилович.

— Так, так.— Директор положил в пепельницу недокуренную папиросу и забыл потушить ее.

«Еще один признак, что сердится»,— отметил Костин.

Вот уже два года они работают вместе, а Костин никак не приноровится к своему начальнику. Пробовал похваливать — молчит, выразит недовольство тем или иным распоряжением директора — тоже молчит. Не поймешь, что ему нравится, что нет. Лицо большей частью не меняется. Вот дельные предложения он встречает с радостью. Но это нелегкий способ завоевывать себе авторитет: предложений у Костина не так уж много, и не потому, что он плохо знает производство. Попросту хлопотно. Подашь новую идею — и изволь сам проводи. И как ни ценит Костин директорскую улыбку, так чудесно меняющую это суровое, смуглое, как у цыгана, лицо, предложениями своими он не злоупотребляет.

— Так, так,— повторил Иван Гаврилович и причесал пятерней седые с прочернью волосы.— Хорошо, снимем, поставим другого. Но избавимся ли от брака?

— А может, и избавимся,— хитрил Костин.— Может быть, Торопову кто-то гадит, умно гадит. Убежден. Не любят его люди.

— Гадят гады, а не люди,— фыркнул Иван Гаврилович.— Ну, а не проще ли нам их обнаружить?

— Значит, не проще, если никак не найдем.

— И с какой формулировкой снимем?

Костин на минуту застыл от радости. «Клюнуло»,— решил он и сказал, словно продиктовал:

— «За необеспечение нормальной работы цеха, за допущение большого процента брака инженера Торопова А. И., имевшего выговор с последним предупреждением, с работы снять».

— Так, так, товарищ Костин.— Директор забарабанил пальцами по столу.— Не вижу смысла.

Костин решил пойти козырным тузом.

— Есть смысл, Иван Гаврилович. Глубокий смысл,— доверительно произнес он.— Ведь грозили нам из управления, что головы поснимают. Почему мы должны подставлять свои?

Заметив в глазах директора странный блеск, решил: ухватился директор за его мысль.

— Убедили. Снимем.

— И дело с концом. Революции без жертв не бывает. А кого на его место?

— Козлом отпущения? — лукаво и как-то криво, с прищуром усмехнулся директор.

— Ну, не козлом, а так, инженерно говоря, предохранительным клапаном.

— Об этом я позабочусь,— нетерпеливо сказал директор, и Костин понял: тот чем-то недоволен. «Видимо, слишком уж я в лоб. Дипломатии не хватило».

Игнатыч аккуратно сообщал свой прогноз Клавдии Сергеевне, Торопову, а затем, осмелев, звонил и главному инженеру и директору. Восемь раз из девяти предсказания оправдались.

На десятый день его вызвал к себе директор. В прокуренном кабинете снова совещались по вопросу брака клапанов. Шел Игнатыч к директору радостный: думал, что-нибудь решилось,— а явился — и потух. Те же сумрачные, усталые лица.

— Садись, колдун, и рассказывай, как ты угадываешь. Объясни мне эту чертовщину,— сказал директор, останавливая на старике тяжелый взгляд.— Ты что-то про охоту говорил. Но вчера и третьего дня дождь лил. Как же ты, сидя дома, узнал?

— Я теперь применился. По ветру сужу,— важно ответствовал Игнатыч, зачем-то вытерев ладонью губы.— У меня когда охота плохая? Когда ветер с города на реку дует. Утка шаги слышит. Вот тогда и в цехе брак. А когда ветер с реки, все ладом. И на охоте и в цеху.

— Значит, от ветра брак? Глупость городите! — Злость кипела в главном инженере.

— Да, выходит, вроде от ветра.

Костин не выдержал, нервно расхохотался и заходил взад-вперед, заложив руки в карманы брюк.

— Но почему? Почему? Извольте объяснить.

— А почему, это уж вы мне скажите,— осерчал Игнатыч. Чтобы не распалиться, он полез за трубкой, набил ее и продолжал сдержанно, но с подковыркой: — Вас учили, на вас денежки тратили. А я до всего самотужкой дошел... Сам,— и постучал себя пальцем по лбу.

— А какой это ветер дует на реку? Северный, восточный? — спросила Клавдия Сергеевна, вдруг проявив заинтересованность.

— Северо-западный.

Клавдия Сергеевна встала.

— Хорошо. Закончим, товарищи. У меня появилась одна мысль, нужно ее проверить.

«Много мыслей было у вас, Клавдия Сергеевна!» — недоверчиво подумал директор.

Поздно вечером Торопову позвонил Костин, приказал завтра пораньше явиться на завод и сдать цех.

Торопов опустил трубку на стол и долго сидел, вяло глядя в одну точку.

Пятнадцать лет проработал он в этом цехе. Знал каждого человека так, как не все знают своих родственников. Знал каждый станок. Куда же теперь? В отдел? Но усидит ли он за письменным столом, за бумагами, когда так свыкся с коллективом, с живой работой? Даже запах машинного масла, которым постоянно наполнен цех, близок ему и дорог.

И как, не выяснив причин, пошел на это Иван Гаврилович, которого все считают образцом справедливости?

Утром Торопов застал в своем кабинете

Костина и удивился. Главный инженер ссутулился, пожелтел. По всему было видно: тоже провел бессонную ночь.

Костин молча протянул приказ. Торопов прочитал его и не поверил своим глазам. Перечитал снова:

«Инженера Торопова А. И. временно перевести в лабораторию и прикрепить к бригаде института металлов. Инженера Костина К. Г. временно назначить начальником токарно-шлифовального цеха».

И Торопову стало стыдно. Зря он вчера так плохо подумал о директоре.

В то же утро Клавдия Сергеевна уехала на метеорологическую станцию и появилась в кабинете директора только в середине следующего дня.

— Подтверждаются слова мастера.— Клавдия Сергеевна разложила перед директором большой лист бумаги.— Получила на метеорологической станции сводку за последние пятьдесят дней. Смотрите, когда ветер северо-западный, клапаны рябеют, при всех других направлениях ветра у нас благополучно. Связь совершенно точная, ни одного отклонения.

Развернула другой лист бумаги. Он был испещрен линиями, огромное большинство которых сходилось в одной точке, напоминая собой распустившийся цветок.

— Это роза ветров нашего района. Вот,— она указала на сходившиеся линии,— ветры преобладающие. Как видите, северо-западный дует не так часто и...

— Но мне от этой картины не легче,— прервал ее директор.— Нужно знать причину закономерности, чтобы устранить эту причину. Не останавливать же производство, пока дует этот проклятый ветер!

— Не все сразу. За нить мы ухватились. Завтра прибудут газоанализаторы, проверим атмосферу в цехе.

— Будем ловить ветер в поле? — попробовал пошутить директор.— А что говорит Торопов?

— Его нет сегодня ни на работе, ни дома.

— А Игнатыч?

— Тоже ушел...

— Это уже похоже на демонстрацию.— Директор нахмурился и вызвал Костина.

Костин долго рассматривал сводку, морщил лоб, пожимал плечами и только собрался что-то изречь, как открылась дверь и появились Торопов с Игнатычем.

— Нашли! — радостно выдохнул Игнатыч и тяжело плюхнулся в кресло.— Раскопали досконально.

Торопов стоял, улыбаясь.

— Сегодня мы пошли на северо-запад от завода,— начал он,— и установили: на химическом заводе летом пущен новый цех. Выпускает в воздух сернистый газ. Как только ветер подует с их стороны, газ к нам. А когда на дворе сыро, совсем плохо. Молекула сернистого газа и молекула воды образуют, как известно, сернистую кислоту. Вот что нам несет северо-западный ветер.

— Отсюда и пятна,— вставил Игнатыч.

Директор остановил на старике улыбающиеся глаза.

— Ну, охотник, помог ты и заводу и мне лично. Как тебя премировать — решать будем, а пока не откажись принять мой подарок.

Он снял трубку и попросил жену прислать с шофером ружье, что висело на ковре слева.

— Нужно заставить химзаводцев улавливать серу из газа,— сказала Клавдия Сергеевна.— Вот сделаем анализ воздуха в цехе, приложим эти данные.

— А пока готовые клапаны будем в специальном помещении хранить,— вставил Торопов.— Со станка — и туда.

Костин стоял, переминаясь с ноги на ногу, и наконец решился:

— Ваш приказ можно считать отмененным, Иван Гаврилович? Разрешите разойтись по местам?

— Да,— проговорил директор.— Только вам с Тороповым придется поменяться местами.

Первый раз за долгие три месяца Торопов возвращался домой засветло. Рядом, бережно неся в руках двуствольное ружье с тончайшей гравировкой первоклассных тульских мастеров, шагал Игнатыч.

ИТАЛИЯ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

К началу мая избирательная кампания в Италии уже достигла своего апогея. Каждая партия прибегает к своим специфическим методам пропаганды. Например, один кандидат монархической партии разослал пятидесяти тысячам избирателей Неаполя пакеты с просьбой голосовать за него и вложил в них чеки по тысяче лир. Это одна из самых примитивных форм избирательной коррупции, но не самая наглая, ибо на предыдущих выборах монархическая партия в том же Неаполе разослала ста тысячам избирателей лишь половинки тысячелировых банкнотов, предупредив, что вторую половину банкнота избиратель сможет получить только в случае победы монархического кандидата. Таким путем бедных людей побуждали не только голосовать за эту партию, но и агитировать за нее...

Встречались и более «эффектные» формы пропаганды. На днях газеты сообщили, что христианско-демократический министр промышленности принял участие в закладке первых камней целых шестнадцати сооружений города Ливорно: он хотел показать, что благодаря его энергии будет возведено шестнадцать новых сооружений.

Журналист, бывший свидетелем «скачки» министра от одной строительной площадки к другой, так описал финал этой комедии: «Когда министр, еле державшийся на ногах, с лоснящимся от пота лицом, уселся наконец в машину, то со времени закладки первого сооружения прошло ровно пять часов, в течение которых он заложил шестнадцать строек. На его физиономии сияла победная улыбка: шутка ли, он побил все рекорды, достигнутые на аналогичном поприще всеми другими христианско-демократическими министрами!» Однако жители Ливорно, которые скептически смотрели на забавное зрелище «марафонского бега» министра, не испытывали особого волнения: еще за несколько дней до его прибытия на стенах домов и заборов рядом с известием о предстоящей закладке сооружений появились большие изображения рогов, которые, по народному поверью, предохраняют от «дурного глаза». Эта остроумная выдумка давала понять, что министр или лжец, который не выполняет своих обещаний, или неудачник, поскольку закладываемые им сооружения никогда не возводятся.

Я рассказал здесь лишь о некоторых приемах, используемых буржуазными партиями и их кандидатами. Существуют и другие. Наибольший успех по сей день достигается у нас воздействием на религиозные чувства людей. В большом ходу, например, трюк с богоматерью, которая «плачет» накануне выборов. Когда церковь полна народу, из глаз деревянной статуи мадонны начинает сочиться жидкость. Молящиеся поднимают крик: «Чудо, чудо!» Священник объясняет, будто мадонна плачет потому, что в Италии много коммунистов...

Кандидаты христианско-демократической партии лезут из кожи вон, чтобы показать себя «хорошими католиками». Вот что писала недавно туринская газета «Стампа»: «Министры, сенаторы, вице-министры и депутаты посещают епархии, принимают участие в церковных совещаниях, приглашают служителей культа на свои совещания, устраивают собрания своих подчиненных и военнослужащих, чтобы дать возможность кардиналам выступить на них... Все христианско-демократические кандидаты хорошо знают, что необходимые им дополнительные голоса находятся в распоряжении активистов «католического действия», непосредственно подчиненных церковной иерархии».

Всей этой политической коррупции противостоит коммунистическая партия, которая опирается только на свою организацию. Наши кандидаты отобраны на широкой демократической основе собраниями всех членов партии. Их оружие — это боевое прошлое партии и ее программа, направленная к тому, чтобы сделать Италию свободной, независимой, социалистической страной.

Против нашей партии применяется самая возмутительная дискриминация. Яркий пример этого — отказ премьер-министра предоставить руководителям компартии возможность выступить по радио и по телевидению, как это было разрешено руководителям всех других партий, в том числе и неофашистской. Но дискриминация лишь умножила энергию наших активистов. Программа партии излагается всем гражданам на больших и малых собраниях, в которых участвуют от сотен тысяч до нескольких избирателей. Сущность нашей программы сводится к одному основному пункту: объединить все левые партии, чтобы дать Италии правительство, способное проводить политику мира и социального прогресса. А это в настоящий момент означает прежде всего отвергнуть пагубные планы НАТО, которые предлагают превратить Италию в базу для запуска американских ракет.

С каждым днем выступления ораторов коммунистической партии и ее лозунги встречают все большее и большее одобрение.

Рим, май.

Антикоммунистическая дискриминация в ходе избирательной кампании. Автомобиль «Унита» задерживается полицией, чтобы не дать оратору возможность своевременно попасть на собрание.

Митинг в небольшом городке Центральной Италии. Несмотря на дождь, люди внимательно слушают коммунистического оратора.

Стиральные хлопоты

В гладильном цехе ленинградской фабрики-прачечной № 1.

Многие женщины могут отметить ныне приятную дату: тридцатипятилетие механических прачечных. Начиная с 1923 года эти предприятия строятся в нашей стране все интенсивнее. И, тем не менее, они остаются, пожалуй, самым слабым участком в советском коммунальном хозяйстве. Сооружение их никак не поспевает за ростом населения и его потребностями. Есть много городов и рабочих поселков, где механизация стирки значится лишь в планах отдаленного будущего, а о деревне и говорить нечего. Не менее досадно, что работа старых и новых прачечных вызывает нередко всяческие нарекания.

Стоит вникнуть в причины этих неурядиц.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Рисунки В. Соловьева.

Фото Б. Уткина.

Приемный пункт фабрики-прачечной в Ленинграде. Здесь привелось мне быть свидетелем необычной, но характерной сценки. Получая белье, женщина твердила:

— Видите, какая я рослая, муж мой еще повыше, а эта рубашка совсем крохотная.

— Но метка ваша, — стояла на своем работница, выдающая белье.

— Метка моя, а вещь не моя!

Заведующая приемным пунктом загадочно усмехнулась:

— Дайте-ка квитанцию...

И, заглянув в конторскую книгу, продолжала:

— Вы, гражданка Соколова, у нас не числитесь. Вот алфавитная книга заказчиков, вас тут нет. Вы, значит, воспользовались чужой меткой!

— Мы к таким штучкам привыкли,— разъяснили мне позднее работники прачечной. — Уже третий год не принимаем новых заказчиков. И вот приходится людям пользоваться метками своих друзей и соседей, которые давно стирают у нас.

— А почему вы захлопываете дверь перед новыми заказчиками?

На этот вопрос смог ответить только директор.

— Работаем вполсилы, — сетовал он. — Точнее, на сорок пять процентов установленной мощности. Гладилка не справляется: простыни, полотенца гладят у нас механически, на каландрах. Для остального, фасонного белья служат только утюги. Можно бы, конечно, набрать побольше работниц-гладильщиц, но их негде разместить. Теснота. Хотели сделать пристройку — негде: кругом жилые дома. Сейчас появились гладильные прессы для фасонного белья. Когда получим их, станет полегче.

— А пока нет никакого выхода?

— Пытались мы принимать больше белья в сетках. Многим домохозяйкам этот способ нравится. Они получают у нас влажное белье и дома гладят по своему вкусу. Но не вышло и это. В приемных пунктах тесно. Положишь там влажное белье, а из-за него портится выглаженное, особенно накрахмаленное. Главное же, сеток не дают. Поверите ли, даже ту сотню сеток, которой мы располагаем, я выпросил в рыболовецкой артели... Добавьте к этому простои механизмов. Выйдет из строя машина — негде отремонтировать. Сейчас вот у нас простаивает одна из центрифуг, в которых отжимают белье после стирки. Нужен новый мотор. Его обещают, но не дают...

На прощание директор добавил:

— Не думайте, что только мы работаем вполсилы, в других прачечных еще хуже!

Он говорил чистейшую правду. Во многих фабриках-прачечных велик разрыв между производительностью стиральных и сушильно-гладильных цехов, устарело, износилось оборудование, не хватает помещений, рабочих рук, механизация почти не коснулась вспомогательных операций. И вот итог: большинство прачечных действует меньше чем наполовину своей мощности.

Еще одна преграда стоит на пути домашней хозяйки в коммунальные прачечные: они, как правило, загружены так называемым «массовым» бельем, принадлежащим фабрикам, заводам, магазинам, вузовским общежитиям.

Еще в 1951 году Совет Министров СССР обязал некоторые ведомства обзавестись в Москве собственными прачечными. Это постановление правительства и сейчас не выполнено.

В Горьком, Туле, Пскове тысячи жителей не могут пользоваться услугами прачечных, так как мало приемных пунктов: не возить же белье за несколько километров от дома! А местные органы не торопятся устранить это зло. Даже Исполком Моссовета не проявляет своей обычной оперативности: он более года назад решил открыть в столице двадцать новых приемных пунктов, но помещения предоставлены пока только для трех. Не хватает автотранспорта для перевозок белья. В Горьком, обманывая санитарную инспекцию, иногда возят нестираное и чистое белье в одном и том же грузовике, что категорически запрещено.

Директор одной крупной фабрики-прачечной как-то разоткровенничался:

— Помните старый анекдот о прачке, которая мечтала: «Если бы я была графиней, то стирала бы одно лишь шелковое белье». А нас шелковое не прельщает. Нам подавай так называемое «массовое». Предприятия дают его большими партиями, подвозят на своем транспорте. И не придираются особенно к качеству стирки. А с домашними хозяйками одна морока. Столько времени тратишь на разбор жалоб!

Такое положение характерно для многих крупных городов. Впрочем, за последнее время наметились изменения к лучшему. Дальше всех продвинулись в Ленинграде. Следом идут Иваново, Магадан, а уже за ними (только за ними!)... Москва. Ну, а скажем, в таких городах, как Челябинск и Свердловск, от домашних хозяек белье в стирку берут неохотно, в Архангельске же их и вовсе не признают...

Нередко от клиентов прачечных можно услышать: «Получая стираное, не бойся, — не ослепнешь от его белизны». Или: «Меньше грязи — больше дыр». Говорят и иначе: «Отнеси весной рубашку «фантазия», к лету получишь тенниску-безрукавку». Жалобы идут потоком, устные и письменные, серьезные, обоснованные.

Мы беседовали с директором ленинградского треста прачечных Г. Т. Коваленко, с главным инженером столичного треста М. А. Акатовым, с работником Министерства коммунального хозяйства РСФСР В. И. Перепелицыным. Не выискивая оправданий плохой работы прачечных, они говорили и о своих бедах.

Сотни прачечных снабжаются жесткой водой. Это, как говорят специалисты, снижает качество стирки, а ткани изнашиваются быстрее.

Никогда у населения не было столько вещей из шелка, шерсти, тканей новых видов, сколько ныне. Стирать такое белье лучше всего с помощью синтетических моющих средств. Но промышленность удовлетворяет лишь десятую долю потребности прачечных: цены на химикаты очень высокие.

Механическая стирка сложна. Чтобы строго соблюдать технологические режимы, нужны точные контрольно-измерительные приборы. Их пока очень мало.

Выпуск запасных частей не на-

Работница фабрики-прачечной № 17 в Ленинграде А. В. Громова, награжденная орденом Ленина.

лажен, мастерские при прачечных бедны станками.

Если отжила свой век машина, заменить ее трудно. Изготовлением оборудования для прачечных сейчас занято меньше предприятий, чем до войны. Это больше всего мешает как техническому перевооружению действующих прачечных, так и строительству новых.

Научные работники Академии коммунального хозяйства РСФСР предложили ценные новинки, позволяющие уже сегодня полностью механизировать производство. Но внедрение этих новинок в практику ведется кустарно, тянется долгими годами. Слово за совнархозами!

Наконец, теснота в прачечных и приемных пунктах.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ № 17

И все-таки можно работать гораздо лучше, примером чему служит ленинградская фабрика-прачечная № 17, которую возглавляет Н. А. Корзун. Неказиста она на вид, не блещет совершенством или новизной оборудования, но заслуживает похвалы. Недаром лучшая работница этой прачечной А. В. Громова в дни 250-летия Ленинграда вместе с другими передовыми тружениками города-героя была награждена орденом Ленина.

Здесь и директор и все сотрудники полны уважения к тем, кого обслуживают. Перед праздниками, когда приток белья особенно велик, приглашают на день—два старых работниц, ушедших на пенсию, и с их помощью укладываются в нормальные сроки стирки. Если принесли ветхую вещь, ее не поленятся бережно выстирать вручную, чтобы ненароком не повредить.

Пока мы обходили цехи, наступило время обеда, но приемный пункт не закрыли.

— Там есть заказчицы, — сказал Корзун. — Неудобно оставлять их с узлами на целый час во дворе.

— И всегда здесь так?

— Да, — подтвердили домашние хозяйки.

Почему же у других не ладится то, что удается Н. А. Корзуну?

«Вряд ли есть необходимость доказывать, в каком большом почете находятся советские женщины, которые не на словах, а на деле имеют равные права с мужчинами во всех областях общественной, политической жизни и на производстве, — говорил Н. С. Хрущев накануне недавних выборов в Верховный Совет СССР. — У нас многое сделано и для облегчения труда женщин, но этого еще недостаточно... Нужно позаботиться и о том, чтобы всемерно облегчать труд женщин в домашнем хозяйстве».

Слова эти относятся к прачечным вдвойне: ведь в них работают и их услугами пользуются преимущественно женщины.

Слава колхозным ветеранам!

В артели «Ленинский путь» учреждено звание «Почетный колхозник»

Недавно в деревне Сватково, Осьминского района, Ленинградской области, отметили семидесятилетие старейшей рядовой колхозницы Агафьи Семеновны Алексеевой. Это героическая женщина. Вдова первого председателя колхоза, мать расстрелянной гитлеровцами партизанки и погибшего в боях за Родину солдата, Агафья Семеновна больше четверти века самоотверженно трудится на колхозных полях.

«Как лучше отметить ее юбилей?» — задумались колхозники. Слово взял председатель колхоза тридцатитысячник ленинградец Анатолий Александрович Буров.

— Товарищи,— сказал он,— наш колхоз стал передовым только в последние годы. Но мы не должны забывать ветеранов нашего дела, первых организаторов и строителей артели, тех, кто в трудную пору держался стойко, мужественно и не покладая рук трудился для своего народа. Предлагаю установить для них звание «Почетный колхозник».

Собрание постановило:

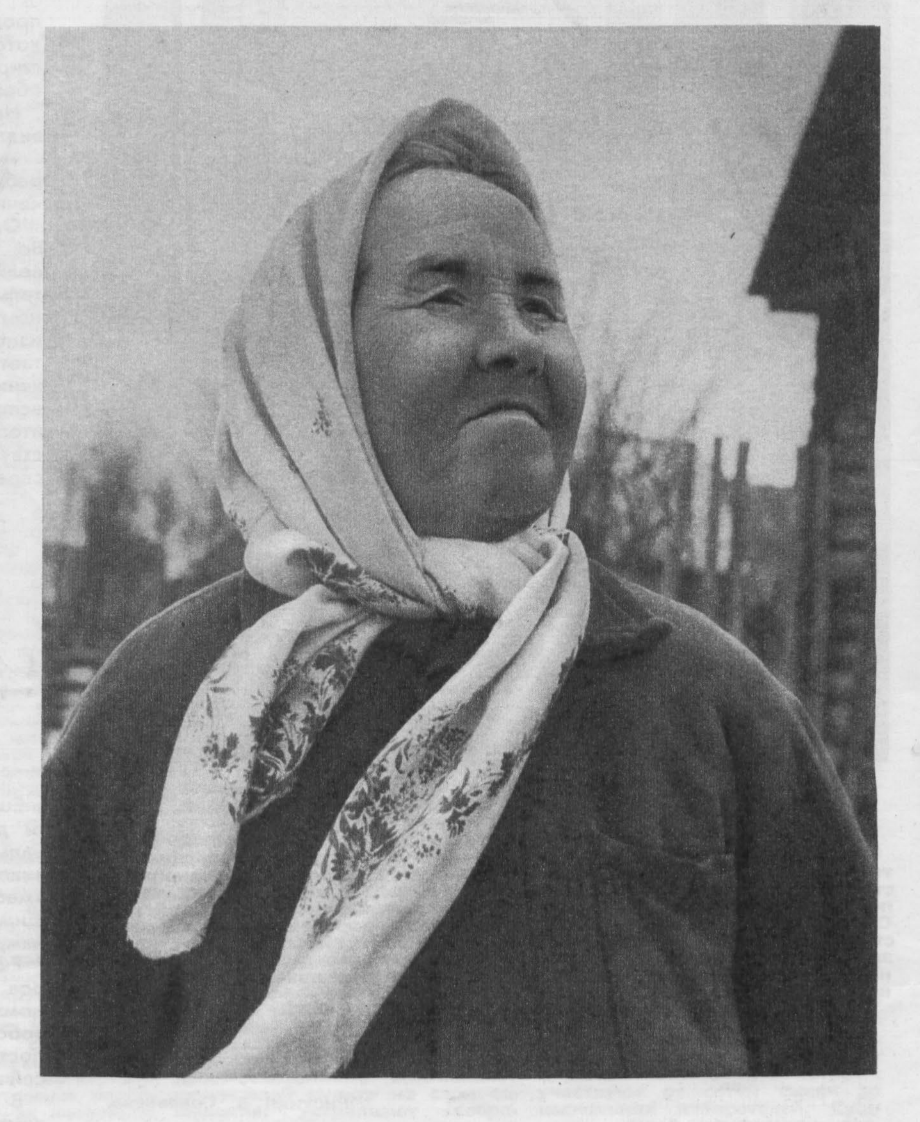
1. Учредить в колхозе «Книгу почета» и звание «Почетный колхозник» для ветеранов колхозного труда.

2. Присвоить звание «Почетная колхозница» Агафье Семеновне Алексеевой и установить ей повышенную персональную пенсию.

3. Посмертно присвоить звание «Почетная колхозница» Марии Харламовне Севастьяновой, отдавшей двадцать пять лет жизни родному колхозу.

Инициатива колхозников артели «Ленинский путь» одобрена Осьминским райкомом партии и колхозниками других сел района.

Г. РАДОВ

На снимке: почетная колхозница А. С. Алексеева.
Фото Б. Уткина.

Подводный фотоглаз

На снимке вы видите небольшой снаряд, похожий на торпеду.

Но этот снаряд имеет очень мирное назначение. И если механик Петр Васильевич Егоров сейчас раскроет его, то внутри снаряда вы увидите импульсную лампу, киноаппарат и маленький будильник.

Это — автоматическое фотосъемочное устройство, сконструированное в лаборатории подводных исследований Научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии. Авторы конструкции — инженер О. А. Соколов и механик П. В. Егоров.

Вместе с тралом снаряд идет под воду, спускается с ним на любую глубину. Благодаря электронному реле времени аппарат можно заставить работать не сразу, как он уйдет под воду, а тогда, когда это станет необходимо. Аппарат может сделать 750 кадров.

Как ведет себя рыба? С какой скоростью она уходит от трала?

В каком направлении? Обо всем этом подробно расскажет фотокамера. Она поможет внести необходимые изменения в конструкцию трала.

Н. ТАРАСЕНКОВА

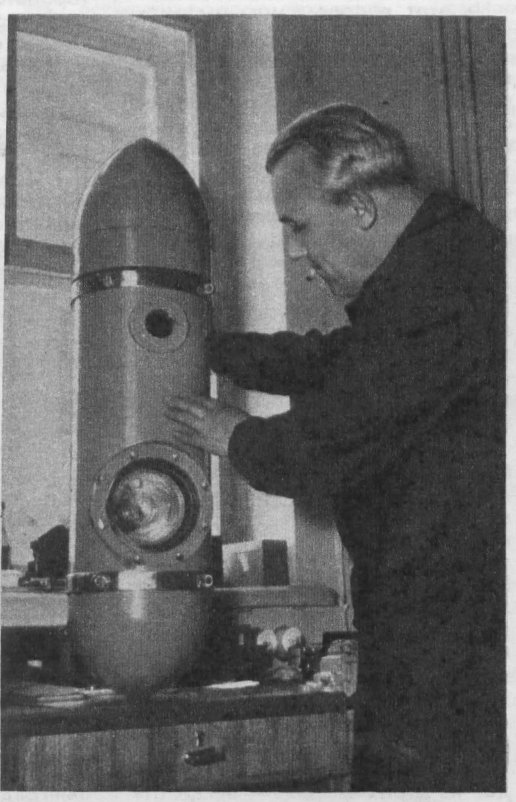

Фото Р. Лихач.

Кубанские пианино

Краснодарская фабрика клавишных инструментов в текущем году даст более 1 700 пианино «Кубань». Сверх плана предполагается выпустить несколько цветных пианино.

А. МАРТЫНОВ

Настройка пианино.
Фото Е. Иванниковой.

СТАРИННАЯ ДРУЖБА

В старинный тбилисский дом под номером 21 по улице Церетели время от времени приходят письма и бандероли из Саратова. Вот одна из них — книга «Н. Г. Чернышевский в Саратове» с дарственной надписью: «Русудане Николаевне Николадзе посылаю эту книгу с далекой родины Н. Г. Чернышевского в память его великой любви к угнетенной Грузии и в знак семейной традиционной дружбы между семьей Чернышевского и семьей Николадзе. От Н. Чернышевский».

Заглянем и в письма из Саратова: «Дорогая Русудана Николаевна! Примите от меня самую горячую благодарность за прекрасную телеграмму, за интереснейшую книжку писем к Николаю Яковлевичу русских литературно-общественных деятелей...»

Переписка между директором Саратовского дома-музея Н. Г. Чернышевского Ниной Михайловной Чернышевской и профессором химии Русуданой Николаевной Николадзе, дочерью замечательного грузинского публициста, продолжает по традиции семейную дружбу, начатую почти столетие назад.

В ту пору студент Нико Николадзе, отсидевший в Петропавловской крепости, изгнанный из университета и лишенный права жительства в Петербурге, скрывался на квартире своего земляка. Дни и ночи проходили за чтением любимого журнала «Современник», в жарких спорах с друзьями.

И вот однажды в дверь квартиры постучали две милые незнакомые женщины и попросили одолжить для костюмированного вечера черкеску. Одна из них, жена Н. Г. Чернышевского, Ольга Сократовна, пригласила юношу Нико к себе в дом, познакомила с мужем.

Это на первый взгляд случайное знакомство сыграло решающую роль в формировании мировоззрения молодого грузинского публициста, сделало его ярким популяризатором идей Чернышевского.

Позднее, в Женеве, Н. Я. Николадзе издает собрание сочинений Чернышевского. Вернувшись из ссылки, Николай Гаврилович просит старого друга пристроить на службу сына Михаила. Вот это письмо из Астрахани от 27 августа 1884 года, хранящееся в Литературном музее Грузии: «Милостивый Государь Николай Яковлевич! Предполагая, что Вы еще не совсем забыли меня, и, вероятно, сохранили доброе расположение ко мне, я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в деле, столь же невинном с точки зрения посторонних людей, сколь дорогом для меня...».

А вот ответ Николая Яковлевича; это письмо хранится в Саратовском музее:

«Могу Вас уверить, что я счел бы безграничным для себя счастьем, хоть чем-нибудь быть Вам приятным или полезным, взамен всего того, чем я Вам обязан относительно своего умственного и нравственного развития...»

Связи двух семей не прерываются и после смерти Николая Гавриловича. Русудана Николаевна вспоминает 1911 год, когда ее отец повез всю семью в Саратов, к Чернышевским. Еще была жива Ольга Сократовна. Там дети — второе поколение двух семей — познакомились друг с другом.

— Теперь,— говорит Русудана Николаевна,— мне трудно предпринимать далекие путешествия. Но не так давно саратовцев навестили мой сын с невесткой.

И. МЕСХИ

С МАРКОЙ «ЧТЗ»...

Четверть века назад эта фотография обошла страницы многих газет и журналов страны. Объектив запечатлел торжественное событие, происшедшее 1 июня 1933 года. С конвейера Челябинского тракторного завода сошел первый трактор. Его вел лучший сборщик тракторов Марк Макогон.

С Марком Макогоном, ныне начальником бюро технического контроля, мы встретились в цехе у новенькой, блистающей свежей краской машины. Это «С-100» — трактор в сто лошадиных сил. Завод знаменует вступление в 26-й год своего существования переходом на серийный выпуск тракторов новой марки.

Начальник бюро технического контроля М. Я. Макогон у нового трактора — «С-100».

Фото А. Ходова.

— Хорошая машина! — говорит М. Я. Макогон, любовно поглаживая борт трактора.— Правда, его дедушка, первенец нашего завода, хотя и почти вдвое слабее, но для своего времени также был отличным трактором...

Немало первых строителей Челябинского тракторного, тогда безусых энтузиастов-комсомольцев, встречаем мы сейчас на командных должностях завода. Нынешний начальник чугунолитейного цеха И. П. Запорожец 26 лет назад был бригадиром комсомольско-молодежной бригады бетонщиков, а бывший землекоп Иосиф Семеров, за рекордами которого ревниво следили на многих стройках страны, ныне возглавляет один из отделов заводоуправления...

На ЧТЗ создают все более совершенные машины. Они хорошо оправдали себя и на самых южных широтах и на Крайнем Севере...

«Уральские пингвины»! Что может быть необычнее этого названия. Но так любовно на заводе именуют новый тип трактора «С-100-А». «А» — означает «Антарктический». В прошлом году партия в пятнадцать таких тракторов была отправлена по не совсем обычному адресу: «Антарктида, «Мирный». На каждом тракторе изображение пингвина и теплые слова привета участникам антарктических экспедиций.

Известен нынче в стране и другой трактор оригинальной конструкции, созданный на ЧТЗ,— болотный. Ступит человек на топкое болото и тут же проваливается. А этот трактор с гусеницами метровой ширины, весящий около тринадцати тонн, уверенно идет по поверхности болота, как по целине. С необходимым навесным оборудованием такая машина может широко применяться для осушения болот, освоения новых земель.

Успешно прошел государственные испытания созданный на ЧТЗ новый 140-сильный трактор, который передан для массового изготовления другому заводу.

А вот еще одна уникальная машина — дизель-электрический трактор «ДЭТ-250». Сейчас три такие машины завершают заводские испытания. Это поистине тракторы-гиганты. Вес каждого из них достигает 25 тонн, а мощность двигателя — 250 лошадиных сил. Электрическое хозяйство машины заключает в себе целую передвижную электростанцию, которая способна осветить поселок в 300 домов. Эти высокопроизводительные машины в ближайшие годы появятся на новостройках страны.

Более трехсот тысяч тракторов с маркой «ЧТЗ» выпустили челябинцы за четверть века. С заводской территории отправляются все новые и новые эшелоны. Вот мощный кран подхватил очередную машину и погрузил ее на платформу. Адрес на ящиках выведен латинскими буквами. Этой партии тракторов предстоит проделать длительный путь. Она предназначена для Египта. Недавно завод выполнил заказ и отправил тракторы в Аргентину, Цейлон, Индонезию, Финляндию, Сирию... Марка «ЧТЗ» теперь хорошо известна в 27 странах мира.

А. ГРИГОРЬЕВ

Двадцать пять лет назад, 1 июня 1933 года, М. Я. Макогон вывел первый трактор с конвейера ЧТЗ.

Дизель-электрический трактор «ДЭТ-250» с бульдозером на испытаниях.

Фото А. Соколова.

Снято в Антарктиде

Среди снимков, сделанных мною в Антарктиде, есть два, которые, как мне кажется, представляют особый интерес.

Эти фотографии связаны с именем английского исследователя Антарктиды Роберта Скотта. Как известно, Скотт возглавлял антарктические экспедиции в 1900—1904 годах и в 1910—1912 годах. Во время второй экспедиции Р. Скотт достиг Южного полюса (на месяц позже норвежца Р. Амундсена) и погиб на обратном пути, не дойдя всего 20 километров до продовольственной базы. Мне удалось сфотографировать домик Скотта и трехметровый крест на мысе Хат Пойнт, водруженный в память Р. Скотта и его отряда.

В. РАСТОРГУЕВ

В Ростовском аэропорту.

В ГОСТЯХ У МИХАИЛА ШОЛОХОВА

С. Герасимов и М. Шолохов.

Весна в этом году выдалась затяжная. На верхнем Дону — уже после того, как ушел лед и начисто обнажилась земля, прилетели скворцы и грачи, потянулись караваны диких уток и казарок, — вдруг выпал обильный снег и покрыл землю чуть ли не на четверть. В середине апреля разлился Дон. Дороги оставались все еще непроезжими, поэтому гостей к Михаилу Александровичу Шолохову пришлось доставлять из Ростова на десятиместных самолетах, не требующих для посадки и взлета длинной дорожки.

В гости к Шолохову отправились киноработники, представители двух съемочных коллективов — «Тихого Дона» и «Судьбы человека», делегация с крупнейшего таганрогского завода, взявшего шефство над Вешенским районом.

Не случайное совпадение свело всех этих людей. Сергей Герасимов, закончив постановку кинофильма «Тихий Дон», вез землякам Михаила Шолохова, землякам героев романа третью серию, завершающую огромную киноэпопею. Вместе с Герасимовым в гости к Шолохову и вешенцам отправились артисты Петр Глебов, исполнявший роль Григория Мелехова, Зинаида Кириенко (Наталья Мелехова) и Вадим Захарченко — по роману и фильму верный ординарец и друг Григория, Прохор Зыков.

Народный артист СССР Сергей Бондарчук, приступив к съемкам кинофильма «Судьба человека», выехал в Вешенскую вместе с кинооператором Владимиром Монаховым — выбирать весеннюю натуру. Как читатели, вероятно, помнят, рассказ «Судьба человека» начинается с величественного описания донской весны. Сценарий фильма открывается встречей Андрея Соколова и его собеседника, которому он на берегу разлившегося Дона рассказывает историю жизни. И авторам сценария и постановщикам картины очень хочется снять разлив Дона, пейзаж верхних донских степей, не идя ни на какую подмену в интересах облегчения съемки. Для этого и снаряжена экспедиция в районы, труднодоступные для транспортировки техники.

Много есть мест в России, схожих с верхним Доном, но только схожих. Есть особая красота, присущая только тем местам: в мрачности нависших над Доном меловых гор; в лозняке, прочно опутавшем корнями невысокие берега; в промытых волной песчаных отмелях, на которые во все лето не ступит нога человека; в широких по весне разливах.

Итак, Сергей Герасимов приехал в Вешенскую с отчетом перед людьми, которым особенно близко творчество Шолохова, а Сергей Бондарчук — с ответственной и сложной заявкой. Радостен тот факт, что только еще успела выйти на экраны одна картина по произведению Шолохова, как тут же начинает сниматься другая. Поворот работников кино к шолоховским произведениям не случаен. Всенародный успех фильма «Тихий Дон» показал еще и еще раз все значение литературной основы создания кинопроизведений: именно она дает глубину проникновения в жизнь, в психологию человека.

Обычно, смотря кинокартину, мы то и дело обращаем внимание на виртуозную работу режиссера или кинооператора. Но, видя фильм «Тихий Дон», мы забываем и о режиссере и об операторе, — будто сама жизнь развертывается перед глазами. А это и есть высшее мастерство в кино.

Сложная задача стояла перед актерами. В основном это были молодые люди, почти не имеющие опыта, если не в актерском искусстве, то в кино. Не все сразу нашли себя в роли. Но вот фильм появился, и вовсе не кажется нарочитым казацкий говорок в устах Аксиньи — Быстрицкой, с огромным драматизмом сыграла свои заключительные сцены З. Кириенко, в полную силу развернулся талант Петра Глебова. «Мне выпало большое счастье, — говорил Петр Глебов в своих выступлениях перед казаками Вешенской станицы, — играть роль Григория Мелехова, героя шолоховского произведения. Я получил возможность подлинного актерского творчества».

Но вот за постановку фильма по рассказу М. Шолохова «Судьба человека» взялся ученик Сергея Герасимова Сергей Бондарчук. Михаил Александрович Шолохов, учитывая, что Бондарчук выступает впервые как режиссер, протянул ему дружескую руку помощи и заботливо вникает в его творческую работу, помогает своими советами.

Самолеты приземлились в Вешенской около четырех часов дня, а в пять часов в Доме культуры начался первый сеанс 3-й серии «Тихого Дона». И до самого отъезда группы С. Герасимова — круглосуточно шел показ фильма при переполненном зале. Тут были не только вешенцы, — смотреть кинофильм приезжали люди из соседних станиц и хуторов, переправляясь на катерах через разлившийся Дон. В эти дни бесперебойно работала и переправа. Фильм был также показан партийно-хозяйственному активу Верхнедонских районов. Сергей Герасимов, Петр Глебов, Зинаида Кириенко, Вадим Захарченко, Михаил Александрович Шолохов выступали перед зрителями в вешенском Доме культуры.

Приезд группы Сергея Герасимова и просмотр фильма превратились в настоящий праздник не только для вешенцев, но и для всех окрестных станиц и хуторов.

Ф. ШАХМАГОНОВ
Фото автора

Бирманский праздник воды

У ЧИН ВЕЙ,
бирманский журналист.

У народа Бирмы много красочных, жизнерадостных праздников. Большинство из них связано со знаменательными датами из истории этой страны.

Самый веселый — праздник воды. Он отмечается весной, в канун бирманского нового года.

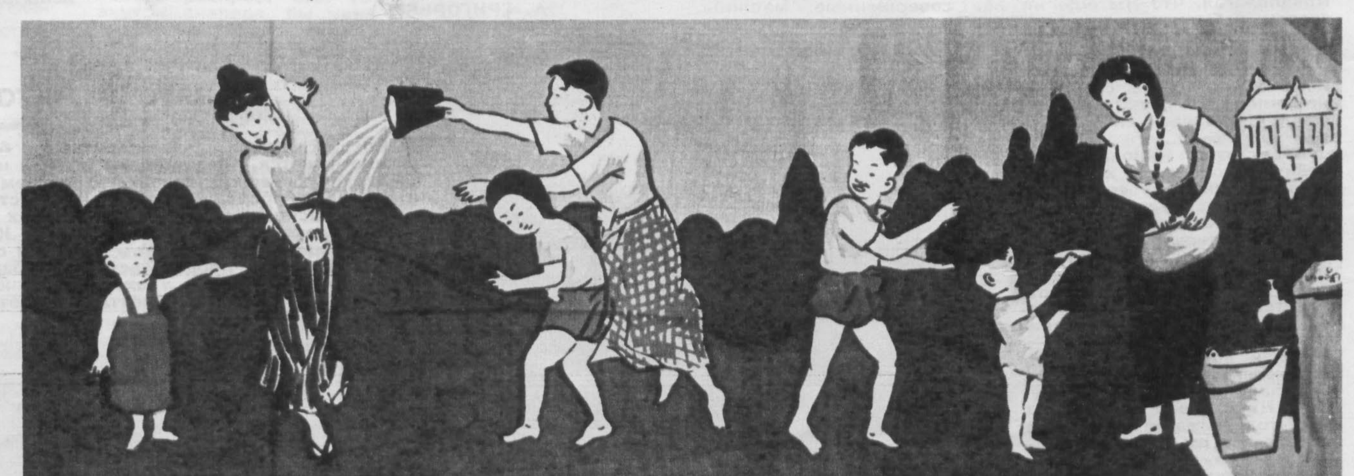
Обливание прохладной водой в эти дни — символ доброй воли и уважения. В древние времена юноши ходили вокруг домов девушек и обливали их ароматной водой. Молодежь обливала стариков. Девушки были обязаны вымыть волосы. Вся одежда должна быть выстирана до наступления нового года. Люди как бы хотят оставить в старом году все грязное и дурное. Считается, что омовения очищают не только тело, но и душу.

Разукрашенные лодки и повозки, переполненные жизнерадостной молодежью, которая окатывает всех прохладной водой, шутки, музыка, смех — таков этот праздник. В эти дни люди стараются сделать как можно больше добра друг другу, отмечая этим свой любимый праздник; пожилые люди ходят в монастыри и пагоды. Утром в первый день нового года происходит церемония обливания ароматной водой образа Будды.

В городах, таких, как Рангун, Мандалай и Бассейн, этот праздник с каждым годом становится все массовее и оживленнее. Происходят соревнования на лучшее украшение лодки, лучшие танцы. Присуждается премия за лучший национальный костюм.

Даже иностранца, случайно оказавшегося в Бирме, во время праздника заражает общее веселье. Чжоу Энь лай, Неру, Насер, У Ну принимали участие в празднике воды 1955 года — незадолго до Бандунгской конференции.

За последние годы праздник приобрел некоторые новые черты: в его дни стали популярны политические лозунги. В них критикуется работа организаций и учреждений, которыми недовольна общественность. Иногда критике подвергают новые женские моды или... поведение кондукторов автобусов.

Праздник воды. Рисунок на ткани.

«ТИХИЙ ДОН»

Цветной художественный фильм по роману М. Шолохова.
Третья серия

Сценарий и постановка Сергея Герасимова. Оператор — В. Рапопорт.
Московская киностудия имени М. Горького

Разговор Григория с Натальей. Григорий — П. Глебов, Наталья — З. Кириенко.

Новороссийский порт. Красные наступают. Григорий — П. Глебов и Прохор Зыков — В. Захарченко.

Болезнь Натальи. Наталья — З. Кириенко, Ильинична — А. Филиппова.

В доме Мелеховых. Ильинична — А. Филиппова, Дуняша — Н. Архангельская.

Приезд Григория. Мишатка — Валерий Мелехов, Григорий — П. Глебов, Полюшка — Таня Семека.

Кошевой — Г. Корякин и Дуняша — Н. Архангельская.

Аксинья — Э. Быстрицкая и Мишатка — Валерий Мелехов.

На могиле Аксиньи. Григорий — П. Глебов, казак Чумаков — Ю. Макрауз.

Товарищи в борьбе

А. СТАРКОВ

I

В Берлине я провел целый вечер в семье Вилли Крюгера, работника одного из министерств. Вилли, его жена Мария и их сын Курт, в недавнем прошлом известный немецкий боксер, рассказывали мне о русских людях, которые, оказавшись во время войны в неволе, в чужой, вражеской столице, нашли среди немцев своих единомышленников и образовали вместе с ними подпольную антифашистскую организацию.

Квартира Крюгеров была тогда одной из явок, где встречались руководители отдельных групп, составлявших эту широко разветвленную организацию. Здесь часто бывал и «геноссе Михаель Куницкий», представитель группы «рабочих востока». Так называли советских людей, угнанных на работу в Германию. Их еще называли «цивильгефангенэ» — гражданские пленные. Они жили в лагерях, разбросанных по всей стране. А в Берлине такие лагеря существовали почти при каждом заводе. «Геноссе Михаель» был с завода «Эрвин Ауэрт», выпускавшего детали для бронемашин и понтонных мостов.

Крюгеры вспоминали о своем друге как о человеке удивительного бесстрашия. Действительно, надо было обладать безграничной отвагой, чтобы среди бела дня в каких-нибудь тридцати километрах от Берлина, на оживленной транспортной магистрали пустить под откос гитлеровский эшелон с боеприпасами. А это сделали трое — Куницкий и два его товарища, имен которых Крюгеры не знают.

Куницкий — москвич, он не раз упоминал об этом.

— Кажется,— говорит Мария,— он агроном.

— Это ты судишь по тому,— возражает Вилли,—что он помогал тебе на огороде? А по-моему, Михаель — учитель. Что-то он, помнится, говорил про школу...

Тут приходит Курт и поддерживает отца: Куницкий — учитель биологии. Но и мать, значит, не так уж далека от истины: агроном может преподавать биологию... Про возраст Куницкого Вилли сказал так:

— Мне пятьдесят семь. А он, пожалуй, старше. Правда, его старила совершенно седая борода. Он ее сбрил потом, чтобы быть менее приметным, и сразу помолодел. Но все-таки он года на четыре старше меня.

Сведений набралось вполне достаточно. Если Куницкий живет в Москве, найти его будет нетрудно.

...Московский адресный стол работает безотказно. Подав в справочный киоск на площади Свердлова запрос, через полчаса получаю ответ: «Куницкий Михаил Андреевич, год рождения 1893, педагог, проживает в Большом Афанасьевском переулке, 32, квартира 6». А еще через полчаса звоню в эту квартиру и, пройдя длинным темным коридором, стучу в самую дальнюю дверь. Открывает невысокий плотный человек в рубашке-ковбойке. У него до блеска выбритая голова, свежие, чуть розоватые щеки, а из-под закатанных рукавов видна упругая мускулатура. Человеку, судя по внешнему виду, около пятидесяти. А разыскиваемому мной Куницкому за шестьдесят. Значит, не он. Возможно, родственник? Нет, это сам Куницкий. Не зная еще, зачем к нему пожаловали, приглашает в комнату. Передаю привет от Крюгеров из Берлина. Видимо, это столь неожиданно для Михаила Андреевича, что даже не сразу как-то доходит до его сознания. Он смотрит на меня, молчит, потом медленно повторяет, как бы прислушиваясь к звучанию этих слов:

От Крюгеров из Берлина...— и сразу же: — О! От Вилли и Марии?

— Да, и от их сына Курта.

— Они помнят меня?

— Отлично помнят, много рассказывали про вас и даже чуточку поспорили, вспоминая вашу профессию. Агроном или учитель биологии?

— А я и агроном и учитель, но не биологии, а географии. В двадцатых годах, сразу после гражданской, учился в Тимирязевке. После служил в различных сельскохозяйственных ведомствах. Потянулся к преподаванию. Пошел в школу. А тогда почти не требовалось почему-то биологов и был огромный спрос на географов. Вот я и взялся за географию, полюбил ее. До войны вел этот предмет в 284-й школе. Недалеко от Рижского вокзала. А после войны преподавал в 287-й. Это там же, на нынешнем проспекте Мира, но чуть подальше... А сейчас, как говорят моряки, на приколе. Вот уже с год, как на пенсии. И чувствую себя, знаете, прегогано. Осенью еще как-то ничего было, садом занимался. А зимой пропадал без дела. Нет, не выдержу, возьму, наверно, с десяток часов...

Так состоялось наше знакомство.

В тот вечер Михаил Андреевич рассказывал о своей юности, прошедшей на Смоленщине, о солдатской службе в царской армии, о боях в гражданскую войну, когда он командовал эскадроном. Видно, это был лихой конник: даже сейчас, через столько лет, при воспоминании о кавалерийских атаках под Минском, под Вильно рука его невольно рубила воздух.

Вечера не хватило. Встретились еще и еще. Все задумчивей, все нетороплнвей перелистывал Михаил Андреевич книгу своей жизни. А в ней, в этой книге, обычное, повседневное переплелось с необычайным, захватывающим. Были и горестные, печальные страницы.

Начальник штаба одного из батальонов Ростокинской дивизии народного ополчения Михаил Куницкий пробивался осенью 1941 года из окружения под Дорогобужем. Переодевшись у добрых людей, пробираясь от деревни к деревне, он вышел к своим родным местам. Но вся Смоленщина была уже оккупирована. Спасло то, что в деревне, где жила сестра Куницкого, немцы не стояли. Перезимовал у сестры. Отрастил густую патриаршью бороду, ходил сутулясь, с палкой, и выглядел глубоким стариком. Ждал удобного момента, чтобы перейти фронт или связаться с партизанами. Но тут начался массовый насильный вывоз жителей на работу в Германию. Староста включил в список и Куницкого.

Эшелон, в который попал Михаил Андреевич, прибыл на станцию Эркнер. Это в тридцати километрах от Берлина. Здесь находился центральный распределительный пункт, откуда «гражданских пленных», предварительно сфотографировав каждого и сняв отпечатки пальцев, развозили по лагерям...

Прежде чем перейти к рассказу о жизни в лагере, Куницкий познакомил меня со своим другом Петром Алексеевичем Гусевым, электриком машиностроительного завода, и теперь мы встречались втроем.

II

Как и военнопленные, «цивильгефангенэ» жили за колючей проволокой в бараке с нарами в три этажа. Но им разрешалось выходить в город. Сначала их выводили на прогулку строем под охраной, и продолжался этот «променад» не больше получаса. Потом стали выпускать из лагеря на более длительное время и без охраны, группами в 3—4 человека, из которых выделялся старший. Он отвечал за возвращение точно в назначенный срок и, если группа опаздывала хотя бы на несколько минут, подвергался наказанию. Его сажали в «бункер», тесную металлическую будку, в которой человек не имел даже возможности присесть, а мог лишь стоять, вытянув руки по швам и переминаясь с ноги на ногу, чтобы ноги не затекли. Свет, как и воздух, поступал через косую щель шириной в два сантиметра. Сажали в «бункер» на сутки, а то и на двое. На заводском дворе стояло несколько таких будок, и они всегда были полны, потому что наказывали не только за опоздание, но и за любую малейшую провинность.

Говорили, что «бункеры» — личное изобретение владельца завода Эрвина Ауэрта, которому принадлежал и лагерь. Таков был порядок у нацистов: «рабочие востока» поступали из распределительного пункта в полное распоряжение хозяина предприятия. И тот становился тюремщиком, рабовладельцем, мог чинить любой суд и расправу. Ауэрт же был очень скор на расправу.

Вспомнив про «шефа» завода, Михаил Андреевич показал письмо, которое тот прислал ему в Москву через год после окончания войны. Оно было написано по-русски и начиналось с почтительнейшего обращения: «Многоуважаемый профессор Куницкий!» Далее следовали велеречивые излияния, прозаический смысл которых раскрывался в конце письма: «Теперь тут нашлись люди, которые стараются причинить мне вреда... Прошу Вас подтвердить, что я всегда хорошо обращался со своими русскими рабочими и всячески старался повысить их паек...» И в заключение: «С наилучшим приветом Ваш Эрвин Ауэрт». Вот как дело обернулось! А давно ли «многоуважаемый профессор» был для высокомерного шефа не более, чем «унтерменш», что означает: недочеловек...

Мастер-немец постоянно жаловался на Куницкого: у этого русского все валится из рук, ничего не умеет делать. А может быть... не хочет? Поставили к одному станку — сверло летит за сверлом. Испытали у другого, шлифовального,— шлифовка получалась хуже обдирки. Перевели к тискам — за две недели напильника не научился держать. Кричи на него, бей, в «бункер» сажай — один толк. Послали в кладовую — выдавать материал, инструмент, машинное масло. Эта работа устраивала Михаила Андреевича: она давала возможность бывать в разных цехах, больше общаться с людьми, присматриваться к ним. И... и иногда песочку подсыпать в масло.

Русских у Ауэрта работало тридцать человек. Горькая судьба свела их под одну крышу. Поразному несли они свой крест. Был учитель из Ярцева, замкнувшийся, глубоко ушедший в себя человек, лишь печально поглядывавший на товарищей, когда те пробовали его расшевелить. И озорной, неунывающий, громкоголосый Сергей Петроченко, никогда не склонявший головы ни перед охраной, ни перед мастерами, ни перед самим шефом. У гитлеровцев против него были пули, колючая проволока, «бункер», сторожевые собаки. А у

Сергея против них — только одно оружие: презрение! И оно было настолько сильным, испепеляющим, это чувство, что те, кого он презирал, предпочитали не связываться с ним, хотя он был их раб, их пленник...

Куницкому нравился Сергей, Сергею — Куницкий, и они быстро подружились. У них было много общего. Оба москвичи: Петроченко жил на Погодинке. Оба воевали. И оба собирались бороться.

Был еще один москвич. Юноша. Скорей даже мальчик: только-только исполнилось шестнадцать. Звали его Петя Гусев. Как он попал в лагерь? Война застала его на летних каникулах в Смоленской области. И вот вместо родной Москвы, где 1 сентября он должен был идти в восьмой класс, Петя Гусев очутился в Берлине, у Ауэрта.

Представьте, жили в Москве два человека по соседству. Один в переулке, выходящем на Арбат, другой на самом Арбате, близ этого переулка. Хлеб покупали в одной булочной. И ни разу не встретились. А познакомились, побратимами стали за тысячи верст от Арбата, по другую сторону фронта, в столице врага, за колючей проволокой... За колючей проволокой, в душном бараке лежат они ночью на нарах. Московский учитель и московский школьник. Михаил Андреевич на нижних нарах, Петя над ним. Не спят. Огрызок свечи тускло освещает карту мира, лежащую на коленях у Куницкого. Карта контурная, небольшая, в развернутый тетрадочный лист. Трудно по ней рассказывать о Союзе Советских Социалистических Республик. Но вот уже много ночей длится урок географии! И Петя Гусев, у которого в школе отметка по этому предмету не подымалась выше тройки, слушает Михаила Андреевича, не смыкая глаз. Сегодня про Сибирь. Где-то там, в Сибири, семья Куницкого — жена-учительница и двое дочерей. Они эвакуировались из Москвы. Теперь он для них «без вести пропавший». Такой же для отца с матерью и Петя... А оба «без вести пропавшие» склонились над географической картой в душном бараке за колючей проволокой.

Не заснуть им до утра! Проснулся и спящий на третьем этаже нар Сергей Петроченко. Свесил голову, прислушался к шепоту Куницкого, сказал тихо, но с силой:

— Братцы! Долго ли еще мы будем тыкаться в темноте? Не знать, не ведать, что делается на фронтах, дома... Нельзя так больше. Надо что-то придумать!

В город они всегда выходили втроем: Михаил Андреевич, Сергей и Петя. Ходить по Берлину «цивильгефангенэ» могли только с нагрудным знаком. Синий лоскут с тремя буквами: «ost». Чтобы все знали: идут «рабочие востока». Но три наших москвича, отойдя за несколько улиц от лагеря, прятали свой «ost» в карман и сливались с толпой. Куницкий знал немецкий язык, довольно свободно разговаривал, да и у Сергея с Петей постепенно увеличивался запас слов. Друзья купили план города, и с каждым разом все дальше и дальше удалялись от района Вайсензее, где находился лагерь. Они заходили в магазины, заглядывали и в Ботанический сад. Старались быть там, где больше людей. Прислушивались к разговорам, пытаясь уловить хоть словечко правды о событиях на фронте. Иногда они с этой целью расходились поодиночке и потом встречались, чтобы вместе возвратиться в лагерь. Однажды Сергей задержался. Михаил Андреевич с Петей начали уже не на шутку тревожиться: оставались считанные минуты. Сергей пришел, вернее, прибежал, радостно возбужденный.

— Ну, братцы, и встреча же у меня была! — рассказывал по дороге Сергей.— Я уже к Вайсензее подходил. Вижу: впереди пожилая женщина тащит две сумки с продуктами, и, видать, тяжелые. Остановилась, платком обмахивается. Поравнялся я с ней. «Фрау, — говорю, — разрешите подсобить». По-русски сказал. И тут же спохватившись, хотел по-немецки. А она уже по-русски: «Буду вам весьма признательна». Подхватил я обе кошелки, несу. А живет она тут недалеко, в Мальхове. Подходим к ее домику, приглашает. Отказываюсь, знаю, что будете ждать, волноваться. Слышать не хочет. «Вы,— говорит,— так мне помогли, и очень обидите, если не захотите выпить чашку кофе». Пришлось зайти. Познакомился с мужем, ребят дома не было. «Откуда,— спрашиваю,— фрау, вы так хорошо знаете русский?» Она немка, но родилась в России. А в ту войну повстречалась с немцем-военнопленным. Вышла замуж, уехала в Германию. Это она рассказала, пока мы кофе пили. «Я бы вам,— говорит,— самоварчик развела, вон он стоит, тульский. Да жаль, спешите вы. Выбирайте время, заходите подольше посидеть. Будем рады вам». Тут я и решился сказать про себя, что из лагеря. «А я,— говорит,— догадалась, что вы не из белых эмигрантов... Приходите. И товарищей прихватывайте.— Помолчала чуток, добавила: — Может быть, наша семья окажется вам полезной». Не знаю, на что уж она намекала... Зайдем как-нибудь, братцы, а?

Зашли в первое же воскресенье. Застали дома всю семью Зееланд, всех шестерых. Но девочки скоро убежали куда-то. Сыновья остались. У них были русские имена: Андрей и Борис. Андрей, старший, лет двадцати, был, как и отец, слесарь; Борис, Петин ровесник, учился на шофера... Луиза Христофоровна — она просила так называть себя — поставила, как и обещала, самовар. Пили чай с ореховым вареньем, с китайскими яблочками, с песочным, таявшим во рту, печеньем, и казалось, нет лагеря в Вайсензее, нет клейма «ost». Сидят старые, добрые друзья, толкуют о том, о сем. Сергей беседует с хозяйкой, Михаил Андреевич — с главой семьи. А Петя, Борис и Андрей возятся с приемником, ловят веселую музыку. Сергей тоже поглядывает на приемник. Хозяйка, заметив это, кивнула неприметно мужу. Тот подошел к сыновьям, шепнул что-то Борису, Андрею. Борис встал к окну. Андрей круто повернул рычажок приемника, еще повернул, еще, и комнату, прорываясь сквозь сумятицу звуков, начал заполнять спокойный, сочный — на грудной, басовитой ноте — голос московского диктора. Андрей резко убавил громкость, но убрал и помехи, и все, что говорила сейчас Москва, хорошо было слышно в Берлине...

Вот на что намекала Сергею Луиза Христофоровна. Слушать Москву! Еще вчера они могли только мечтать об этом. А с этого воскресенья они будут регулярно слушать сводки Совинформбюро, приказы Верховного Главнокомандующего, обзоры московских газет... Семья Зееланд шла на величайший подвиг ради трех русских. У гестапо за слушание советского радио была одна кара: голову долой. И не в переносном, а в прямом смысле: отрубали голову. Уже несколько таких приговоров было напечатано в газетах. И Зееланды знали, что̀ их ожидает, если они попадутся.

В эти же дни Михаил Андреевич забрел как-то в православную церквушку на западной окраине Берлина. Будучи атеистом, он интересовался не молебном, а людьми, которые собирались здесь. Были это, главным образом, эмигранты, но встречались и «гражданские пленные» из разных лагерей. После богослужения прихожане долго не расходились из садика, примыкавшего к церкви. Сидели на скамейках, беседовали. Присевший в сторонке Куницкий тоже разговорился со своим соседом по скамье. Тот назвал себя: Андрей Федорович Лесков, церковный сторож. Позже, близко сойдясь с Лесковым, Михаил Андреевич многое узнал о нем. Но и сейчас, при первой же встрече, видно было, что не в сторожа готовил себя когда-то этот человек. Он был образован, начитан, в нем чувствовалась настоящая культура. Жил он с женой тут же, при церкви. Михаил Андреевич стал бывать у Лесковых.

Сказать бы в пору гражданской войны красному командиру Куницкому, что он будет дружить с «беляком»... Да, в те годы они сражались с Лесковым по разные стороны баррикады, были врагами. Теперь перед Михаилом Андреевичем был человек, который совершил в молодости страшную ошибку и который, искупая ее, закончит свой жизненный путь, как герой-антифашист, в гестаповском застенке... Лесков всегда был прекрасно осведомлен о событиях на фронте. Он слушал московское радио и на карте, которую хранил у себя в комнате, отмечал красными флажками продвижение советских, или, как он говорил, «наших», войск. Кроме радио, у него имелся еще один достоверный источник информации, о котором он не сразу решился сказать Михаилу Андреевичу. Но все-таки сказал. И познакомил Куницкого со своим другом, тоже эмигрантом, работавшим сортировщиком на складе геббельсовского министерства пропаганды. Там хранились газеты разных стран, и в самом секретном отделении лежали советские издания: «Правда», «Известия»... Друг Лескова имел доступ к этим газетам, читал их и рассказывал о прочитанном Андрею Федоровичу. При встрече с этим человеком Куницкий глядел на него и думал: «Счастливый! Каждый день держит в руках «Правду». И у Михаила Андреевича вырвалось невольно:

— Хоть бы одним глазком взглянуть на нашу «Правду»!

— Что ж,— сказал друг Лескова,— может быть, это и удастся сделать... Где бы мы могли встретиться? Ваш лагерь в Вайсензее? Озеро от вас недалеко? Ну так давайте у озера. В том месте, где к нему подходит железнодорожная насыпь. В лесочке... Завтра вечером, в семь.

— Я могу придти с двумя моими товарищами?

— Если люди верные, приводите...

И вот они в лесу около озера — Михаил Андреевич, Сергей и Петя. Друг Лескова был точен. Ровно в семь он ждал их в условленном месте. Под мышкой — папочка, в каких подшивают бумаги. Трое наших друзей глаз не сводят с этой папки. Там «Правда». Вот она вынута, положена на пень, развернута. Можно прикоснуться к ней, ощутить, как шуршит под ладонью газетный лист, можно вдохнуть в себя еще не выветрившийся запах типографской краски. И все же не верится, что перед тобой настоящая «Правда», которую ты два года не видел... Михаил Андреевич нагибается и читает шепотом:

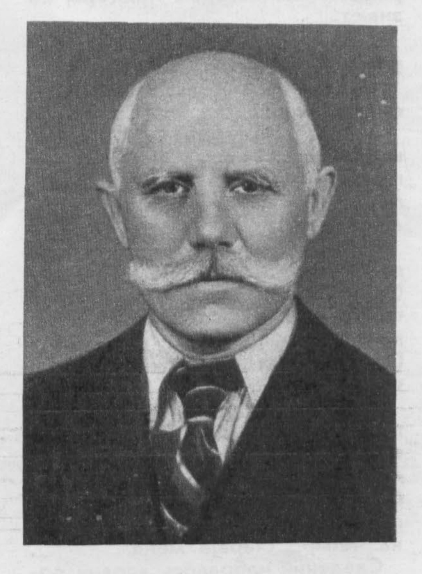
— «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!.. Орган ЦК и МК ВКП(б)... № 211(9347)... Вторник, 24 августа 1943 года».

Всего лишь две недели назад вышел этот номер в Москве! На первой странице приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении нашими войсками Харькова. Почти весь номер посвящен этому событию. Но всего не прочтешь: скоро начнет темнеть да и нельзя задерживать человека, принесшего газету... Читают заголовки статей, заметок, рассматривают фотографии. Вот Москва, салютующая доблестным войскам: в ночное небо взлетают ракеты. Наши друзья слышали по радио о московских салютах, но впервые видят, как это происходит. И потому снова и снова вглядываются в снимок.

— Гляди, гляди! — чуть не кричит Сергей, увидевший еще одну фотографию: автоматчики в предместье Харькова.

Дрогнуло сердце пехотинца Петроченко. Может, и он бежал бы сейчас вот так, прижав к груди автомат, преследуя отступающего врага...

А Михаил Андреевич прочел: «Кондрово (Смоленская область)»,— и глаза заволокло туманом. Что там, на его родной Смоленщине? Колхозники горячо одобряют постановление партии и правительства. О чем оно?

М. А. Куницкий. Снимок сделан в Берлине в конце 1942 года.

«О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

— Освобожденных от немецкой оккупации! — торжественно повторяет Куницкий.

Петя шепотом, чуть слышно, декламирует маленький стишок Демьяна Бедного:

События идут закономерным
ходом.
Враг тщетно силится —
зарвавшийся игрок! —
Замедлить, отдалить расплаты
близкий срок.
Перед фашистским подлым
сбродом
Встает неотвратимый рок.

— Тише ты,— одергивает его Сергей.— Ты же не на вечере художественной самодеятельности...— И тут же сам читает вслух заголовок тассовского сообщения: — «В Узбекистане началась уборка сахарной свеклы».

— Товарищи,— говорит Петя,— в Москву вернулся из Куйбышева коллектив Большого театра...

...— Спасибо вам, товарищ! — сказал Михаил Андреевич другу Лескова, возвращая ему газету.

1957 год. В семье Крюгеров. Второй слева — Курт Крюгер, четвертая слева — Мария Крюгер. Фото автора.

III

Теперь они не тыкались больше в потемках. С помощью Зееландов, Лескова они пробились к правде. Ее приносило им московское радио: советские войска наступают по всему фронту... И они делились этой правдой с товарищами по лагерю. Живительной влагой была она для людей, оторванных от родной земли. Даже всегда печальный учитель из Ярцева стал веселее глядеть на мир...

От лагеря в Вайсензее добрые вести расходились и по другим лагерям. «Цивильгефангенэ», жившие в разных лагерях, имели право навещать друг друга. Правда, каждый раз требовалось особое разрешение, нужен был пропуск. Но все же была возможность общаться между собой. Пользуясь этой возможностью, Михаил Андреевич и Сергей налаживали связи. И постепенно вокруг них сгруппировались верные, храбрые люди, которые, понимая, что грозит им, и не произнося громких клятв, деловито договорились вместе бороться. Таких людей становилось все больше и больше. И из них выделилась боевая оперативная «семерка», все коммунисты.

Это был, по существу, подпольный партийный комитет, во главе которого стоял Михаил Андреевич Куницкий. Входил в «семерку» и Сергей Петроченко. Они собирались в Вайсензее, в том самом лесу, где трое наших москвичей читали «Правду». Решения «семерки» были обязательны для ячеек, образовавшихся в лагерях. Одним из таких решений был смертный приговор провокатору, выдавшему трех красноармейцев, которые бежали из плена и жили как «цивильгефангенэ» в лагере близ Трептов-парка.

В центре города, на станции метро, произошел странный случай, описанный в газетах. К платформе подошел поезд. Был час пик, и у дверей заднего вагона образовалась толчея, пробка: столкнулись два потока — те, кто входил, и те, кто выходил. И вдруг в тот самый момент, когда двери вагона начали сдвигаться, в толпе вышедших раздался душераздирающий крик. Люди расступились. На платформе лежал человек. В спину ему был вогнан по самую рукоятку длинный альпийский нож... Газеты писали, что убитый оказался русским, а убийца не обнаружен.

Так был приведен в исполнение приговор, вынесенный «семеркой».

В лагеря, где не было еще ячеек, «семерка» рассылала агитаторов, которые несли туда свежие московские вести. Среди агитаторов был и Петя Гусев. Он навещал женский лагерь при ткацкой фабрике. У него имелся туда пропуск, как у «жениха» одной из работниц. Ее звали Шура. Она попала в Берлин из Ростова вместе со своей младшей сестренкой Надей, Петиной ровесницей. И если уж идти на откровенность, то сердце Пети Гусева принадлежало младшей сестре, а не старшей, с которой у него были чисто деловые отношения. Он передавал ей информацию о событиях на фронте, которой та делилась затем с подругами.

Этот лагерь размещался сначала на фабричной территории. Но потом англичане спалили его зажигательными бомбами, и женщины были переведены в подвал разрушенного дома близ Александер-плац. Вот туда и направился однажды Петя с очередной информацией. Обычно он все держал в голове. Но на этот раз было много цифр, так как речь шла о трофеях наших войск в боях на Украине. Бумажка с этими цифрами лежала у Пети в кармане. И еще там лежал новенький парабеллум, подарок Бориса Зееланда...

Петя передал Шуре бумажку и собирался уже было перекинуться парой словечек с Надей, как мимо пробежала какая-то девушка, шепнув: «Облава!». Петя выскочил в коридор, потом на темную лестницу, которая — он знал — вела во двор, и тут увидел стоящего у самой двери человека в штатском. «Хальт!» — сказал этот человек и осветил Петю фонарем. У Пети была секунда на размышление. Да, пожалуй, и секунды не было. «Сцапает с пушкой в кармане, кончилась твоя жизнь, Петя!» — успел он подумать и, выхватив парабеллум, выстрелил. Человек уронил фонарь и начал падать лицом вперед... Петя выбежал во двор. Там было совсем темно. Он знал, что вокруг на три или четыре квартала тянутся развалины разбомбленных домов. Можно заблудиться. Но и найти его тут ночью нелегко. Он карабкался по грудам кирпича, перелезал через рухнувшие балки, стараясь не исцарапаться, не изорвать одежды, чтобы не возбудить подозрения, когда вернется в лагерь.

Надо было вылезть отсюда, пока гестаповцы не оцепили еще этот район и не натравили собак. Выбравшись в темноте из катакомб и пробродив по пустынным улицам, Петя был уже на месте, когда в лагере начиналась перекличка...

«Семерка» действовала. По ее решению был проведен ряд диверсий.

Взлетел на воздух котел в кочегарке патронного завода в Тегеле, в предместье Берлина.

Серьезная неприятность была причинена Эрвину Ауэрту. Огромную партию деталей для понтонных мостов, отгруженных с его завода, военное ведомство полностью забраковало. Сварка оказалась непрочной. «По таким мостам, господин Ауэрт,— сказали ему,— могут ходить только куры, а не солдаты. Кажется, вы решили поколебать уверенность фюрера в вашей преданности ему...» Это был намек на то, что им, Ауэртом, может заинтересоваться гестапо. Напуганный угрозой, разгневанный шеф пересажал всех сварщиков — а они были русские — в «бункеры». Но это отнюдь не улучшило качества сварки...

А ребята из лагеря в Шпандау, работавшие на минном заводе, превзошли сварщиков Ауэрта. Многие мины, выходившие здесь из-под рук сборщиков, обладали всеми качествами, которыми должны обладать мины, кроме одного: они не взрывались. И если бы вы вскрыли такую мину, то нашли бы внутри записку, адресованную советским солдатам: «Чем можем — поможем». В этом лагере была особенно крепкая ячейка.

«Семерка» давно уже искала пути, чтобы связаться с немецким антифашистским подпольем. А что такое существует, видно было хотя бы по листовкам, которые появлялись иногда на стенах домов, в трамвае, в метро. Они призывали бороться с фашизмом, с Гитлером, рассказывали о победах советских войск. Обычно под ними стояла такая подпись: «Коммунистическая партия Германии». Но ведь кто-то писал их, эти листовки, кто-то печатал, кто-то, презирая смерть, бесстрашно выносил в город... Вот бы найти этих людей, объединить с ними свои усилия! Но это долго не удавалось сделать. И семья Зееланд тоже ничем не могла тут помочь: Луиза Христофоровна, ее муж, ее сыновья не были связаны с подпольем и, настраивая свой приемник на московскую волну, действовали на собственный риск и страх...

У себя на заводе Куницкий приглядывался к бригадиру слесарей, которого звали Эрих. Тот был очень осторожен, но по каким-то неуловимым признакам Михаил Андреевич угадывал в нем подпольщика. Куницкому казалось, что Эрих ищет сближения с ним, но пока не решается, а первому сделать такой шаг Михаилу Андреевичу не хотелось: он боялся отпугнуть от себя этого человека. Они так и не сблизились. Помешал внезапный арест Эриха: гестапо забрало его прямо на заводе. Значит, не ошибся Куницкий: Эрих был антифашист. Жаль, что они не успели подружиться...

И все-таки неутомимый, упрямый Сергей Петроченко напал на нужный след. Он дружил с Андреем Черняевым из лагеря при авторемонтном заводе. На том заводе фордовские машины переводили с бензина на газовое топливо: припирало фашистов с горючим!.. Вот этот Андрей и рассказал как-то Сергею, что есть у них в цехе молодой немец — механик, Куртом зовут. Между прочим, любитель бокса. И что, судя по некоторым признакам, отец этого Курта — видный деятель немецкого подполья. Курт все намеками говорит, почву прощупывает, и изо всех его намеков вытекает, что немецкие антифашисты тоже ищут путей к русским,

хотят с ними сблизиться. Услышав все это, Сергей прямо-таки мертвой хваткой вцепился в дружка.

— Спроси,— говорит,— Андрей, своего Курта, не желает ли его батька повстречаться с одним очень полезным для них человеком.

Андрей спросил. Курт, посоветовавшись с отцом, ответил, что такая встреча желательна.

И вот Андрей Черняев ведет Куницкого к Крюгерам. Они живут в районе Шонеберг, в западной части Берлина. Занимают маленькую квартирку на первом этаже трехэтажного дома; из их окон видна почти вся улица. Глава семьи Вилли — суровый, неулыбчивый человек, предпочитающий больше слушать, чем говорить. Он механик по лифтам. В молодости — моряк дальнего плавания, не раз бывал в русских портах. Мария, его жена, крошечная, тоненькая, успевает и чаем гостя напоить, и несколько раз на улицу и во двор сбегать (она консьержка, смотрительница дома), и в разговоре принять участие. А разговор сдержанный, осторожный, лишь приближающийся к главной теме, которая волнует собеседников, а не затрагивающий ее. Но, кажется, Куницкий понравился Крюгерам: Вилли просит Михаила Андреевича зайти еще раз. Будут еще два товарища.

— Вы меня извините,— говорит Вилли, и чуть приметная улыбка приятно освещает его суровое лицо,— у вас такая красивая борода. Но она вас выделяет. Может быть...

— Да, да,— кивает Куницкий.— Я понимаю. Бороды не будет.

И в тот же вечер Петя Гусев, ожесточенно работая ножницами, выстригает густую, патриаршью бороду Михаила Андреевича. Седые клочья летят на пол, но их совсем не жалко...

Снова идет Куницкий на квартиру к Крюгерам. Вилли знакомит его с двумя своими товарищами. Они такие же суровые, сдержанные, как и сам Вилли. Но разговор сегодня совсем другой: откровенный, деловой, доверительный. А доверяется здесь жизнь каждого из них, ведущих этот разговор, и жизнь многих людей, которые стоят за ними и которые, несмотря на страшную опасность, решили сопротивляться черной силе нацизма...

Первое, что нужно сейчас русским от немецких товарищей,— документы! У «семерки» это была самая трудная и, можно сказать, невыполнимая забота. Бегут из концлагерей наши люди. Надо их спасать. Надо их беглых военнопленных превращать в «цивильгефангенэ». Надо устроить на работу. А для этого — документ! Или, как говорят немцы, «папир».

— Попробуем! — сказал Вилли.

Где уж они брали бланки, кто им ставил печать, кто подписывал — это осталось тайной. Но они добывали любые «папиры»!

Так был спасен летчик-разведчик, совершивший вынужденную посадку близ Берлина. Бредя по лесу, он наткнулся на людей с синими нагрудными знаками «ost». Это были украинские хлопцы, работавшие у немца-мельника. Они достали летчику гражданскую одежду. У одного из них был знакомый в Берлине, тоже «цивильгефангенэ», живший в лагере при авторемонтном заводе,— Андрей Черняев. Летчика привезли в Берлин, и Курт, друг Андрея, привел летчика к себе домой. Знаете, где скрывали Крюгеры этого летчика? В доме жил крупный нацистский чиновник, холостяк. Он уехал на месяц в Италию, оставив ключи от квартиры смотрительнице дома Марии Крюгер. Вот в этой квартире и скрывался советский летчик, пока ему не вручили соответствующий «документ» из распределительного пункта...

Все крепче становилось содружество немецких и русских борцов Сопротивления. Оно стало таким крепким, что появилась возможность подготовить и провести диверсию, о которой долго говорили потом в Берлине и окрест его.

Мысль об этой диверсии возникла у немецких товарищей. У них были связи с железной дорогой. Они знали, что за последние месяцы увеличился поток эшелонов с войсками и боеприпасами, перегоняемых с запада на восток.

Под Берлином есть большая узловая станция Эркнер, уже знакомая нам. Помните, там находился центральный распределительный пункт «гражданских пленных», где побывал и Михаил Андреевич...

Теперь ему снова предстояло побывать в Эркнере, потому что перегон между станцией Эркнер и соседней станцией был избран местом диверсии: на таком оживленном, открытом участке меньше всего можно было ожидать взрыва мины. Вместе с Вилли Михаил Андреевич проехал по этому перегону на пассажирском поезде, и оба пришли к выводу, что лучше места не найдешь. Участок настолько на виду, что не выставлена даже специальная военизированная охрана. И, конечно, хорошо, что высокая насыпь...

Мину добыли ребята из лагеря в Шпандау. Их ячейка опять оказалась на высоте. Вокруг завода колючая проволока, через каждые сто метров сторожевые будки, собаки так и рвутся на цепи, а мина оказалась все же за воротами. Поставить ее под рельс должен был выделенный ячейкой минер, с которым у Михаила Андреевича была назначена встреча в Трептов-парке.

Вот получен сигнал от Вилли, назначен час, и Куницкий идет на свидание с минером, прихватив с собой Петю Гусева. У Пети в кармане парабеллум, уже сослуживший ему раз верную службу.

Минер сидит на скамеечке в ленивой, небрежной позе и потягивает сигарету. На коленях у него черный лакированный чемодан с желтой каемкой. Увидев Куницкого, медленно, как бы нехотя, поднялся и пошел вразвалочку вслед за Михаилом Андреевичем, держась шагах в пятидесяти от него. А позади минера на таком же расстоянии Петя Гусев с парабеллумом в кармане. Сели на автобус, потом на трамвай, потом на метро, с метро, не выходя наружу, пересели на городскую железную дорогу и прибыли, держась все время в отдалении друг от друга, на станцию Эркнер. Сошли и направились вдоль полотна.

Минер идет, посвистывая, чуть потряхивая чемоданчиком, словно там булка, а не мина... Вот насыпь уходит в лес. Петя остается здесь, присаживается в траву и, подражая минеру, его невозмутимости, подергивает травку и жует ее. Михаил Андреевич прошел с минером дальше и тоже остановился — как раз у поворота насыпи. И вот уже деревья скрыли минера от глаз Куницкого. Не видно этого веселого, разбитного русского парня, который идет взрывать поезд, военный эшелон так, словно это для него преобычнейшее и даже уже наскучившее дело... Вон он, пожалуйста, возвращается и еще смелее размахивает чемоданом, потому что он теперь легонький, пустой, этот чемоданчик.

Возвращаются в город. Так было условлено: не ждать взрыва, не рисковать. А взрыв был! Эшелон покатился в тартарары. Газеты назвали это «железнодорожной катастрофой».

Минера Михаил Андреевич больше никогда не видел. Где он, этот смельчак? Может быть, откликнется, прочитав эти строки о себе?

У Крюгеров Куницкий теперь не бывал. Андрей Черняев сообщил, что арестован Курт, арестована Мария, а Вилли удалось уйти от засады, и где он скрывается, неизвестно...

Последние дни войны. Советские солдаты стучатся в ворота Берлина. Авиация день и ночь бомбит город. Пожарных не хватает, и «гражданских пленных» гоняют тушить огонь. А они рады этому огню. Этому огню, который предвещает им скорое освобождение. Их гонят рыть окопы на самую восточную окраину Берлина, но им уже не страшны стражники, которые угрожают автоматами, а сами так и норовят бежать, бежать отсюда без оглядки. Русских гонят обратно в лагерь, потому что все равно от них никакого толка, и по дороге в Вайсензее Куницкий, Сергей и Петя Гусев «сворачивают» чуть в сторонку и оказываются в доме Зееландов. Здесь, в доме своих друзей, они и дождались прихода советских солдат. Михаил Андреевич попадает, как пожилой человек, в запасной полк, а Сергей с Петей уходят в бой...

Через два года после войны кто-то постучал в дверь к Куницким. Михаил Андреевич кричит:

— Входите!

И входит молоденький стройный солдат. Застывает на пороге по стойке «смирно». На гимнастерке — орден Красной Звезды. Петя Гусев! Семь последних дней войны он провел в боях на улицах Берлина, брал рейхстаг, за что и награжден.

...Вот и закончен трудный, долгий рассказ. Задумавшись, чуть грустные, сидят передо мной учитель Куницкий и электрик Гусев.

— Михаил Андреевич,— спрашиваю,— а что с Сергеем Петроченко?

— Не подает о себе весточки. Искали через адресный стол — не нашли. Вот напишите, может, отзовется...

Из письма семьи Крюгер, присланного М. А. Куницкому:

«Милый друг! Мы очень обрадовались твоему письму и сердечно благодарим тебя за него. Все эти годы мы часто говорили про тебя и твоих товарищей и спрашивали себя, услышим ли мы когда-нибудь о тебе. Поэтому радость наша велика.

Мы сравнительно здоровы. Вилли и Курт работают... Курт женат, у него трое мальчишек. Я, Мария,— домашняя хозяйка и забочусь много о внуках. Конечно, мы ведем общественную работу и желаем, чтобы снова возродилась объединенная Германия...

Все лето и до поздней осени мы пробыли на нашей маленькой даче. Она находится около станции Эркнер. Эти места должны быть тебе знакомы.

Я, Мария, хочу приехать в Москву и в Ленинград.

Радуюсь заранее встрече с тобой.

Сердечный привет тебе и твоим друзьям.

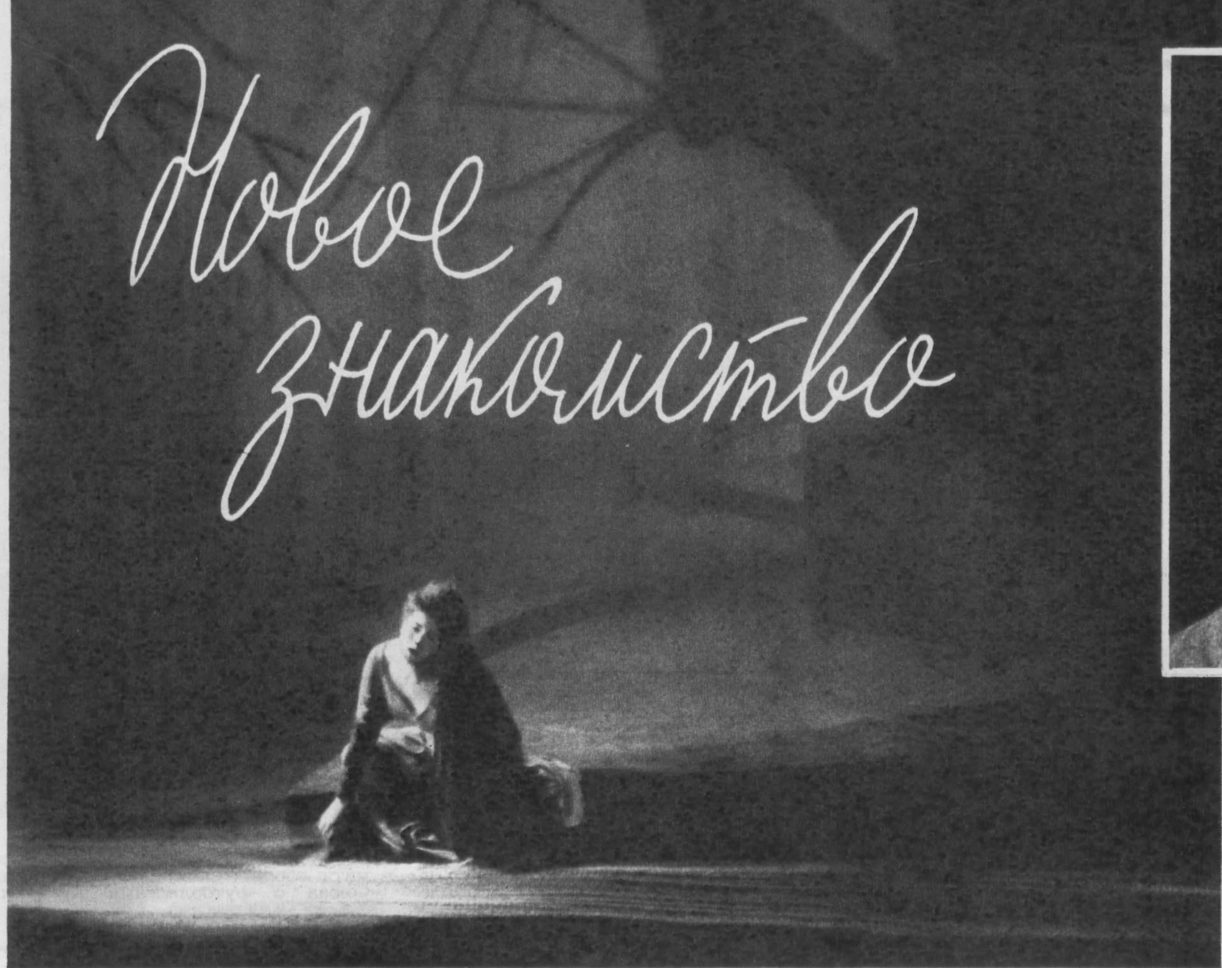
Товарищи твои и прежние борцы: Вилли, Мария и Курт».

Желание Марии Крюгер сбылось. В праздничные майские дни она побывала в Москве и встретилась с Михаилом Андреевичем.

Москва, май 1958 года. П. Гусев, М. Крюгер и М. Куницкий.
Фото Г. Санько.

Новое знакомство

Сцена из спектакля «Крысолов». Агнес — М. Кучиркова

Народный художник Э. Ф. Буриан.

И. САЙДЛЕР,
чехословацкий журналист

В Москве начались гастроли чехословацкого драматического театра «Д-34». «Что за странное название?» — с удивлением спросит советский зритель. Чтобы объяснить это, надо вернуться назад, к истории этого театра.

Шел 1933 год. Чехословацкий поэт, композитор и актер Э. Ф. Буриан собрал вокруг себя людей, которым претила атмосфера буржуазных театров. В манифесте, изданном новым театром в начале его первого сезона, было заявлено: «Д-34» будет говорить со сцены о современной жизни». Буква «Д» (начальная буква слова «divadlo», что по-чешски означает «театр») в сопровождении цифры «34» должна была показать, что театр хочет как бы «предвосхитить время»: созданный в 1933-м, он напоминает о следующем, 1934 годе. По замыслу Буриана, цифра в названии с каждым годом должна была меняться.

И в годы гитлеровской оккупации театр не изменил своей программе. В последней своей постановке этого периода — балете «Сказка о танце» — «Д-34» показал счастливую жизнь людей в социалистическом обществе и рядом — мрачное царство деспотической королевы, символизирующее собой фашистское засилье. Оккупанты тогда закрыли театр, артистов разогнали, а Э. Ф. Буриана посадили в концлагерь.

Теперешний театр, снова руководимый Э. Ф. Бурианом, вернулся к названию театра периода своего первого сезона — «Д-34». Поездка в СССР — первая послевоенная зарубежная гастроль театра.

Зрители Москвы, Ленинграда и Киева, где будет выступать театр «Д-34», увидят инсценировку романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Образ Швейка в постановке «Д-34» задуман как олицетворение характера простого чешского человека в сложной обстановке первой мировой войны. В пьесе классика XIX столетия В. К. Клицперы «Каждому по заслугам» высмеивается «патриотизм» людей мелкобуржуазного общества, которые ради личной карьеры готовы на все, хотя и прикрываются громкой фразой.

Зрители увидят также комическую оперу «На ярмарке», созданную по мотивам чешской народной «Комедии о Франтишке, дочери короля английского, и Гонзичеке, сыне купца лондонского». В пьесе оживают увлекательные ярмарочные аттракционы с присущим им народным юмором, который характерен и для зарождения и для первых лет существования чешского театрального искусства. Великолепным свидетельством этого является, кстати, известная пьеса нашего классика Тыла «Волынщик из Стракониц», вошедшая в репертуар советских театров.

Мы убеждены, что советским зрителям понравится и «Опера нищих», по Б. Брехту. Коллектив «Д-34», увлеченный ее своеобразным сюжетом, обращался к «Опере нищих» четыре раза и в каждую свою новую постановку стремился внести дух современности.

В гастрольном репертуаре «Д-34» есть еще аллегорическая пьеса В. Дыка «Крысолов». Это своеобразный пересказ древненемецкой легенды о крысолове, обиженном хозяевами города Гаммельна. Чудесный мастер мстит скупым бюргерам тем, что звуками своей волшебной свирели увлекает на этот раз не крыс, а жителей города, чтобы погубить их. Только один простой рыбак, услышавший плач ребенка, оказывается в состоянии остановиться у края пропасти и спасти затем своих земляков.

Гастроли «Д-34» в СССР, радостное событие в жизни театра, встречены его коллективом с большим волнением и энтузиазмом.

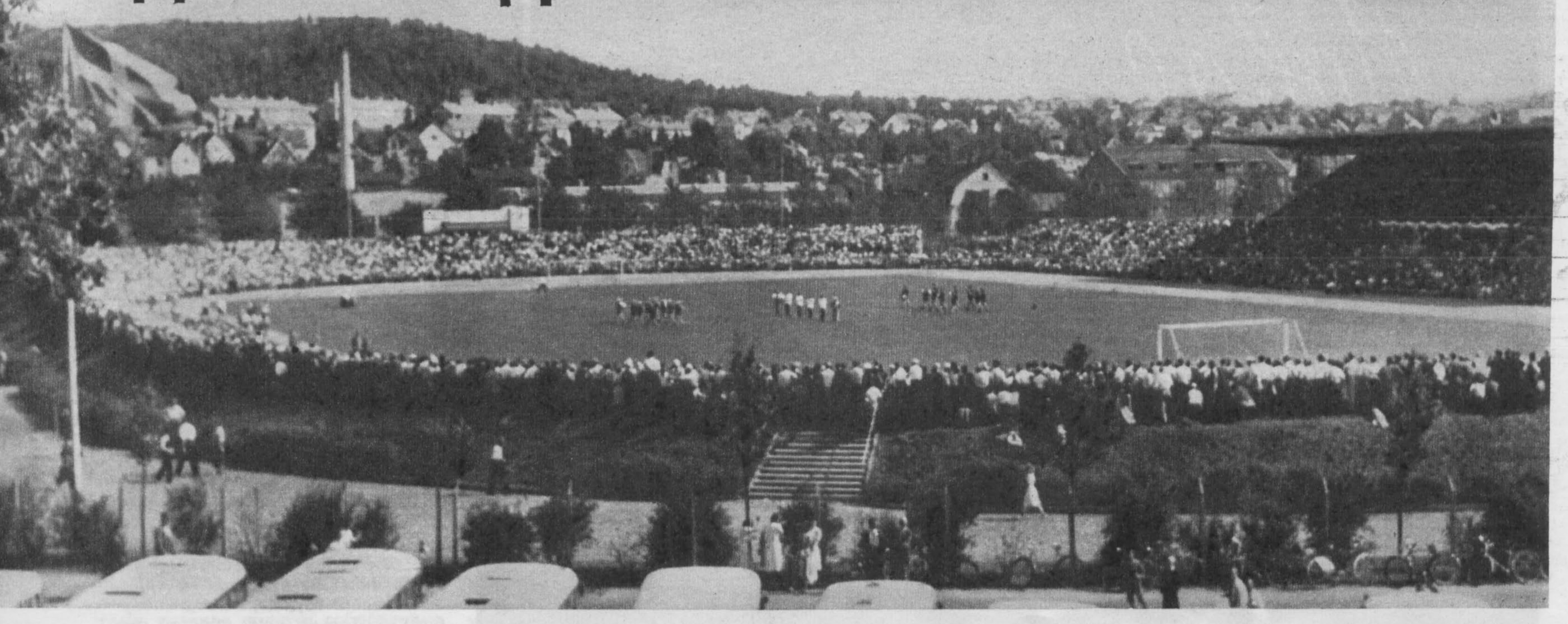

Сцена из спектакля «Опера нищих». Пичем — К. Линц, госпожа Пичем — З. Кочова, Ярка — Ст. Фишер.

Сцена из спектакля «Швейк». Иозеф Швейк — Фр. Голар, Паливец — К. Линц, Брейтшнейдер — Ф. Крута.

ЗДЕСЬ БУДЕТ БОЛЬШОЙ ФУТБОЛ

Стадион в Буросе, где состоится матч сборной команды Советского Союза с футболистами Австрии.

Иван ГОРЕЛОВ

Маршрут нашей поездки начертала та, может быть, счастливая рука, что в субботний вечер 8 февраля на жеребьевке в Стокгольмском цирке извлекла из серебряной вазы маленький оранжевый мячик с запиской: «Гетеборг».

Мы сидели тогда у самой сцены, узорно расцвеченной красками национальных флажков. Шла любимая программа шведских телезрителей — концерт «Стура фамнен» — «Большое объятие». И в паузах между веселыми номерами проводилась футбольная жеребьевка.

И вот к концу эстрадного представления определилось: в четвертой группе будут соревноваться команды Австрии, Англии, Бразилии и Советского Союза. Место игр — Гетеборг и окрестные города. А вскоре корреспондентам было объявлено, что советская команда 8 июня встретится в Гетеборге со сборной Англии, 11 июня в Буросе — со сборной Австрии и 15 июня в Гетеборге — со сборной Бразилии.

...Все это припомнилось в ранний предрассветный час в вагоне электроэкспресса, который неудержимо мчался к Гетеборгу по каменистому гулкому грунту. Он с разлету, будто челнок, проворно нырял в черные тоннели, стремительно вырывался наружу и грохотал неумолчно, как пробившийся сквозь скалы поток.

А вокруг, в синем, нависающем над горными лесами мареве, явственно вызревала весна. На скалах маячили умытые первыми дождями сосны, в расщелинах и долинах красовались березки — стройные, чистенькие, с печально свисающими долу ветвями...

И вот уже дачные и туристские предместья трудового и торгового Гетеборга.

Мы остановились в Хиндосе, у горного озера Вестра Нюшен, в 30 километрах восточнее Гетеборга. Здесь, в туристском отеле «Идроттсгорден», будет размещена советская футбольная команда на все время соревнований. Практически это очень удобно: Хиндос лежит почти на одинаковом расстоянии от Гетеборга и от Буроса, где будут проводиться матчи. К тому же рядом с отелем — прекрасная тренировочная площадка, великолепное озеро, отменный горный воздух.

Окружающая природа — бронзовые стволы сосен, вековые угрюмые ели, веселые березки в белых ситцевых платьицах — напоминает дачное Подмосковье... Так и кажется, что где-то поблизости лежит наш Звенигород и чуть слышно перешептываются прозрачно-зеленые волны Москвы-реки...

Отель принадлежит гетеборгскому спортивному союзу. Обычно он функционирует круглый год. Зимой туристы совершают лыжные переходы через скалистые возвышенности, а летом катаются в лодках на озерах, соединенных множеством речушек и каналов.

Директор отеля мистер Оке Стернер любезно приглашает нас осмотреть свое хозяйство. У края поляны на возвышенности стоят два корпуса. По обильному запаху масляной краски и свежей сосновой стружки нетрудно догадаться, что в отеле идет ремонт. Оке Стернер радушным жестом хозяина пропускает нас вперед и поясняет не без юмора:

— Нам вдвойне повезло. Во-первых, мы принимаем одну из сильнейших соперниц в предстоящих соревнованиях, а во-вторых, гетеборгский спортивный союз не поскупился и отпустил на ремонт порядочную сумму денег...

В отеле — 25 комнат для футболистов. Все они сейчас переоборудуются: там, где было четыре кровати, останется две, а где две, останется одна.

— Мы хотим, чтобы наши русские гости получили полный покой... Я имею в виду их организм и самочувствие, а не самоуспокоенность перед матчем,— улыбаясь, поясняет мистер Стернер.

Подновляется мебель, расширяется зал с настольным теннисом, переоборудуются душевые и ванные комнаты... Сооружается даже нечто вроде русской бани — с парным отделением.

— Мы хотим создать самые нормальные условия для ваших спортсменов... Давайте посмотрим тренировочную площадку. Она меньше нормального поля: ее размер 42 на 80 метров. Но этого вполне достаточно для занятий. К тому же мы сооружаем передвижные ворота, так что у футболистов будет возможность постоянно менять площадку, уходить от встречного солнца. Футбольное поле будет вручено вашей команде, если так можно выразиться, в девственном состоянии: я даже вот этому малышу,— директор показывает на своего сына Стена,— не разрешаю гонять мяч на площадке, пусть играет за изгородью.

В Гетеборге нас радушно и откровенно принял исполняющий обязанности председателя Пресс-комитета соревнований известный спортивный обозреватель Гарри Лундаль.

— Вы можете не поверить, но я буквально горю предстоящими футбольными соревнованиями... Во мне ведь издавна бьется сердце футболиста... С 1928 по 1933 год я в составе сборной команды Швеции провел 14 международных встреч... Центр нападения... Имел предложение от английского «Арсенала»... Не поехал. Остался защищать спортивную честь родной страны... До 1942 года работал тренером, а теперь заведую отделом спорта в большой газете.

Он приятно взволнован, даже обрадован тем, что редакция «Огонька» хочет рассказать своим читателям о спортивном Гетеборге.

— Мы бы вполне могли разместить все команды в городе... Но ведь наш брат, журналисты, поминутно донимать будут. Да и туристы тоже.

Лундаль рассказывает о том, что на стадионах оборудуется специальная сигнализация, с помощью которой по разосланным кодам журналисты будут с небывалой оперативностью информированы о результатах всех спортивных встреч, происходивших в один и тот же час в разных городах Швеции. В этом отношении футболу пошло навстречу командование королевских воздушных сил, предоставившее в распоряжение спортивного Пресс-комитета свой телеграф.

— Я хочу вас порадовать такими цифрами, еще нигде и никем не опубликованными: на встречу команд Англии и СССР, которая состоится 8 июня в Гетеборге, в Пресскомитет поданы заявки на обязательное посещение от 309 иностранных корреспондентов и от 200 представителей шведской прессы и радио. На встречу команд Бразилии и Англии — 298 заявок от иностранных журналистов. На матч футболистов Бразилии и СССР — 326 корреспондентских заявок.

На один из полуфинальных матчей, который будет происходить в Гетеборге, подано 463 заявки.

Да, в этих цифрах, несомненно, сказывается большой интерес иностранной прессы к предстоящим встречам и, в частности, к игре сборной СССР.

Красив и зелен всемирно известный порт Гетеборг.

Старинные дома и узенькие опрятные улочки как бы дополняют современные архитектурные ансамбли кварталов «сити». Бульвары и парки сопровождают нас повсюду.

В дни большого футбола город будет украшен государственными флагами стран, команды которых участвуют в мировом чемпионате.

Уже сейчас не редкость встретить в городе изящные сувениры с маркой международных соревнований.

Марка эта запродана некоторым фирмам, производящим галстуки, стеклянные и фарфоровые сувениры, кошельки, флажки, косынки.

По зеленой, обсаженной липами улице Бухысгатан мы направляемся к строящемуся стадиону «Новый Уллеви».

«Новый Уллеви» выглядит и красиво и вполне современно. Сверху он похож на опрокинутое

блюдо с неровно вырезанным дном.

Бархатистый квадрат футбольного поля словно выглажен утюгом. Он засеян устойчивым щетинистым злаком.

Стадион строится специально для международных соревнований этого года. Строительство уже подходит к концу. Проектная вместимость стадиона — почти 52 тысячи мест.

— О, здесь будет больше,— дружески пожимая нам руки, говорит Гарри Лундаль.— Я же представляю себе, что такое «стур-футбол» (большой футбол)... И еще передайте своим русским коллегам, что все журналисты будут иметь право бесплатного проезда в гетеборгских трамваях и право посещения нашего лучшего бассейна «Валхалабодет».

...Лежащий в широкой долине Вискан городок Бурос напоминает зеленый дачный поселок. Здесь встретятся команды СССР и Австрии.

Стадион ровный, с открытыми трибунами, облегающими поле четырехугольной рамкой. Главная трибуна с крышей.

Жители уже давно знают о предстоящих соревнованиях и с гордостью готовят свой небольшой стадион (21 300 мест) к горячим июньским дням...

Посетили мы и модернизированный в этом году стадион в Сольне — в пригороде Стокгольма. Это — современное бетонное сооружение. Здесь 29 июня состоится финальный матч двух сильнейших команд мира. Раньше стадион вмещал около 38 тысяч зрителей, а сейчас южная и северная трибуны как бы растянуты кверху — над местами для стояния сооружены новые трибуны, позволившие увеличить число мест до 52 тысяч.

Стадион уже сейчас выглядит празднично.

Нам остается добавить, что билеты на все встречи сборной команды СССР, как и на многие другие матчи, полностью проданы еще в марте.

Сотни тысяч любителей футбола с нетерпением ждут большого футбольного лета с одной мыслью: кто же победит?..

Гетеборг.

Страничка прошлого

В Москве в футбол начали играть позже, чем в Одессе, куда эту игру завезли моряки с иностранных кораблей. О виртуозном мастерстве одесских футболистов ходили легенды.

В двадцатых числах ноября 1911 года одесские и московские футболисты встречались трижды: матчи состоялись в Одессе, на огороженной площадке Британско-атлетического клуба «ОБАК». В городе — на тумбах, в кафе Фанкони и Рабино — были развешаны широковещательные афиши.

Московская команда состояла из лучших игроков сильнейших клубов: Замоскворецкого клуба спорта («ЗКС»), Кружка футболистов в Сокольниках («КФС»), «Ново-Гиреева» и «Униона».

Первый матч мы играли со сборной командой Одессы. Это был несильный коллектив, который вел неправильную, «кучную» игру без использования своих краев. Москвичи в этом смысле играли более правильно. К тому же в их рядах был игрок с пушечным ударом — Л. Смирнов. С общим счетом 5 : 0 победили московские футболисты. На следующий день москвичи играли против англичан, находившихся в Одессе, и проиграли им со счетом 4 : 0.

Наконец состоялся и третий матч. Билеты были распроданы мгновенно.

Против нас на сей раз выступала команда, названная «Вся Одесса»,— сборная города. В нее входили и русские и английские игроки.

Москвичи выставили свой лучший боевой состав. С первых же минут их форварды бросились в атаку, которая продолжалась почти до перерыва.

После перерыва атаки москвичей возобновились. Первый гол в сетку «Всей Одессы» забивает Леонид Смирнов. Затем, через 10 минут, с подачи Варенцова я ударом головы забиваю второй гол. До конца соревнования остаются минуты. Одесская защита, хорошо игравшая весь матч, видимо, устала. Наконец, мы проводим и третий мяч в одесские ворота. 3 : 0 в пользу москвичей.

Так мы выиграли решающую встречу.

Б. МАНИН

Сборная команда Москвы. В первом ряду (сидят слева направо): М. Смирнов, А. Маккибин (оба «Унион»), А. Филиппов и М. Варенцов (оба «КФС») и Л. Смирнов («Унион»). Во втором ряду: Ф. Миндер и В. Фельгенгауэр (оба «Унион»), С. Филиппов («КФС»). Сзади стоят: Б. Манин и В. Миндер (оба «Унион»), судья А. Гердт, А. Савостьянов («КФС»), А. Мартынов («Ново-Гиреево»), Г. Эдж («ЗКС») и К. Бертрам (представитель Московской футбольной лиги).

Первые итоги

ОНИ ЗАБИЛИ НАИБОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО МЯЧЕЙ.

Анатолий Ильин («Спартак») забил 7 мячей.

Валентин Иванов («Торпедо») — 6 мячей,

Шота Яманидзе («Динамо» Тбилиси) — 6 мячей,

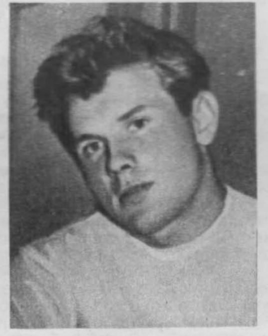
Герман Апухтин (ЦСК МО) — 5 мячей,

Виктор Ворошилов («Локомотив») — 5 мячей,

Никита Симонян («Спартак») — 5 мячей.

Эдуард Стрельцов («Торпедо») — 5 мячей.

Игры на первенство Советского Союза по футболу прерываются в связи с подготовкой сборной команды к шведскому чемпионату. Большинство клубов сыграло по 8 матчей. И хотя первый круг еще не закончен, все же цифры, вписанные в клетках турнирной таблицы, дают основание подвести предварительные итоги. Прежде всего следует отметить повышенную по сравнению с прошлым годом результативность. В 47 матчах, проведенных в этом году, было забито больше мячей, чем в прошлом сезоне во всех играх первого круга (66 матчей).

Весной 1957 года (первый круг) в среднем в каждом матче забивалось по 2,1 мяча, а в этом сезоне — больше трех мячей. Это — очень отрадное явление.

Результативность выросла главным образом за счет двух команд: «Спартака», забившего в среднем в каждом матче по 2,75 мяча, и «Торпедо» — по 2,62 мяча.

Эти московские футбольные клубы не имеют ни одного поражения: коллектив «Спартака» выиграл четыре матча и четыре закончил вничью (при соотношении мячей 22 : 10), а коллектив «Торпедо» выиграл три соревнования и 5 матчей свел к ничьей (при соотношении мячей 21 : 11).

Успех команд объясняется главным образом атакующим стилем игры и хорошо подобранными линиями форвардов. Полузащитники и защитники этих команд играют достаточно ровно и надежно. Оба коллектива, как видно, хорошо подготовлены к сезону. Достаточно сказать, что 15 игроков из «Спартака» и «Торпедо» отобраны в состав сборной команды СССР.

Третье место занимают футболисты «Локомотива», которые до 8-го тура также не имели поражения и одержали победу над чемпионом страны — московскими динамовцами, а затем не выдержали темпераментной игры грузинских футболистов и вписали себе ноль в турнирную таблицу.

Четвертое место занимает динамовский коллектив Киева. Далее идут: команда Центрального спортивного клуба Министерства обороны, чемпионы страны — динамовцы Москвы, набирающий темп «Шахтер». Замыкают таблицу «Молдова» (Кишинев) и «Адмиралтеец» (Ленинград).

Таковы предварительные итоги в цифровых выражениях.

Если же отвлечься от турнирной таблицы и взглянуть на футбольные поля, то можно сказать, что в этом году наши футболисты играют лучше, чем в прошлом сезоне. Во всяком случае, ряд матчей на юге, а также встреча «Локомотива» с чемпионами, а «Спартака» с «Торпедо» были полны спортивного напряжения, проходили в быстром темпе и на хорошем техническом уровне, который обычно мы видим не в апрельских соревнованиях, а значительно позднее.

Хочется также отметить появление молодых футболистов, показавших себя с хорошей стороны. Это защитники В. Щербаков и Ю. Олещук (ЦСК МО), Ш. Сичинава (тбилисское «Динамо»), И. Моргунов («Локомотив») и нападающие И. Дуда (ЦСК МО), Ш. Яманидзе и Т. Мелашвили (тбилисское «Динамо») и другие.

Игры первого круга возобновятся в начале июля и кончатся 25 июля матчем столичных команд «Торпедо» и «Динамо». После этого можно будет подвести окончательные итоги.

Горький об Аргентине

Май 1910 года. Аргентинская республика праздновала столетие своей независимости, завоеванной в тяжелых, кровопролитных боях с испанской монархией. В праздновании столетия республики принял участие и популярный столичный журнал «Карас и Каретас», посвятивший этому событию юбилейный номер. Редакция обратилась к выдающимся деятелям культуры и общественным деятелям с просьбой ответить на ряд вопросов, касавшихся их отношения к Аргентинской республике. Вопросы были направлены и Максиму Горькому.

Об этом малоизвестном у нас факте рассказал во время посещения Советского Союза аргентинский писатель, президент литературной секции Института культурной связи «Аргентина — СССР» Карлос Руис Додэ. Он обещал разыскать журнал, ставший теперь библиографической редкостью, и прислать его в качестве подарка советским людям.

И вот перед нами этот журнал.

Анкета «Карас и Каретас» содержала следующие вопросы:

1. Что вы думаете о независимости Испанской Америки, и в частности Аргентинской республики?
2. Каково, с точки зрения идей, которые вы пропагандируете, будущее нашей страны?
3. Какими путями могут развиваться наиболее дорогие для вас идеи и каков возможный результат их развития?
4. Можете ли вы рассказать о каком-нибудь любопытном эпизоде из аргентинской истории или о факте личного характера, связанном для вас с Аргентинской республикой?

Оригинал ответов Горького на русском языке, по всей вероятности, не сохранился, и мы публикуем их в переводе с испанского языка.

Капри (Италия), январь 1910 г.

Развитие империализма в Соединенных Штатах Северной Америки означает для Южной Америки опасное политическое и экономическое проникновение. Аргентинская республика никоим образом не сможет избежать сильного столкновения — возможно даже военного — с империалистическими тенденциями янки.

Я думаю, что этот процесс поглощения американского континента со стороны капитала Соединенных Штатов Америки, без сомнения, начнется в тот момент, когда будет положено начало осуществлению проекта канала в Никарагуа[1].

С точки зрения интересов Капитала государства являются свободными мировыми рынками, которые все Человечество имеет право использовать для себя. При таком положении независимость одной нации, ее культура и усилия, прилагаемые ею для развития своих духовных сил, полностью лишены ценности.

Я убежден, что в более или менее недалеком будущем — может быть в XX веке — испанцы Америки подвергнутся стремительной атаке, враждебной и беспощадной, со стороны капитала Северной Америки.

Не нужно быть пророком, чтобы прийти к этому выводу, поскольку он вытекает из целого ряда реальных фактов и конкретных наблюдений. Кроме того, он основывается на исторической необходимости, которая всегда стремится закабалить человека слепыми, ужасными силами золота...

Что еще сказать вам?

Я бесконечно признателен и благодарен испанской литературе за то многое, чем я ей обязан. Ее мастера оказали огромное влияние на мою духовную жизнь. Особенно и прежде всего Мигель де Сервантес, чей «Дон Кихот», которого я так люблю, обладает душой, столь родственной нашей русской душе...

Я испытываю чувство глубокого уважения к творчеству Переса Гальдоса, Бласко Ибаньеса и Эчегарая. К сожалению, я смог прочесть этих авторов только в русских и французских переводах. Я искренне сожалею, что не знаком со многими другими испанскими и южно-американскими талантами, произведения которых опубликованы только на их родном языке.

Из всего, что я знаю об Испанской Америке, а также из последних событий в Испании по делу Феррера[2] я прихожу к выводу, что близок день Возрождения всех сил, составляющих Испанский Национальный Гений.

Пусть же скорей наступит этот прекрасный день!

М. Горький.

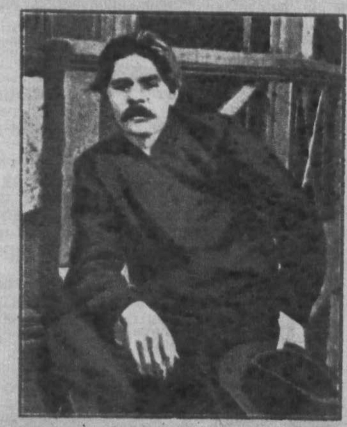
[1] В те годы обсуждался проект постройки американскими компаниями канала на территории Никарагуа, соединяющего воды Тихого и Атлантического океанов.

[2] Франсиско Феррер — испанский революционер, расстрелянный в 1909 году.

De MAXIMO GORKI

Capri (Italia), enero de 1910.

El aumento del imperialismo en los Estados Unidos de la América Septentrional, traerá para la América del Sur una grave invasión política y económica. La República Argentina no podrá evitar de ningún modo una colisión, — tal vez un fuerte choque bélico, — con las tendencias imperialistas de los yanquis.

El célebre novelista Máximo Gorki

Creo que este proceso de absorción que ejercerá el continente americano, valiéndose del capital de los Estados Unidos de América, principiará, sin duda, tan pronto como comience á ejecutarse el proyecto del canal de Nicaragua.

Desde el punto de vista de los intereses del Capital, las naciones son los mercados libres de la tierra donde tiene derecho á proveerse toda la Humanidad. Frente á esto, la independencia de una nación, su cultura y los esfuerzos que ella despliegue para desarrollar su espíritu, carecen por completo de valor.

Estoy persuadido de que en un porvenir más ó menos cercano, — tal vez en el siglo XX, — los españoles de la América tendrán que soportar un vivo ataque, pausible y hostil, del capital de la América del Norte.

No es necesario ser profeta para emitir esta opinión, pues ella surge de toda una serie de hechos reales y de cargos concretos. Además, está basada en la necesidad histórica que tiende siempre á encadenar el hombre con las fuerzas ciegas y terribles del oro...

¡Qué más podré deciros!

Agradezco, con infinito reconocimiento, á la literatura española, lo mucho que le debo. Sus maestros han tenido una influencia muy grande en la vida de mi corazón. Especialmente y sobre todos, Miguel de Cervantes, cuyo "Don Quijote" tan querido tiene un alma que se aproxima mucho á nuestra alma rusa.

Siento gran estimación por las obras de Pérez Galdós, Blasco Ibáñez y Echegaray. Desgraciadamente, sólo he podido leer estos autores en traducciones rusas y francesas. Siento sinceramente no conocer otros muchos talentos españoles y sudamericanos cuyos libros están publicados únicamente en su lengua natal.

De todo lo que sé sobre la América Española y de los últimos acontecimientos ocurridos en España con el asunto Ferrer, saco en consecuencia que están muy próximos los días del Renacimiento de todas las fuerzas que constituyen el Genio Nacional Español.

¡Que lleguen pronto tan hermosos días!

М. Горький

Огнем сердца

Я погибну, но вместе
со мной не умрут
Пролетарские песни мои...

Эти строки, напечатанные в 1912 году в «Невской звезде», принадлежали двадцатилетнему юноше, осужденному на каторгу, сгоревшему в чахотке.

Со старой, полувековой давности фотографии смотрит на нас участник первой русской революции, рабочий-поэт, большевик Алексей Гмырев. Его книга «Гори, мое сердце» выпущена недавно украинским издательством «Молодь».

Стихи, письма, документы... Поэтические строфы и страницы личной переписки, донесения шпиков, протоколы допросов, отчеты судебных заседаний воссоздают облик борца, народного трибуна, талантливого и мужественного человека. И бесценным, живым свидетельством дополняют книгу рассказы нашей современницы Марии Афанасьевны Козловой — близкого друга поэта. Ей посвящены многие стихотворения. Ей — «ненаглядной Маше», «вечно любимой Марусе» — адресованы письма из холмогорской ссылки, из тюрем Вологды, Херсона, Елисаветграда.

— Познакомились мы с Леней в январе девятьсот пятого и вскоре подружились на всю жизнь,— вспоминает Мария Афанасьевна,— он работал слесарем, я только что окончила школу для «дочерей нижних чинов Черноморского флота», была белошвейкой.

В то время семнадцатилетний Алексей Михайлович Гмырев уже был членом РСДРП, участвовал в забастовках, рабочих маевках, вел партийную работу под руководством «товарища Макара» — Виктора Павловича Ногина.

По заданию партийного комитета в Николаеве Гмырев целыми ночами печатал на гектографе, а по утрам вместе с товарищами распространял большевистские листовки. Среди рабочих было широко известно его стихотворение «Призыв»:

Нет, товарищи! Так дольше
жить нельзя!
Лучше смерть, чем жизнь
позорная рабов!
Выходите же на улицу,
друзья,
Из своих прогнивших
домиков-гробов!

Вскоре Алексей был арестован: «схвачен с поличным», вместе с листовками. Мужественно и стойко держался он на суде, заявив, что свидетелей не желает и отказывается от назначенного судом защитника. После заключения в крепости его сослали на север.

Бежав, он вернулся на юг, в родную среду товарищей-революционеров, но в конце 1906 года вновь попал в лапы полиции. Против поэта-революционера было сфабриковано нелепое обвинение в убийстве помещика. Полтора года продолжалось следствие, мучительнейшее хождение по этапам, и, наконец, последовал приговор: шесть лет и восемь месяцев каторги. Выслушав его, юноша бросил в лицо своим палачам:

— Говорят, есть бог, есть закон, есть правда. Люди лгут. Для нас, рабочих, в жизни есть только цепи и пули, пули и цепи.

В тюрьме Алексей Михайлович заболел туберкулезом. С каждым месяцем болезнь прогрессировала. Но ни кандалы, в которые был закован поэт, ни физическое истощение, ни моральные муки не могли сломить его воли к борьбе, его веры в победу революции.

А. Гмырев.

Много ярких, запоминающихся произведений создал юноша, страстно влюбленный в жизнь, обреченный царскими палачами на медленное умирание. Пророческим энтузиазмом звучат его строки:

Гори! Твое честное пламя
Охватит немало таких же
сердец!..
Гори, мое сердце,
как красное знамя,
Которое поднял
рабочий-борец!

В сентябре 1911 года в Херсоне, приехав на свидание, Мария Афанасьевна узнала о смерти Алексея Михайловича...

Мария Афанасьевна Козлова — член партии с 1920 года, персональная пенсионерка — бережно сохранила и свою переписку с А. М. Гмыревым и многие его произведения. При ее участии была подготовлена к печати и издана в 1926 году в Москве первая маленькая книжка поэта, а теперь сборник «Гори, мое сердце».

В «Десяти поэмах для хора» композитора Д. Д. Шостаковича три произведения написаны на слова поэта-революционера: «При встрече во время пересылки», «Казненным» и «Они победили».

Бессмертны строки, рожденные огнем сердца, зовущие к борьбе!

С. МОРОЗОВ

Алексей Гмырев. «Гори, мое сердце». Изд-во ЦК ЛКСМУ «Молодь», Киев, 1957 г. 212 стр.

Мария Афанасьевна Козлова.

Фото М. Савина.

В гостях у венгерских друзей

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В апреле Венгерскую Народную Республику посетила Партийно-Правительственная делегация Советского Союза. Всюду население сердечно и радушно встречало советских гостей. Мы печатаем цветные фотографии, запечатлевшие отдельные моменты пребывания делегации в Венгрии.

Рабочие Чепеля (слева) и жители Будапешта ждут на улицах проезда советской делегации.

В городе Татабанье к Никите Сергеевичу Хрущеву подбежала девушка с букетом ярких цветов. Это Бланка Марошан. Недавно она была очень тяжело больна, необходимого ей лекарства в Венгрии нельзя было достать. Бланка написала Н. С. Хрущеву и просила помочь ей. Из Москвы было выслано лекарство, которое помогло девушке, и она быстро выздоровела.

Будапешт. Возложение венков у памятника венгерским борцам за свободу и независимость.

Волшебная нитка

В. КРУПИН

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Как-то раз мой друг, заядлый рыболов и влюбленный в свою профессию химик, пригласил на уху.

— Собирайся, не пожалеешь. Расскажу, как поймал рыбину в два пуда весом. И притом, заметь, на обыкновенную удочку.

— Ну, брат, меня ты на эту удочку не поймаешь,— ответил я в том же шутливом тоне, памятуя рассказы рыбаков и охотников.

— Не веришь?

— Нет.

— Почему?

— Потому хотя бы, что леска твоя, наверное, и полпуда не выдержит: оборвется.

— Отсталый ты человек, да на нее хоть кита можно вытянуть! Приходи — увидишь.

В квартире друга меня ожидало странное зрелище. Почти на уровне глаз в воздухе плавно покачивались... две полупудовые гантели.

— Видал?! — торжествующе воскликнул Лев Иванович.

С потолка тянулась тонкая шелковистая нить с золотым отливом.

— Анид, новое волокно, прочнее стального троса...— продолжал мой друг.— Стальная нить оборвется под собственной тяжестью, если ее размотать на двадцать километров, а искусственная выдержит и семьдесят пять!

— Из чего сделана эта чудесная нитка?

Вместо ответа Лев Иванович повел меня на кухню. Он повернул ручку газовой плиты и зажег спичку.

— Вот! Это — основное сырье. Газ...

— Правда, не догадаешься, что эта шуба из искусственного каракуля? — говорит Лидия Казакова инженеру из Пекина Дай Сю-шэн.

Руно из... газа

Газ одевает человека. И не надо бояться, что вы попадете в неловкое положение короля из андерсеновской сказки, если будете пользоваться услугами такого необычного «портного», как химия.

Метан, этилен, хлор — газы. Но химики научились превращать их в твердые вещества. Невидимые, рассеянные в воздухе молекулы словно по мановению палочки волшебника становятся шелком, шерстью, мехом. Из угля и нефти, извести и древесины получаются прочные, легкие, дешевые ткани.

...Второй московский экспериментальный завод. Здесь нам показали шубу из каракуля. Поначалу мы решили: шубы, как шубы,— черные, глянцевитые, ласкающие взор завитки меха.

— Примерьте,— предлагает лаборантка Лидия Казакова инженеру из Пекина Дай Сю-шэн.

— Настоящий каракуль,— улыбается ее товарищ Цэ Цинь-ха.

Он тоже из Китая и тоже приехал сюда изучать наш опыт.

— Это не настоящий,— поправляет заведующая лабораторией Антонина Федоровна Климкова.

Да, это — искусственное руно. Оно сделано из волшебной нитки, созданной химиками.

Серебристые и черные нити искусственного волокна непрерывно вытягиваются небольшой машиной. Из нее струится синель — пушистый шнур с завитками. Синель закрепляется на другой машине, сконструированной П. Ф. Сапилевским. Два шнура укладываются рядками на покрытую клеем (кстати, он тоже сделан из газа) хлопчатобумажную ткань. И вот из-под валика выползает сплошная лента каракуля.

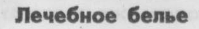
Лента может быть любого цвета и любой длины — пять, десять, сто метров. Это — большое удобство для скорняков, которым пока приходится выкраивать шубы, шапки, воротники из небольших шкурок.

А самое главное — такой каракуль намного дешевле натурального. Известно: шуба из натурального каракуля — дорогое удовольствие. Натуральный каракуль — это шкурки ягнят, проживших не больше 72 часов, причем одной такой шкурки едва хватает на шапку.

Шубы из искусственного каракуля стоят в несколько раз дешевле. Скоро они появятся в магазинах.

В 1965 году будет выпущено до 5 миллионов квадратных метров такого чудесного меха — в 14 раз больше, чем его было выпущено в прошлом году. Тридцать миллионов голов ягнят сохранит через семь лет волшебная нитка. Значит, ягнята станут овцами, и страна получит дополнительно десятки тысяч тонн шерсти и добрых сто миллионов пудов мяса. Значит, синтетическое волокно не только оденет, но и накормит многих людей.

— Добавь еще: вылечит,— заметил мой друг Лев Иванович, когда мы вели с ним эти подсчеты.

Лечебное белье

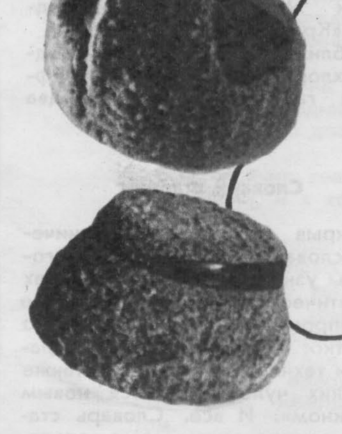
В одном из московских магазинов — № 113 на улице Горького — продается... лечебное белье. Да, белье, обладающее лечебными свойствами. По виду оно, пожалуй, ничем не отличается от обычного. Тут и кремовые и розовые рубашки. Они сшиты из хлоринового волокна. Человек, страдающий ревматизмом, надев такое белье, спустя некоторое время чувствует: боли явно уменьшились. Ученые объясняют целебные свойства хлорина действием электростатического электричества. Оно образуется при постоянном трении о кожу белья из хлоринового волокна.

Когда вы купите в магазине такое белье, обратите внимание на этикетку. Она необычна: на ней — выписка из заключения Главной медицинской инспекции Министерства здравоохранения СССР: «Ношение лечебного белья рекомендуется при острых и главным образом хронических формах полиартритов, заболеваниях периферической нервной системы (ишиасы, радикулиты и т. д.) с выраженным болевым синдромом...»

Со всех концов страны — из Киева и Норильска, Таджикистана и Дальнего Востока — в адрес московской трикотажной фабрики «Красная заря» идут письма. Вот одно из них: «Я старый врач, с тридцатилетним стажем. Болею многие годы двухсторонним радикулитом и ишиасом. В течение последних шести лет ежегодно лечусь на специальных курортах. Но, несмотря на это, часто бывают обострения. Надела лечебное белье вашей фабрики — и почти забыла, что страдаю болезнью.

Удивляюсь, что пропаганда этого замечательного средства среди населения плохо налажена. Считаю, что хлориновое белье надо шире внедрять в медицинскую практику».

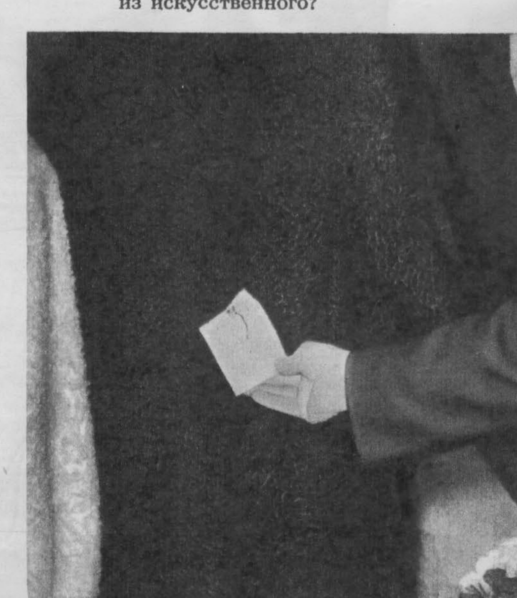
На фабрику сообщают о том,

Шапки из искусственного меха.

На выставке искусственных и синтетических материалов висят две шубы: одна из искусственного каракуля, другая из натурального. Попробуйте определить: какая же из искусственного?

что лечебное белье действует хорошо и при ревматизме, и при полиартрите, и даже при астме.

Учтя многочисленные запросы населения, «Красная заря» расширяет производство лечебного трикотажа. В нынешнем году здесь будет выпущено 160 тысяч штук таких изделий. Осваивают белье из хлорина Харьковская фабрика имени Микояна и ленинградская «Красное знамя».

В ближайшие годы производство хлорина из коксовых и нефтяных газов увеличится в два раза.

Словари стареют

Открыв «Краткий политехнический словарь», изданный в 1956 году, вы узнаете лишь о двух видах синтетических волокон — хлорине и капроне. О капроне сказано коротко: «Применяется для выработки технических тканей, а также женских чулок. Является новым волокном». И все. Словарь стареет, вернее, нуждается в серьезных дополнениях, хотя прошло лишь два года со времени его издания. Вы не найдете в нем упоминания о таких синтетических волокнах, как «анид», «лавсан», «нитрон». Они должны по праву занять свое место рядом с шелком, шерстью, хлопком.

Усилиями ученых выявляются все новые чудесные свойства этих волокон.

Попробуйте, например, сделать спасательный круг из шерсти. Он и воду пропустит, и сам быстро намокнет, и потянет вас на дно. А одежда из пористого волокна не даст утонуть человеку. Больше того, если в поры волшебной нитки ввести легкий газ, например гелий, ваш костюм сможет стать своеобразным парашютом.

Из хлопчатобумажной ткани гвоздя не изготовишь при всем желании. А из отходов капрона отливают винты и гайки.

Если бы продавец трикотажного отдела посоветовал вам: «Во избежание неприятностей не загорайте в костюме на пляже»,— вы посчитали бы его сумасшедшим. Между тем в купальном костюме из искусственного шелка можно даже обгореть: он пропускает ультрафиолетовые лучи.

От скольких хлопот избавит человека волшебная нитка! Пряча на лето в гардероб шерстяные вещи, вы густо посыпаете их нафталином: как бы не съела моль! Прячете от сырости: как бы плесень не попортила! А шубу из нитрона ни моль, ни плесень не тронут. Не боится их и яркий, цветастый хлориновый ковер.

Домашние хозяйки знают, как тяжело выводить разные пятна от кислоты, масла, щелочи. На каждый случай — свое средство. Чем бы вы ни испачкали нитроновый костюм, рецепт чистки один: постирайте его в теплой мыльной воде. Можете стирать хоть сто раз, все равно он не сядет, не выцветет.

Что же касается глажки, то она вообще не нужна: изделия из искусственной шерсти не мнутся. Ну, а прочностью они во много раз превзойдут все остальные ткани. Чулки и носки из энанта будут носиться почти в десять раз дольше шелковых.

А труда для их изготовления человек затратит во много раз меньше. Шелковичный червь прядет за свою жизнь один кокон нитей. Он весит всего полграмма. Механический же шелкопряд может за сутки дать в 3,5 миллиона раз больше искусственного шелка.

Принятое на Пленуме ЦК КПСС постановление «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства» предусматривает значительное увеличение производства новых волокон.

Химия прочно завоевывает свои позиции в нашем быту.

Два года назад синтетическое волокно шло главным образом на изготовление женских чулок. А сегодня волшебная нитка выходит на широкий простор. Она заменяет не только шерсть, лен, хлопок, шелк. Ей уступают место сталь, медь, алюминий. Из ворот автозаводов уже выходят автомобили, в которых втулки и шестеренки, поплавки карбюратора и обивка сидений, кузова и изоляция проводов сделаны из той же волшебной нитки. Моря бороздят суда, винты которых изготовлены из капрона,— они не боятся коррозии, механических повреждений.

Сбываются мечты великого Менделеева о чудесном волокне, созданном трудом и разумом химика.

Эта обувь тоже сделана из искусственного сырья.

ЧЕМПИОН МИРА

Фото А. Бочинина.

Сало ФЛОР

После поражения в прошлом году Михаил Ботвинник некоторое время колебался: использовать свое право реванша или нет? Будет ли интересно в третий раз видеть одних и тех же шахматистов в борьбе за первенство мира?

Зря он этого опасался. За матч-реваншем следил весь шахматный мир с огромным интересом. Дело доходило до того, что на Ленинградском проспекте и Гоголевском бульваре толпы болельщиков мешали регулярному уличному движению!

После своей блестящей победы в 1957 году Василий Смыслов немного выступал, немного писал, но в основном готовился к реваншу. Ботвинник же после своего поражения совершенно не выступал, ничего не писал, а только готовился и внимательно изучал причины своего поражения.

Ботвинник «выступил» только один раз — в момент получения ордена в Кремле. Вручая высшую награду — орден Ленина,— К. Е. Ворошилов сказал Ботвиннику: «Вы не расстраивайтесь, вы ведь проиграли матч своему! А может быть, вы еще у него выиграете!»

Ботвинник коротко ответил: «Может быть!»

В 1937 году многие думали, что А. Алехин не возьмет реванша у М. Эйве. А теперь большинство знатоков считало, что «Ботвинник уже не Ботвинник!» Однако Алехин и Ботвинник довольно быстро вернули себе звание чемпиона.

По правде сказать, я тоже не очень верил в реванш Ботвинника, но был убежден, что борьба будет острой.

В первый день матч-реванша мы видели Ботвинника в бодром настроении. На меня произвела впечатление фраза Ботвинника: «Один реванш уже состоялся». Он имел в виду закончившийся матч О. Рубцова — Е. Быкова. По интонации я почувствовал уверенность у Ботвинника.

Эта уверенность окрепла после сенсационного старта 3 : 0! Он оказался решающим. Три партии Смыслов проиграл за одну неделю. В течение последовавших восьми недель он стремился исправить неудачный старт, но ему удалось только снизить разрыв до двух очков.

Чем объяснить энергичный старт Ботвинника? С первого же хода Смыслов увидел, что имеет дело с превосходно подготовленным в теоретическом отношении Ботвинником «образца 1946—1948 годов».

Когда в дебюте Смыслова «подвел» ход 1. е2—е4, он начал искать свое счастье в эндшпиле. Все знают, что Смыслов превосходно играет эндшпиль, но известно также, что и Ботвинник «немного» разбирается в нем.

Тактика Смыслова — переиграть Ботвинника в ничейных позициях и играть насильно на выигрыш — дала отрицательные итоги. Как стратег Ботвинник превосходит Смыслова. Несколько раз Смыслов был переигран по всем правилам. Смыслова можно упрекнуть в том, что он недостаточно осложнял игру, не умел создавать острых позиций с тактическими обострениями и ловушками.

В последнем матче мы увидели прежнего Ботвинника, у которого мы можем многому учиться. За 10 месяцев подготовки Ботвинник заметно расширил свой дебютный репертуар. Хорошо Ботвинник распределял время на обдумывание. Цейтноты не угрожали ему так, как в прошлом году. Записанные Ботвинником ходы всегда оказывались наилучшими.

Особенно следует отметить, что на этот раз хорошо работала «домашняя лаборатория». Отложенные партии анализировались точно и четко. Этого нельзя сказать о Смыслове. Этим частично можно объяснить, что при доигрывании он неудачно реализовывал свои шансы и даже допускал грубые «зевки» в домашнем анализе (как, например, в 18-й партии).

Ботвинник хорошо провел партии в первой половине матча. Но «приключение» в 15-й партии (просрочка времени в выигранной позиции) была слишком неприятной травмой. Мне кажется, что после этого он стал играть хуже: ведь ему удалось выиграть только одну партию. Но и на ничьих он постепенно достиг необходимых 12,5 очка.

Смыслов мужественно боролся до последнего момента. Но дистанция оказалась для него слишком короткой. Кто-то пошутил: «Вот если бы матч в 35—40 партий!»

Итак, лавровый венок снова в доме М. Ботвинника.

Блестящая его победа должна быть хорошим стимулом для шахматистов старшего поколения. Нужно учиться его настойчивости в работе, воле к победе, выдержке, энергии.

Шахматный мир аплодирует замечательному бойцу Михаилу Ботвиннику. Но было бы ошибочным повторить ошибки прошлого и забыть про его соперника.

В прошлом году, после поражения, Ботвинник остался Ботвинником. В этом году Смыслов остается Смысловым!

За 18 лет М. Ботвинник и В. Смыслов сыграли между собой 91 партию. Общий счет 24 : 21 в пользу Ботвинника (при 46 ничьих). Если считать только три матча на первенство мира в 1954, 1957 и 1958 годах, то между ними было сыграно 69 партий со счетом 18 : 17 в пользу Смыслова (при 34 ничьих). Из этого видно, что это достойные друг друга соперники. По всей видимости, их отношения еще не выяснены. Должны ведь они дотянуть количество сыгранных партий до ста!

Мы все очень любим Ботвинника и Смыслова. С удовольствием мы их увидим в новых встречах. Но пока хватит. Сейчас они устали и заслуживают отдыха.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

2. ДЕРЖИТЕ СЕБЯ В РУКАХ

Первое, что я увидел, когда пришел в себя, это лицо женщины, стрелявшей в меня из пистолета...

Я ощущал невероятную слабость, сковывающую все мое тело. Голову я не мог поднять...

Вокруг было бело и светло, и прямо над моим лицом виднелось слегка улыбающееся и скорее недоброе, чем равнодушное, лицо таинственной незнакомки.

Я пошевелил губами:

— Что это... Что со мной?

— Молчите, молчите,— прошептала она повелительно и, пожалуй, даже ласково.— Ни слова порусски. Если хотите жить, молчите. Позже я объясню...

Но мне и самому не хотелось говорить: так я был слаб. Голова закружилась опять, и я закрыл глаза, а когда открыл снова, незнакомки уже не было.

Я стал медленно приходить в себя и всматриваться в то, что меня окружало.

Бело и светло. Я находился в больничной палате. Да, несомненно, я находился в больнице. Белые стены, белые столики, никелированные кровати. Два больших окна, из которых льется ослепительный золотистый летний свет. В палате всего три койки. На одной из них, у окна, лежу я, на другой, в стороне от меня, у дверей, еще какой-то больной, третья, у противоположной стены, пустая...

И вдруг я сразу вспоминаю все,— наконец-то я совершенно очнулся!— весь этот странный вечер, непонятные события и недосказанные фразы и точку, поставленную пулей, направленной в мое сердце...

Я с трудом поднял руку, непослушную, слабую и как будто не принадлежащую мне, и провел ладонью по груди...

Да, грудь забинтована, в меня действительно стреляли.

Сколько времени лежу я в этой больнице и почему здесь находится эта женщина?

— Товарищ... — позвал я больного, лежащего возле дверей, но он мне не ответил, даже не пошевелился. Позже я узнал, что он, к моему счастью, просто не слышал, не мог слышать мой зов.

В это время послышались голоса, двери распахнулись, и в палату вошло много людей, все они были в белых халатах и в белых шапочках, и я сообразил, что это врачебный обход.

Вошедшие были в хорошем настроении, смеялись и обменивались шутками, но почему-то все говорили по-немецки.

Прежде всего они подошли к больному, который лежал около дверей.

Один из вошедших, молодой приземистый толстяк, быстро-быстро заговорил, я с трудом разбирал его речь. Видимо, он докладывал о состоянии больного, и тут сразу выделился другой человек, долговязый и какой-то очень сухой, почти старик, с надменной, высоко поднятой птичьей головкой; он был центром группы, все остальные по отношению к нему были подчиненными существами.

— Господин профессор, господин профессор, — то и дело титуловал старика толстяк, обращаясь к нему и что-то рассказывая о больном.

— Очень хорошо, — сердито произнес старик и, внезапно оборвав толстяка, поднял вверх худую, жилистую руку, показал своим спутникам четыре длинных растопыренных пальца и деловито перечислил: — Один, два, три, четыре... Все!

Только спустя четыре дня я понял, что хотел сказать этим старик, и преисполнился к нему уважением.

Затем старик повернулся в мою сторону, и все подошли ко мне.

На этот раз заговорил не толстяк, а та самая таинственная женщина, которая была виновницей моего пребывания в этой палате и все с большей и большей очевидностью начинала играть какую-то роль в моей судьбе.

Она, как и другие, была в белом халате, и голова ее была повязана белой косынкой. Не знаю уж, в качестве кого выступала она здесь, но вела она себя среди всех этих медиков совершенно свободно.

Она указала на меня.

— Это, господин профессор,— ваше достижение...

Она отлично говорила по-немецки, и я хорошо ее понимал.

Старик, которого все называли профессором, снисходительно улыбнулся — не знаю, тому ли, что он действительно чего-то достиг, или просто женщине, одарившей его таким комплиментом.

— Да, в этом случае,— как бы отщелкал своим сухим языком профессор,— все идет отлично.

— Он очнулся сегодня утром,— продолжала незнакомка.— Пытался разговаривать, но я остановила, он еще слаб, и будет лучше...

— О, вы отличная сиделка! — похвалил ее профессор с любезной улыбкой, с какой не обращался ни к кому из присутствующих.— Будем надеяться, что под вашим наблюдением ничто не помешает господину... господину...

Профессор запнулся.

— Господину Августу Берзиню, — торопливо подсказала незнакомка.— Вы же знаете...

— Господину Августу Берзиню... — аккуратно повторил профессор и многозначительно ей кивнул.— Никакие силы не помешают ему скоро стать на ноги.

Он склонился ко мне, оттянул мои нижние веки и посмотрел мне в глаза.

— Молодость! — добавил он с добродушной снисходительностью.— Будь у него явления склероза, я бы не дал за его жизнь и пфеннига.

С некоторой даже доброжелательностью он притронулся к моему плечу своими длинными осторожными пальцами.

— Вы — я это читаю в ваших глазах — и не собирались умирать, — неожиданно произнес он по-английски и вдруг процитировал Шекспира:

Cowards dies many times, before their deaths,
The valiant never taste of death but once.

(Трусы умирают в своей жизни много раз, а храбрый человек умирает только однажды.)

Это была похвала, я не понял, почему он отнес ее ко мне, но в данную минуту меня гораздо больше интересовало, что происходит со мной и где я нахожусь.

Затем профессор повернулся и журавлиной походкой, не сгибая ног в коленях, пошел прочь из палаты.

Все, в том числе и моя незнакомка, гуськом потянулись за ним.

Я опять остался один. Остался один и подумал: не брежу ли я? Почему меня, Андрея Семеновича Макарова, называют Августом Берзинем? Каким это образом я превратился в латыша? Почему меня лечат врачи, говоря-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 20.

щие на немецком языке? Где я нахожусь? Почему за мной ухаживает женщина, которая пыталась меня убить?

Все эти и еще десятки других вопросов возникали в моем сознании, но я не находил на них ответа.

Я ломал себе голову, и наконец меня осенило: я похищен!

Да, такое предположение было весьма вероятно...

Офицер моего положения знает, конечно, очень много: сведения, которыми я обладал, не могут не интересовать генеральные штабы иностранных держав; чья-нибудь отчаянно смелая и безрассудная разведка могла пойти на подобную авантюру. Смелая потому, что похищение советского офицера в его собственной стране сопряжено с отчаянным риском, а безрассудная потому, что нельзя же мерить советских людей на свой, капиталистический аршин...

И, несмотря на всю невероятность такого случая, я почти утвердился в подобном предположении. Да, меня похитили, говорил я себе; эта женщина не намеревалась меня убить, она только хотела лишить меня возможности сопротивляться... И затем я сам себя спрашивал: где же я нахожусь? У немцев? Да, вероятнее всего, что у немцев. Но на что они рассчитывают? Никогда и ничего они от меня не узнают, в этом я не сомневался.

Но почему, в таком случае, я Август Берзинь? Если им нужно было меня похитить, так именно потому, что я майор Макаров, штабной советский офицер, а не неизвестный мне самому какой-то господин Берзинь! И почему мне нельзя говорить по-русски? Почему эта женщина ведет себя так, точно пытается меня от кого-то или от чего-то укрыть? Наконец, на что намекает этот долговязый немецкий профессор своими английскими фразами?

Я решительно терялся в своих предположениях.

Во всяком случае, ясно было одно: я нахожусь не в своем, не в советском госпитале.

В течение дня в палату не раз заходили санитары и медицинские сестры, оказывали мне разные услуги, приносили еду, интересовались, не нужно ли мне чего...

Большинство из них обращалось ко мне по-немецки, некоторые говорили по-латышски.

Но я, памятуя данный мне утром совет, отвечал на все вопросы только легкими движениями головы.

Под вечер ко мне зашла моя незнакомка. Она села возле койки, слегка улыбнулась и погладила мою руку.

Она заговорила со мной по-английски и шепотом, так что, если за дверью и подслушивали, никто ничего бы не разобрал.

— Терпение, прежде всего терпение, и вы все узнаете, — мягко, но настойчиво сказала она. — Пока что вы Август Берзинь, вы говорите по-немецки, по-английски, по-латышски, и только по-русски вам не следует говорить, вы вообще должны забыть о том, что вы русский. Позже я вам все объясню.

Я принялся ее расспрашивать, но мало что узнал из ее ответов.

— Где я?

— В немецком госпитале.

— А что все это значит?

— Узнаете.

— А сами вы кто?

Она усмехнулась.

— Не помните? Я уже вам говорила. — Подумала и добавила: — Полностью меня зовут Софья Викентьевна Янковская, и мы давно с вами знакомы, это вы должны помнить. — Она встала и заговорщически приложила палец к своим губам. — Поправляйтесь, помните мои советы, и все будет хорошо.

Она ушла и не показывалась целых два дня, в течение которых меня мучили всякого рода догадки и предположения, пока, наконец, прислушиваясь к разговорам окружающих и тщательно взвешивая каждое услышанное слово, я не догадался о том, что произошло.

Постепенно я набрался сил, смог поглядеть в окно, и версия о похищении отпала: я попрежнему находился в Риге, улица, на которую выходили окна госпиталя, была мне хорошо знакома.

За те дни, что я лежал без сознания, произошло нечто гораздо более страшное, чем если бы я был похищен какими-нибудь дерзкими разведчиками...

Гитлеровская Германия напала на Советский Союз, а я находился в Риге, да, все в той же самой Риге, но оккупированной немецкими войсками.

Немцы заняли город в первые же дни своего наступления и являлись теперь в нем хозяевами.

На койке у дверей лежал какой-то их ас, подбитый нашими летчиками; он неудачно приземлился где-то в предместьях Риги и теперь умирал в госпитале.

Надо отдать немцам справедливость, ухаживали они за своим асом с большой заботливостью, всячески стараясь облегчить ему последние минуты.

Но почему они так же внимательно ухаживают за пленным русским офицером — ведь фактически я находился у них в плену, — этого я понять не мог.

Впрочем, я тут же вспоминал, что я — это не я, что меня теперь почему-то называют Августом Берзинем, и опять переставал что-либо понимать.

Приходилось выжидать, выжидать того времени, когда я оправлюсь, все узнаю и смогу что-либо предпринять.

На третий день после того, как я пришел в сознание, в коридоре возникла какая-то суета, в палату внесли носилки с новым больным и положили его на свободную третью койку.

Я чувствовал себя уже много лучше и принялся с интересом рассматривать нового соседа.

Это был пожилой мужчина с забинтованной грудью, по всей видимости, тяжелораненый.

Вначале он произвел на меня благоприятное впечатление. Добродушное лицо, умные серые глаза, седые виски, суховатые губы; на вид ему можно было дать лет сорок пять; человек, в общем, как человек...

Но как же я его вскоре возненавидел!

Через несколько часов после появления этого больного в палату пришли два немецких офицера в черных гестаповских мундирах, поверх которых были небрежно накинуты белые медицинские халаты; один из них был майор, другой лейтенант.

Офицеры искоса поглядели на меня и остановились перед новым больным.

— Хайль Гитлер! — приветствовал майор больного.

— Хайль, — отозвался тот слабым голосом, однако заметно стараясь говорить как можно бодрее.

Санитары внесли два стула и небольшой столик с письменными принадлежностями, и офицеры тотчас приступили к допросу.

— Как вас зовут? — быстро спросил больного офицер в чине майора.

— Фридрих Иоганн Гашке, — так же быстро и по-солдатски четко ответил больной.

Лейтенант записал ответ.

— Вас так и звали в России? — осведомился майор.

Больной усмехнулся.

— Нет, в паспорте было написано Федор Иванович.

— Федор Иванович Гашке? — переспросил майор.

— Так точно, — подтвердил Гашке.

— Я рад, что вы выполнили свой долг перед фюрером и Германией, — сказал майор. — Вам трудно говорить?

— Нет, у меня достаточно сил, — негромко, но четко ответил Гашке. — Я готов...

Допрос длился часа два, майор спрашивал, лейтенант без устали писал.

Гашке оказался перебежчиком. Поволжский немец из-под Сарепты, он окончил педагогический техникум и учительствовал в Саратове; призванный в Советскую Армию, он в первые же дни войны попал на фронт и сразу на-

чал готовиться к тому, чтобы перебежать к немцам. Как только полк, в котором он находился, вошел в соприкосновение с противником, Гашке, воспользовавшись минутным затишьем, вырвался вперед и, бросив оружие, побежал в сторону немецких позиций.

С советской стороны по перебежчику немедленно открыли огонь, немцы не стреляли, они сразу догадались, в чем дело; Гашке получил тяжелое ранение, но успел добежать до немецких позиций и только там упал. Прибежал он к немцам не с пустыми руками: перед бегством он проник в штаб полка, застрелил начальника штаба и похитил какие-то важные документы.

Как только в полевом госпитале выяснилась ценность перебежчика, было дано указание немедленно переправить его в Ригу...

Гашке, по-видимому, хорошо понимал, что словами завоевать расположение немцев нельзя, только точные и важные данные о Советской Армии могли определить истинную цену перебежчику.

И, действительно, Гашке не говорил лишних слов, но он заметил все, что следовало заметить, запомнил все, что следовало запомнить, и теперь с чувством внутреннего удовлетворения выкладывал все свои сведения и наблюдения сидевшим перед ним гестаповцам, и я, я сам, был свидетелем этого предательства.

Но гестаповцы почему-то мало обращали на меня внимания, мое присутствие их не смущало, наоборот, они даже как будто были довольны тем, что я слышу их разговор с перебежчиком, и это тоже было мне не совсем понятно.

Гашке был умным человеком, и сведения, которые он принес, представляли несомненную ценность, но разговор с ним полностью разоблачал его в моих глазах...

Ох, как он стал мне противен!

Часа через два гестаповцы ушли, пожелав Гашке скорейшего выздоровления.

Нам принесли ужин, очень приличный ужин: мясо, капусту, ягоды и даже по стакану какого-то кисленького винца.

Было совершенно очевидно, что мы находились в привилегированном положении.

Гашке с аппетитом поел; я тоже пока еще не собирался умирать, мне хотелось поскорее выздороветь и предпринять что-либо для того, чтобы вырваться на родину; одному асу было уже не до еды.

На другой день гестаповцы явились опять. По-видимому, немцы каким-то образом сумели проверить показание Гашке об убийстве начальника штаба, а документы действительно оказались очень важными, потому что майор обещал представить Гашке к награде.

Гашке выкладывал все, что знал. Он был очень наблюдателен, этот Гашке! Он запомнил, где какие стояли артиллерийские дивизионы, какие проходили мимо него полки, мимо каких проходил он сам, где находились ближайшие аэродромы...

Его следовало бы пристрелить тут же, на месте, без промедления, чтобы лишить возможности передавать эти сведения, но у меня под рукой не было даже деревянного ножа для бумаги...

Гестаповцы принесли для Гашке газеты, и он любезно предложил их мне. Это были страшные газеты. В них сообщалось о безудержном продвижении гитлеровских полчищ на восток, о скором взятии Москвы, о расстрелах советских людей.

Я не верил напечатанному, а Гашке, наоборот, только усмехался, точно сведения эти доставляли ему удовольствие.

К концу четвертого дня ас умер, и я понял, что означали четыре профессорских пальца: профессор отпустил асу четыре дня жизни, и приговоренный к смерти ас послушно скончался в назначенный ему срок.

Мы с Гашке остались вдвоем. Это не значило, что мы все время находились наедине, в посетителях недостатка не было. Каждое утро во время обхода заходил старший врач, нам делали перевязки, приносили пищу, сестры забегали осведомиться, как мы себя чувствуем, заглядывали санитары... Но все же большую часть времени мы проводили вдвоем.

Гашке пытался со мной разговаривать, но я отмалчивался, делая вид, что еще слаб и мне трудно говорить, хотя на самом деле с каждым днем чувствовал себя все лучше и ощущал в себе достаточно сил для того, чтобы убить этого изменника.

Гестаповцы посещали Гашке ежедневно и каждый раз выуживали из него что-нибудь новое...

Наконец, он исчерпался, лейтенанту приходилось писать все меньше и меньше, Гашке выложил все, что смог заметить и запомнить, но мне казалось, что у гестаповцев и у Гашке имеются еще какие-то виды друг на друга.

Однажды вечером в палате снова появилась госпожа Янковская.

Я так и не мог понять, в качестве кого фигурирует она в госпитале. Она ходила, конечно, в обычном белом халате, но медицинской практикой, по-видимому, не занималась. Иногда она отсутствовала по нескольку дней, а иногда толклась в палате без всякого дела, не опасаясь, что ее безделье будет замечено.

Вообще она держалась как-то особняком от всех остальных немцев, работавших в госпитале.

Она молча села возле меня и, по своему обыкновению, принялась смотреть куда-то сквозь стену.

В палату доносился уличный шум. Гашке как будто дремал. Я рассматривал Янковскую.

Было в ней что-то неуловимое и необъяснимое, чего я не встречал и не замечал в других женщинах, у меня было такое ощущение, точно она, подобно осьминогу, все время водила вокруг себя незримыми щупальцами.

— Вы знали когда-нибудь настоящую любовь? — внезапно спросила она меня по-английски. Здесь, в госпитале, она предпочитала разговаривать со мной на английском языке.

— Конечно, — сказал я. — Какой же мужчина в мои годы... Мне тридцать лет, меня ждет невеста...

— Нет, я говорю не о добропорядочной, обычной любви, — настойчиво перебила меня Янковская. — Любили ли вы когда-нибудь женщину так, чтобы забыть разум, честь, совесть...

Мне подумалось, что она затевает со мной игру, в которой я неминуемо должен пасть ее жертвой...

Однако ее не следовало разочаровывать.

— Не знаю, — неуверенно произнес я. — Вероятно, нет, я еще не встречал такой женщины...

Я подумал: нельзя ли будет бежать с ее помощью...

— А вы могли бы меня полюбить? — шепотом спросила она вдруг с неожиданной откровенностью. — Забыть все, если бы и я согласилась для вас...

Я повернул голову в сторону Гашке. Он сопел, должно быть, он спал.

— Он спит, — небрежно сказала Янковская. — Да он и не понимает...

— Как знать, — недоверчиво ответил я и,

желая выгадать время, добавил: — Мы еще поговорим...

— Настоящие мужчины не раздумывают, когда женщины задают им такие вопросы, — недовольно произнесла Янковская.

— У меня еще не прошла лихорадка, — тихо ответил я. — Кроме того, здесь темно, и я не вижу, не смеетесь ли вы...

— Вы правы, — сказала Янковская. — Сумерки сродни лихорадке.

Она встала, подошла к двери и зажгла свет.

— Вы спите? — громко спросила она по-немецки, обращаясь к Гашке.

— Нет, — отозвался тот. — Мы еще не ужинали.

Янковская усмехнулась, достала из кармана халата плитку шоколада, разломила ее и дала каждому из нас по половинке.

— Спасибо, — поблагодарил Гашке и тут же принялся за шоколад.

— А что же вы? — спросила меня Янковская.

Я покачал головой.

— Мне не хочется сладкого.

Янковская внимательно посмотрела мне в глаза.

— Ничего, вам захочется еще сладкого, — сказала она и кивнула нам обоим. — Поправляйтесь...

И, не прощаясь, ушла из палаты.

— Такие бабы, — одобрительно сказал Гашке, — вкуснее всякого шоколада.

Утром гестаповский майор пришел к Гашке без своего помощника: записывать было уже нечего.

Майор сел против Гашке.

— Как вы себя чувствуете? — спросил майор.

— Отлично, — сказал Гашке.

— Вы счастливо отделались, — сказал майор.

— Меня сохранили бог и фюрер, — ответил Гашке.

— А что вы собираетесь делать дальше? — спросил майор.

— Все, что мне прикажут фюрер и вы, господин майор, — ответил Гашке.

Майор помолчал.

— Вот что, — сказал он затем. — Мы подумали о вас, мы дадим вам возможность проявить себя настоящим немцем...

Он нарисовал перед Гашке блестящие перспективы. Хотя Гашке родился и вырос в России, он проявил себя сознательным немцем. Гестапо ему доверяет. Его решили оставить в Риге в качестве переводчика при гестапо. Для начала он получит звание ефрейтора, остальное зависит от него самого.

Я тут же подумал: стоит Гашке попасть в гестапо, он себя там проявит!

— Что вы скажете на мое предложение? — спросил майор. — Мы вас не торопим, можете подумать...

— Мне не о чем думать, господин майор, — твердо сказал Гашке. — Я благодарю за доверие и сумею его оправдать.

Майор улыбнулся и покровительственно похлопал Гашке по плечу.

— Я в вас не сомневался. Как только вас выпишут из госпиталя, вы явитесь в гестапо.

Гашке проводил своего будущего начальника и немедленно завалился спать, а я...

Я думал и час, и два, и три. Гашке безмятежно спал, а я все думал и думал...

Что мне делать?

Бежать! Разумеется, бежать. Пробраться к своим. Это, конечно, не так просто, но это единственный выход из положения. Выйти из госпиталя, набраться сил и бежать. Умирать я не собирался, но если придется, решил отдать свою жизнь подороже...

Потом в поле моих размышлений попал Гашке. Этого надлежало уничтожить. Он уже достоин казни за свое предательство, а в гестапо он будет стараться выслужиться...

Но как его убить? Я вспомнил какую-то книгу, где описывалось, как в концентрационных лагерях расправлялись с провокаторами. Набрасывали на голову подушку и держали до тех пор, пока провокатор не задохнется. Силы у меня хватит...

Я приговорил Гашке к смерти и успокоился.

Вскоре он проснулся. Так как я разговаривал с ним неохотно, он принялся напевать... «Катюшу»! Перебежчик напевал нашу добрую советскую песню... Это было столь цинично, что я охотно заткнул бы ему глотку!

Однако приходилось терпеть...

Наступил вечер. Принесли ужин, мы поели, посуду унесли, и мы остались одни.

Гашке вздохнул.

— Интересно, что делается сейчас там? — туманно выразился он, обращаясь куда-то в пространство.

«Завтра ты уж ничем не будешь интересоваться», — мысленно ответил я ему, но вслух не произнес ничего.

Потом он стал укладываться, он вообще много спал, и я тоже отвернулся к стенке, делая вид, будто засыпаю.

Наступила ночь.

— Что-то хочется пить, — громко сказал я: если бы Гашке не спал, он обязательно бы отозвался.

Гашке не отозвался.

Тогда я встал и выключил свет, чтобы кто-нибудь, проходя мимо палаты, случайно не заметил, что в ней происходит.

Подождал, пока глаза не привыкли к темноте. Потом подошел к Гашке.

Он мирно дышал, не подозревая, что наступили последние минуты его жизни.

Я вернулся к своей койке, взял в руки подушку, прижал к себе и опять приблизился к Гашке...

Он лежал на боку.

Хорошо, если бы он повернулся на спину...

Он повернулся.

Я хорошо видел его лицо...

Сейчас накрою его подушкой, подумал я, и не сниму до тех пор...

Но что это?

Гашке открыл глаза — я ясно видел его внимательные серые глаза — и, не вскакивая, не поднимаясь, не делая ни одного движения, негромко и отчетливо, с холодной сдержанностью, по-русски произнес:

— Не валяйте-ка, Берзинь, дурака, не поддавайтесь настроению и не совершайте неосмотрительных поступков. Идите на свое место и держите себя в руках.

Продолжение следует.

София

Владимир СОКОЛОВ

* *

По всем городским кварталам
Осенней мело листвой.
Листом золотистым, алым,
Пронизанным желтизной.
Под этим пестрящим танцем
Софийского ветерка
Я шел
и был иностранцем,
Не знающим языка.
О чем-то у продавщицы
Спросил по-болгарски я.
Задумалась продавщица,
Задумался с ней и я.
Но девушка в яркой блузке,
Стоявшая рядом с ней,
Сказала: — А вы по-русски,
Так будет для нас ясней!

И как-то немного проще
Почувствовал я себя.
На улице, словно в роще,
Кружилась листва, рябя.

И вдруг, как порой сквозь
слезы,
Увидел я сквозь туман:
Осенние шли березы
По улице «Цар Шишман».
Они чуть качались в дымке,
И легкие ветерки,
Как добрые невидимки,
Сметали к листкам листки.
Стволов этих белый глянец...
Проталинки черноты...
Какой, к чертям, иностранец
На этих улицах ты!

Стихали в груди удары.
Мне часом казался миг.
Простите меня, болгары,
Я выучу ваш язык!

Он твердый язык и нежный.
В нем близкая нам душа.
На вашей земле зарубежной
Не чувствуешь рубежа.
Родные повсюду лица,
Березы и тополя.

Хорошая заграница,
Болгарская ты земля!

* *

В прозрачной осенней Софии,
Под золотом южной луны,
За тысячу верст от России
Мне снятся московские сны.

Мне снятся минуты отъезда,
Некстати оборванный спор,
И дом, и рабочее место,
И вниз уходящий простор.

И вот я во сне пререкаюсь,
И воздух ладонью крою,
И думаю, и просыпаюсь —
И комнаты не узнаю.

А в окнах — софийское утро,
Бульваров манящий разбег.
Ах, как это, в сущности, мудро
Какой-то сказал человек

О том, что Отечество — это
Не только пространства земли.
Оно — и домá, и рассветы,
Что трудно оставить вдали.

Оно — и родимая крыша,
И помыслы наших годин,
И все, чем живет оно, дышит,
Чем дышишь и ты, его сын.

Наверное, все мы такие,
Солдаты, певцы и сыны.
...Под небом осенней Софии
Я видел московские сны.

ДЕВОЧКА ИЗ ПЕРЕДАЧИ

Наталья ПАНКРАТОВА

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Человек вышел из машины, с силой захлопнув дверцу. Он был недоволен собой...

Сегодня утром, после передачи для детей, не сдержавшись, он накричал на сотрудников телевизионной студии. Досталось всем, даже уборщице, которая уж никак не влияла на идейное и художественное качество передач.

«Мне надоели стандартные, приглаженные дети! Мне осточертели банты, челки, воротнички, фартучки!.. Найдите и покажите хоть одного живого ребенка! Вихрастого, с веснушками, без челочки!.. Пусть он картавит или заикается, черт возьми! Мне надоели будущие дикторы с поставленными голосами!..»

— Дядя Шаня, прокати наш вшех!..

Человек очнулся от раздумий и обернулся. Машина, на которой он только что приехал, была облеплена ребятишками. Мальчишки и девчонки, видимо, были на короткой ноге с шофером: он разрешил им держаться за ручки, окна, буфера. Это были самые обыкновенные дети, шумные и резвые, без пышных бантов и прилизанных челочек. Человек подошел к детям.

— Вы чьи? — весело спросил он.

— Как это чьи? — удивилась бойкая вихрастая девчушка.— Вообще-то мы мамины и папины! Но днем мы детшадовшкие!..

У девочки был низкий с хрипотцой голос, и она сильно шепелявила по причине естественного отсутствия передних зубов. Человек с трудом понял смысл слов «мы детшадовшкие», но, поняв, пришел в восторг.

— А стихи ты наизусть знаешь? — спросил он.

— А школько штихов надо? — деловито спросила девочка.

— А сколько ты знаешь?

— Вошемь штук! Про жайку жнаю!

— Как тебя звать?

— Окшана Шмирнова!

— Окшана? Великолепно! Шмирнова? Превосходно!— радовался человек.— Ты в этом доме живешь? В какой квартире?

И вдруг самый аккуратненький мальчик сказал:

— Что же прекрасного? Она и стихи плохо читает! У нее же нет зубов и все слова непонятно выходят!

— Наверно, в этом и прелесть! — серьезно сказал человек больше себе, чем маленькому мальчику.— И прелесть эта может пропасть... Надо торопиться! Сколько тебе лет, Окшана?..

И вот шестилетняя Оксана выступила по телевидению. Она пела, танцевала, читала стихи. Делала она все это добросовестно. Зубы выпали у Оксаны недавно, без боли, она на этот факт не обратила даже внимания и читала с завидным старанием.

«Жайку брошила хожяйка,
Под дождем оштался жайка!..»

И все вокруг говорили:

— Прелесть «Жайка»! Какая непосредственность! В ней есть что-то от Рины Зеленой!

— А вы слышали, как она присвистнула в слове «оштался»?

— Нет, самое главное, что, совершенно очевидно, художественное чтение никогда не станет ее специальностью.

— А носик!.. А вихорчик на макушке!..

Опьяненная успехом, всеобщим вниманием и необычной обстановкой телевизионной студии, Оксана просто буйствовала. Быстро сообразив, что она сама и есть «передача», Оксанка совала куда только можно свою затерявшуюся между румяными пухлыми щеками кнопочку носа. Казалось, ее голос и топот ног раздавались сразу везде одновременно. Оксана громко разговаривала в операторской, пела в коридоре, трогала то, что ни в коем случае нельзя трогать, и все время лезла под объектив камеры.

Унять Оксану не могла даже дикторша, которая славилась умением быстро находить с детьми общий язык. Об общем языке с Оксаной не могло быть и речи!

Кончилось тем, что Оксану просто взяли под мышки, вынесли со студии и увезли домой, потеряв где-то по дороге ее полосатенькое кашне.

Но слава пришла. Оксана стала героем дня. Десятки людей на улице, в трамвае, в магазине стали узнавать ее, особенно дети.

— Смотрите, смотрите, девочка из передачи! Помните, по телевизору стихи читала? «Жайку брошила хожяйка!»

Оксана вдруг так загордилась, что даже подозрительно спросила руководительницу в детском саду:

— А вы имеете шпециальное ображование по вошпитанию детей?

Упоенная славой, Оксана не играла, как всегда, с детьми, не занималась своими делами, не шалила — она одиноко сидела в уголке комнаты и переживала свою внезапную популярность.

Поведение Оксаны дошло до того, что родная мать сказала ей:

— С тобой даже разговаривать противно!

Оксана лаконично ответила: «И не разговаривай!»,— за что схлопотала по одному месту.

Тогда Оксана обозлилась и решила убежать из дома, но никак не могла решить, куда именно бежать.

А через две недели от славы не осталось и следа. Уже никто не узнавал «девочку из передачи». Теперь Оксане приходилось самой создавать себе популярность. Каждого встречного она спрашивала:

— Вы не узнаете меня? Я выступала по телевизору! Стихи читала... Неужели не помните? Ну, я еще поскользнулась... И шепелявила... Видите, у меня нет зубов! — И она старательно разевала рот.

А через месяц в очередной передаче из детского сада выступил мальчик Андрюша Бабич, да так хорошо читал наизусть «Дядю Степу», что о выступлении Оксаны не вспоминали даже родственники.

И Оксана, может быть, впервые в жизни задумалась о славе, о том, как иногда она легко приходит и легко уходит.

— Вот зубы отрастут,— сказала она как-то, ни к кому не обращаясь,— я еще так навыступаю, что на всю жизнь все запомнят.

РЖАВЫЙ ГВОЗДЬ

Восточная сказка

Елена ИЛЬИНА

Скалистой дорогой шел путник один
И в дверь постучался чужую:
— Позволь отдохнуть мне,
о мой господин,
Мне милость окажешь большую.

Пришелец смиренно ступил на порог.
— Откуда идешь?
— Из Багдада.
Он сел на циновку, а после прилег:
Для странника отдых — отрада...

Потом из кармана он вытащил гвоздь.
— Хоть гвоздь это ржавый немного,
Еще мне послужит он,— вымолвил гость,—
Боюсь — потеряю дорогой.

Хозяин смеется:
— Что ж, будет он цел
У нас, этот гвоздь драгоценный.
А гость говорит ему:
— Я бы хотел
Забить для сохранности в стену.

Пришельцу хозяин дает молоток.
Тот стукнул по шляпке со звоном —
И гвоздь уже в стенке. Шагнув за порог,
Пришелец уходит с поклоном.

Прошло две недели. Опять этот гость
Является в домик знакомый.
— Хотел бы проверить я,
цел ли мой гвоздь,—
Сказал он хозяину дома.

— Да, гвоздик на месте, Аллаху хвала!..
Проходит неделя, другая,
И вдруг он приводит с собою осла
И в дверь загоняет, толкая.

— Хочу привязать я к гвоздю моему
Осла моего,— говорит он,—
Не будет мой ослик мешать никому,
Пускай у тебя погостит он.

Осла крепко-на́крепко гость привязал,
А вскоре приводит он сына.
— Ну, как мой осел! — он с поклоном
сказал.—
Жива ли, здорова скотина!

Пусть сын мой осла моего сторожит,
И кормит, и чистит, и холит.
А ночью мой сын на полу полежит.
Хозяин, конечно, позволит!

Спустя две недели пришел он опять.
Пришел не один, а с женою.
— Где сын,— говорит он,—
должна быть и мать,
И оба должны быть со мною.

Внесли они тюк, два огромных узла,
Сундук и корзину большую...
Хозяин увидел, что плохи дела,
И жить перешел... в кладовую.

Картина на двери

В Днепропетровском государственном историческом музее выставлена картина, нарисованная на двери. Вернее, это верхняя половина картины, нижняя исчезла бесследно. Сейчас, пожалуй, только семидесятипятилетний смотритель музея М. Я. Белый, помнящий владельца этого необычного портрета — Д. И. Яварницкого, знает историю картины.

Ученый-историк, знаток запорожского казачества и страстный собиратель предметов украинской древности, Д. И. Яварницкий был близким другом Ильи Ефимовича Репина. Познакомился он с художником в 1887 году, вскоре после приезда в Петербург. Репин, работавший над воплощением своего замысла о запорожцах, был рад знакомству. Еще в студенческие годы Яварницкий начал собирать предметы быта запорожцев, изучал исторические памятники. Историк знакомил художника со своими трудами и даже позировал Репину для фигуры писаря в картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Как-то Репин по просьбе Яварницкого прислал к нему своего ученика Николая Ивановича Струнникова. Передав сердечный привет своего учителя, он спросил о пожеланиях Дмитрия Ивановича. Тот попросил нарисовать «страшного» запорожского казака, и молодой художник выполнил свою работу на массивной двери. Картину назвали «Казак в бою».

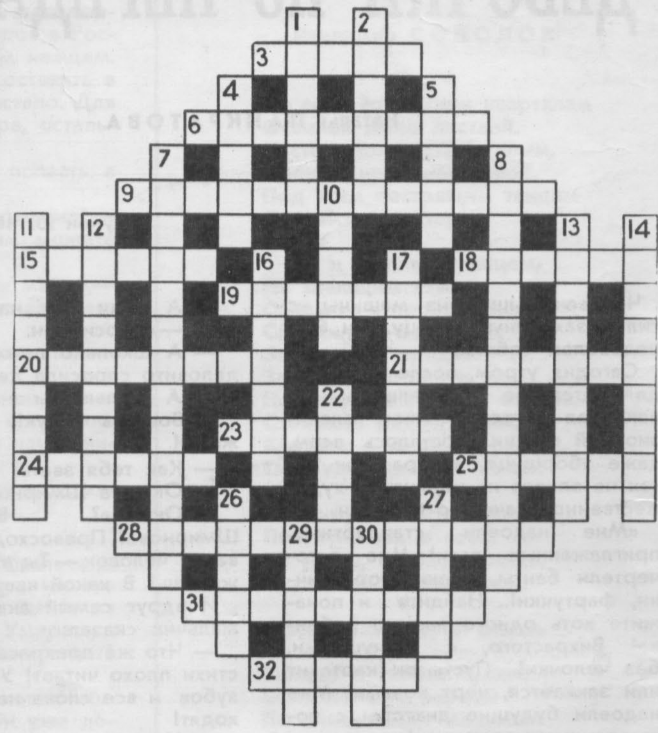
Перебираясь из Петербурга на постоянное жительство в Екатеринослав, ученый захотел взять с собой и картину-дверь. Но хозяин дома, несмотря на предлагаемое вознаграждение, не хотел отдать дверь. Спор перенесли в судебные инстанции, и там было вынесено решение: распилить дверь на две равные части и кинуть жребий. Яварницкому, к счастью, досталась верхняя часть двери.

В Екатеринославе ученый взялся за создание музея украинской старины. В 1905 году были закончены раскопки древних курганов и сбор экспонатов. Основатель и директор музея Яварницкий передал сюда и «Казака в бою».

Во время Отечественной войны музей спасли трое простых советских людей: сторож музея Михаил Яковлевич Белый, его жена Ирина Наумовна и уборщица Прасковья Константиновна Дусь. Они спрятали экспонаты в подвалах и у себя дома. После изгнания фашистов ценные коллекции были водворены в музей. Здесь рядом с чумацким возом, запорожскими челном, пикой и другими предметами посетители могут видеть и необычную картину-дверь.

К. ЧЕРЕВКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Льняная ткань. 6. Русская песня. 9. Отрасль птицеводства. 15. Рамка для очков. 18. Остановка в походе. 19. Вертикальный разрез в чертеже. 20. Бальный танец. 21. Краткое письменное изложение. 23. Продукт перегонки нефти. 24. Известный исполнитель-виртуоз на балалайке, дирижер. 25. Остров у берегов Великобритании. 28. Народный артист СССР. 31. Специалист по изучению полезных ископаемых. 32. Итальянская сосна.

По вертикали:

1. Город в Чехословакии. 2. Денежная единица Португалии. 4. Черенок виноградной лозы. 5. Химическое соединение 7. Гористая местность. 8. Основа, сущность. 10. Судостроительное предприятие. 11. Рассказ М. Горького. 12. Математическое равенство. 13. Государство в Центральной Америке. 14. Русский актер-трагик. 16. Литературный кружок в России начала XIX века. 17. Окончание слова. 22. Дипломатический представитель. 26. Фиговое дерево. 27. Приток Северского Донца. 29. Вулканическая порода, отделочный материал. 30. Земляной орех.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 20

По горизонтали:

1. «Поэт». 3. Тали. 9. Дефиле. 10. Статуя. 12. Трест. 14. Самос. 15. Сукно. 16. Жаворонок. 18. Футбол. 20. Насыпь. 22. Клин. 23. Дрина. 25. Елец. 26. Акация. 28. Могера. 30. Очки. 31. Лифт.

По вертикали:

1. Предлог. 2. Эгида. 4. Амаду. 5. Изумруд. 6. Бетховен. 7. Фрезеровщик. 8. Источник. 11. Джамбул. 13. Синкопа. 16. Желонка. 17. Кантеле. 19. Белка. 21. Среда. 23. «Даиси». 24. Атолл. 27. «Клоп». 29. Ритм.

Первые марки ОАР

21 февраля 1958 года на карте мира появилось новое государство — Объединенная Арабская Республика. А спустя несколько дней собиратели почтовых марок открыли в своих альбомах новый раздел.

1 марта во вновь созданной республике была издана первая почтовая марка. На оранжевой марке крупным планом дано изображение человеческого глаза на контурном фоне азиатского и африканского континентов. Марка была выпущена в ознаменование состоявшегося в Каире конгресса окулистов стран Африки и Азии. Три заглавные буквы U. A. R. в верхней части рисунка возвещают о рождении нового миролюбивого арабского государства.

Через несколько дней вышла стандартная (массовая) марка коричневого цвета. На ней воспроизведен скульптурный портрет царицы Нофертити — жены египетского фараона Аменофиса IV.

Интересны марки Египта, предшествовавшие выпуску почтовых знаков Объединенной Арабской Республики. На одной отображен знаменательный акт национализации Суэцкого канала в 1956 году. Надпись на французском и арабском языках гласит: «Национализация Суэцкого канала. Свобода навигации гарантируется».

Другая марка посвящена состоявшейся в Каире в конце прошлого года Конференции солидарности стран Африки и Азии. Белый голубь с оливковой ветвью в клюве — символ мира и спокойствия — в центре, справа в верхнем углу — земной шар, на переднем плане которого азиатский и африканский материки, внизу — египетские пирамиды...

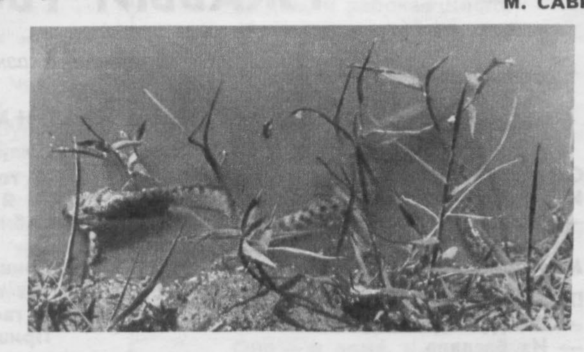
М. МИЛЬКИН, И. СВЕТЛОВ

На вкладках этого номера четыре страницы — кадры из третьей серии кинофильма «Тихий Дон» и четыре страницы цветных фотографий.

Змеиный обед

Этот снимок мне удалось сделать во время сева на рисовых полях одного из колхозов Джалал-Абадской области, Киргизской ССР. Не обращая внимания на работающих людей, змея занималась своим делом: поймала и заглотнула лягушку.

М. САВИН

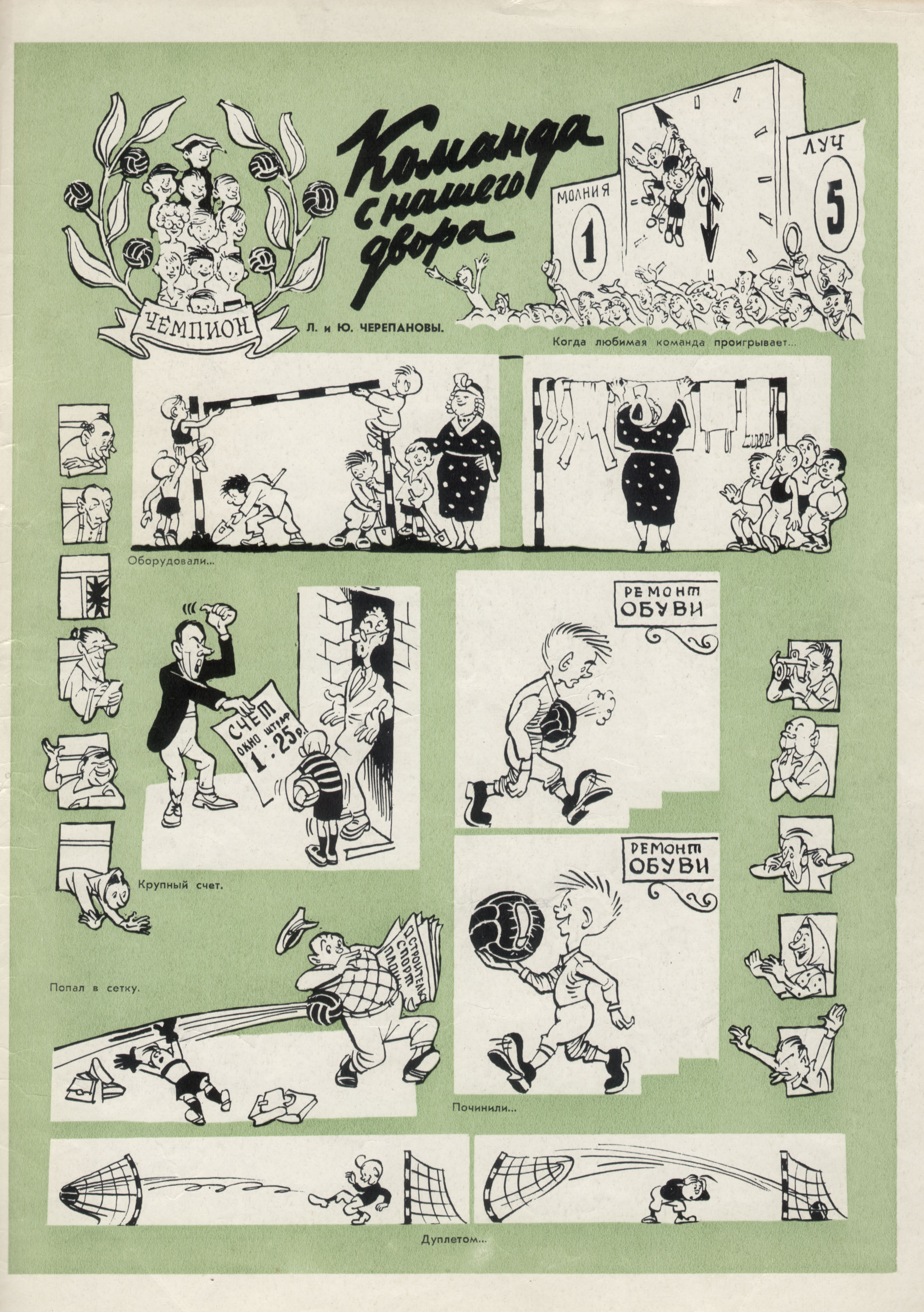
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия:** **В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. Уразова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04242. Подписано к печати 14/V 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 436. Заказ № 1098.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫ.

Когда любимая команда проигрывает...

Оборудовали...

Крупный счет.

Попал в сетку.

Починили...

Дуплетом...

ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ!